

В зеркале времени

УЛЬЯНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В зеркале времени

УЛЬЯНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Иван Андреев

РЯДОМ С ОБЛАКАМИ

ЗИМОВКИ НА ЛЕДНИКЕ ФЕДЧЕНКО

Ульяновск

2021

ББК 26.222.8
УДК 551.32
А 65

Издание осуществлено при поддержке:

**Ульяновского областного отделения
Русского географического общества**
г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 13/91, оф. 15, тел.: 8 (8422) 73 52 00,
<https://ulrgo.ru> и <https://vk.com/rgo73>

**Магазина товаров для детей «Алиса»
(ИП Ольга Борисовна Турицына)**
г. Ульяновск, ул. Карла Маркса, д. 17; тел.: +7 908 479 77 99,
<http://vk.com/alisa073>

**ООО «Телекомпания СТВ» («360-Ульяновск»)
(генеральный директор Владислав Михайлович Советкин)**
г. Ульяновск, ул. Тимирязева, д. 7, оф. 32; тел.: 8 (8422) 46 90 01,
<https://www.youtube.com/stv73tv>

**Типографии «Мастер-Студия»
(директор Дмитрий Николаевич Облезин)**
г. Ульяновск, ул. Урицкого, 94; тел.: 8 (8422) 44 55 33, 44 56 09,
<https://masterstudio.ru>

Андреев, И. Д.

А 65 Рядом с облаками : зимовки на леднике Федченко /
И. Д. Андреев ; Ульян. обл. отд-ние Русского географ. о-ва ;
сост. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск :
ИП Облезин Д. Н., 2021. – 152 с. : ил. – (В зеркале времени).

ISBN 978-5-6046719-2-4

Книга «Рядом с облаками» – это воспоминания о зимовках на гляциометеорологической обсерватории, расположенной в горах Памира, на леднике Федченко, на высоте более 4 тыс. метров над уровнем моря. Тогда – Terra incognita. Повествование пропитано романтикой и энтузиазмом 1930-х годов, колоритом Средней Азии и непосредственностью молодости, которую автору удалось сохранить на протяжении всей жизни.

Издание предназначено для широкого круга любознательных и вдумчивых читателей.

ISBN 978-5-6046719-2-4

ББК 26.222.8
УДК 551.32

© Ястребов В. В., 2021
© Ульяновское областное
отделение РГО, 2021
© ИП Облезин Д. Н., 2021

НЕИСПРАВИМЫЙ РОМАНТИК БРУТАЛЬНОГО ВЕКА

Автор этих воспоминаний – Иван Дмитриевич Андреев – прожил долгую, интересную, наполненную событиями жизнь. Почти ровесник XX века, он стал свидетелем многих его побед, свершений, трагедий и разочарований.

Гражданская война, создание совершенно нового советского государства, коллективизация и индустриализация, энтузиазм первых пятилеток, великие стройки коммунизма, непоколебимая вера в светлое будущее, ради которого стоит жить и трудиться, отдавая все свои силы – вот те краеугольные камни, на которых сформировался характер будущего исследователя и учёного.

Импульс, полученный в юности, сохранился на многие годы и помогал в трудные периоды жизни.

Иван Дмитриевич родился в 1912 г. В разгар Гражданской войны, спасаясь от холода и голода, с матерью и двумя сёстрами перебрался из Петрограда в Симбирск. Здесь он учился в Первой Пролетарской школе имени Карла Маркса. Занимался спортом, зимой катался на лыжах и даже руководил школьным лыжным кружком. А лето проводил на Волге, отлично плавал, работал на спасательной станции при яхт-клубе. После окончания школы работал в навигацию кочегаром на местном пароходике, а зимой – слесарем на патронном заводе, нужен был трудовой стаж для поступления в вуз.

В 1931 г. он становится студентом математического факультета Казанского университета. Но стремление к неизведанному, жажда открытий и романтика арктических исследований внесли свои коррективы и повлияли на его дальнейшую судьбу. Написав статью по теории полярных сияний и отправив её в Главную геофизическую обсерваторию, Иван Дмитриевич получил приглашение принять участие в работах Второго Международного полярного года (2 МПГ, с 1 августа 1932 по 1 августа 1933 г.). Долго не раздумывая, уезжает в Ленинград и уже в декабре 1932 г. становится научным сотрудником Мурманской морской обсерватории. Занимался изучением атмосферного электричества. Участвовал в научных арктических экспедициях по Баренцеву и Карскому морям на деревянных моторно-парусных судах «Николай Книпович» и «Персей». Иван Дмитриевич вспоминал, что на Землю Франца-Иосифа он высадился в сандалиях на босу ногу, просто другой обуви тогда у него не было, но это его не смущало.

В 1934 г. И. Д. Андреев поступил в Ленинградский университет. И вновь заманчивое предложение – отправиться на зимовку на только что построенную гляциометеорологическую обсерваторию на леднике Федченко в горах Памира. Самая высокогорная обсерватория в мире, неизведанная земля, конечно, от такого невозможно отказаться. На леднике Иван Дмитриевич провел две зимы (1934/35 гг. и 1936/37 гг.), занимаясь научными исследованиями и проводя метеорологические наблюдения. Во второй раз поехал в горы начальником зимовки. Между зимовками посещал лекции в университете, сдавал зачёты и экзамены.

Окончил университет в 1941 г., перед самым началом Великой Отечественной войны. На военной кафедре получил подготовку лётчика-наблюдателя. С 3 июля 1941 г. – начальник метеослужбы 36-й авиационной дивизии дальнего действия. Демобилизовался в ноябре 1945-го.

Вернувшись в Ленинград, посвятил себя преподавательской деятельности. Читал лекции на географическом факультете Ленинградского университета, на ка-

федре метеорологии Высшего арктического морского училища (ныне Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова). 18 лет заведовал кафедрой. Гордился своими учениками: полярниками, капитанами, исследователями.

Иван Дмитриевич никогда не забывал город своей юности – Ульяновск, с удовольствием приезжал полюбоваться на Волгу, пройтись по знакомым улочкам, погрузиться в дорогое сердцу прошлое. В памяти сохранилось множество увлекательных историй, интересных фактов, ярких событий. Уже почти в 80-летнем

Иван Андреев.
Город моего детства. –
Ульяновск, 2020.

возрасте он написал воспоминания о своей жизни. Долгие годы папка с отпечатанными на пишущей машинке листами хранилась в краеведческом отделе Ульяновской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина. Первая часть этих воспоминаний, посвящённая жизни в Симбирске-Ульяновске в 1920–1930-х гг., где нашли отражение как географические особенности города, так и нравы и обычаи его жителей, вышла из печати в ноябре 2020 г. (см.: Андреев И. Д. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – 272 с.). Книга была тепло встречена читателями.

Во второй части описываются зимовки на высокогорной гляциометеорологической обсерватории, расположенной на леднике Федченко в горах Памира, одном из уникальнейших мест на нашей планете. Это яркая страница научной деятельности Ивана Дмитриевича Андреева. Очень хотелось, чтобы и эти записки смогли увидеть свет и дойти до широкой публики. Благодаря поддержке Ульяновского областного отделения Русского географического общества это стало возможным.

Непритязательные, на первый взгляд, записки зимовщика открывают свой особенный мир. Неповторимая красота дикой природы, ослепительно белые снега, бескрайнее голубое небо, заоблачные вершины. Величественное безмолвие, где только маленькая группа дерзких исследователей, не боящихся ни сурового холода, ни разреженного воздуха, ни одиночества...

Владислав Ястребов,
12 октября 2021 г.

Владислав Ястребов

yastrebov73@gmail.com
yastrebov73@yandex.ru

Несколько предварительных слов.

Мои воспоминания носят явно личностный характер и не отражают общего духа, общего состояния, в котором жила страна. Это понятно. На зимовках тех лет мы были почти полностью оторваны от «большой» жизни и жили интересами маленького, замкнутого коллектива и работой, которая выпала на нашу долю.

О зимовке 1936/37 гг. мною написано меньше, чем о зимовке 1934/35 гг., по простой причине – она была второй. Острота моего восприятия всего, что её сопровождало, уже не носила характера новизны. Зимовка была сугубо рабочей, и шаги по леднику уже не были шагами первопроходцев.

Перечитывая записки, я вижу, что они несколько сентиментальны. Сквозь призму послезимовочных пятидесяти четырёх лет это объяснимо. На исходе восьмого десятка лет всё пережитое кажется лучше.

Горные ледники – это золотой фонд Средней Азии.
Н. Л. Корженевский

Продолжая свои записки¹, перескакиваю через несколько лет жизни. Об Арктике написано много, и добавлять ещё сколько-то страниц не самых интересных воспоминаний, пожалуй, не стоит.

Может быть, когда-нибудь я и напишу о работе в Мурманской морской обсерватории (ММО) под руководством Владимира Семёновича Самойленко, чьей светлой памяти плавает сейчас в Тихом океане судно «Владимир Самойленко». Мурманская морская обсерватория располагалась в селе Полярном, ныне город Полярный (ранее город Александровск на Мурмане). Сейчас обращаюсь памятью к своим памирским зимовкам на величайшем внеарктическом леднике мира – леднике Федченко – в те годы самой высокогорной в мире гляциометеорологической обсерватории, теперь носящей имя Николая Петровича Горбунова.

В июле 1934 года Мурманская морская обсерватория прекратила своё существование. Здание обсерватории на горе Вестник, что над входом в Екатерининскую гавань, перешло в ведение Северной военно-морской флотилии, впрочем, как и все постройки бывшей Мурманской биологической станции, а затем Государственного океанографического института, при котором существовала обсерватория. Институт был реорганизован и получил новое название ВНИРО, а в Мурманске его филиал – ПИНРО, существующий и поныне.

Сотрудники обсерватории частично остались работать в новой организации, а я и ещё несколько товарищей, работавших в обсерватории по командировкам Главной геофизической обсерватории, возвратились в Ленинград.

В Полярном я занимался вопросами атмосферного электричества, полярными сияниями, а летом, во время полярного дня, – ак-

¹ см.: Андреев, А. И. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске / сост. и авт. коммент. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – 272 с. : ил.

тинометрией. Довелось совершить несколько рейсов в Баренцево и Карское моря на деревянных экспедиционных судах «Персей» и «Николай Книпович».

В Ленинграде отчитался о проделанной работе, сдал материалы наблюдений в Отдел атмосферного электричества ГГО его заведующему Н. И. Леушину и в Институт актинометрии ГГО, директором которого был Николай Николаевич Калитин, после чего поехал в отпуск. Побывал в Ульяновске, около месяца провёл на Волге, плавая на швертботе, и снова отправился в Ленинград за новым назначением.

В Главной геофизической обсерватории я числился в должности стажёра по Сектору полярных и высокогорных станций, созданному во время Второго международного полярного года (2 МПГ, 1932–1933 гг.) Замыкался я непосредственно на заместителя директора ГГО по научной работе Павла Николаевича Тверского, которого считаю своим крёстным отцом в геофизике. Память о нём храню до сих пор.

Павел Николаевич предлагал мне несколько вариантов работы в стенах обсерватории, но меня тянуло в походы. Мы, молодые, в те годы были романтиками. Говоря словами Н. Гумилёва из его поэмы «Капитаны»:

*И кажется – в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И блещут в прозрачной воде жемчуга.*

*С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!*

*И карлики с птицами спорят за гнёзда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звёзды
Как будто наш мир не открыт до конца!*

Перебиралось много вариантов: Якутия, Шпицберген, Монголия – и вот, наконец, самое заманчивое – Памир.

Из Ташкента в Ленинград приехал профессор Чернявский Евсей Александрович. В Ташкентской геофизической обсерватории он заведовал Отделом атмосферного электричества. Евсей Александрович рассказывал, что на Памире, на леднике Федченко, заканчивается строительство здания гляциометеорологической обсерватории. Говорил, что хорошо было бы послать туда специалиста по атмосферному электричеству, но в Ташкенте нет аппаратуры и человека, знакомого с атмосферно-электрическими наблюдениями.

У меня в руках аппаратура, а главное, полная готовность и громадное желание отправиться в неведомые края. Неделя телефонных переговоров с Ташкентом, и, наконец, телеграфное согласие зачислить меня в состав зимовочного коллектива.

Сборы были недолги. Получив командировочное предписание, нагруженный всей аппаратурой, отправляюсь в новые для меня края, к новым людям.

Пересадка в Москве. Иду с визитом в Главное управление Гидрометеорологической службы СССР, расположенное в здании Наркомзема в Орликовом переулке. Знакомлюсь с его начальником Алексеем Феодосьевичем Вангенгеймом. Принят любезно. Вообще, в те годы было легко попасть к любому начальству. В 1933 году я запросто был принят Валерианом Владимировичем Куйбышевым, тогда председателем ВСНХ, у которого просил один миллион рублей на экспедицию на «Николае Книповиче» по Северному морскому пути. Денег он не дал, но очень вежливо и внимательно отнесся к этому проекту и толково объяснил, почему государство не может ассигновать такую большую сумму на наши работы¹.

Вангенгейм познакомил меня с Сергеем Петровичем Хромовым, в то время начальником Центрального бюро погоды. Люди очень интересные, и они не пожалели времени на разговор с двадцатидвухлетним искателем приключений и романтики.

¹ см.: Славный «дядька» Валериан Владимирович // Андреев, И. Д. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске / сост. и авт. коммент. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – С. 200–202.

Скорый поезд Москва – Ташкент. Еду в плацкартном вагоне, в купе нас четверо: ташкентский врач с женой и сыном возвращаются из отпуска и я. Вместе пьем чай и поедаем арбузы, которые покупаем почти даром на каждой станции после Куйбышева (Самары).

Промелькнул Оренбург, перевалили через южные отроги Урала. Начались среднеазиатские пустыни. Песок, песок без конца и края. Для меня всё это ново. На станциях верблюды, ишаки, смуглые люди с гортанным говором. Аральское море, Кызыл-Орда и опять пески, пески. Хотя на дворе уже начало октября, мне, северному жителю, жарко.

Но не всё благополучно. Очевидно, нельзя, чтобы в жизни было всё только хорошее. Ночью между Аральским морем и Казалинском услышал у себя над головой стук. Проснувшись, хватаю чью-то руку, в которой мои полуботинки, поставленные на багажную полку. Рука у меня вырывается, мальчишка-беспризорник спрыгивает в соседнее пустое купе и бежит по вагону. Я за ним. Он выпрыгивает из вагона и теряется в темноте ночи, а поезд в то время трогается. Так я остался без обуви. Как быть? В одних носках неудобно являться к начальству и представляться.

Хорошо, что мои соседи по купе дали взаимообразные новые ка-лоши сына, которые пришлось как раз по ноге, и утешили, говоря, что в Ташкенте узбеки любят ходить в галошах, и мой вид не будет вызывать ни у кого смеха.

Наконец, приехали. Ташкент. Суeta на вокзале. Незнакомый говор, в котором проскальзывают знакомые слова. Сказалось некоторое знакомство с татарским языком, который я слышал от ребят в Ульяновске и учил под руководством профессора Курбангалиева в Казанском университете. Вывески и указатели на узбекском языке читаются и наполовину понятны. Сдаю свой багаж в камеру хранения и еду на трамвае в центр города.

Являюсь к начальнику Среднеазиатского управления Гидрометеорологической службы Бойкову Ивану Николаевичу. Представляюсь и докладываю, как остался без обуви и о том, что у меня после дороги от аванса, полученного в ГГО, осталось всего двадцать копеек. Смеётся и приказывает бухгалтерии выписать и выдать мне

аванс. Хуже с обувью. Ещё действует в стране карточная система на продукты и талонное распределение промтоваров. Но он вызывает начальника службы снабжения и приказывает хоть из-под земли, но раздобыть мне ботинки.

Приказание было выполнено. Вечером снабженец принёс очень лёгкие, скальные ботиночки, которые служили мне потом, после зимовок, несколько лет.

Вопрос жилья решился просто. И. Н. Бойков сказал: *«Располагайтесь здесь, в моём кабинете. Вот на этом диване. Днём у Вас будет много дел, а ночью тут спокойно»*. Словом, сэкономил на оплате гостиницы.

Решив все вопросы, он направил меня к начальнику Бюро высокогорных исследований Аркадию Васильевичу Макарову, который едет на ледник Фёдченко начальником зимовки, а сейчас занят подготовкой к отъезду на Памир.

Бюро Высокогорных исследований размещалось в доме, когда-то принадлежавшем семье Керенских, из которой вышел небезызвестный всем Александр Фёдорович Керенский. Улицу я вспомнить не могу.

Аркадий Васильевич Макаров, высокий, стройный, на вид суровый человек, встретил меня радушно. Он уже знал, что я из Ленинграда, имею опыт работы на Севере и, кажется, был доволен первым впечатлением, которое я произвёл.

Он познакомил меня с Леонидом Ивановичем Фетисовым, инженером-геодезистом, и Андрюшей Ренье, также едущими на зимовку. Андрюша едет поваром. Андрюша – красивый, высокий юноша, немец с французской фамилией и русским именем, уроженец Азии.

Ещё два зимовщика уже на леднике: радист Жан Шарафутдинов и механик Пётр Иванович Столяров. Они поднялись на обсерваторию вместе с последней группой строителей и останутся зимовать с нами.

Мои сотоварищи никогда не зимовали, никогда не жили в условиях, приближённых к полярным, и неизвестно, как-то сложится наша совместная жизнь на высоте 4 220 метров над уровнем моря в условиях буранов, снегопадов и кислородного голодания. Из всех нас один Аркадий Васильевич, в силу своей работы в должности

начальника Бюро высокогорных исследований, проехал по многим памирским и тянь-шаньским высокогорным станциям с инспекцией, но и он никогда не зимовал.

Для зимовщика самое главное, что должно быть в характере, – это умение терпеть и ждать. Без этого нельзя жить в трудных условиях, в замкнутом коллективе, где знаешь подноготную каждого человека, его характер, светлые и тёмные стороны его натуры. Надо уметь приспособливаться друг к другу и уметь прощать срывы в поведении, зная их природу и помня, что и тебе простят, если ты сорвёшься, станешь взрывоопасным. Но кажется, что мои товарищи – спокойные, выдержанные люди.

А пока сборы. Надо предусмотреть многое по части подготовки и проведения работ. Программа большая. Тут и обычные метеорологические наблюдения, и гляциологические работы, и актинометрические исследования, ведь ледник Федченко совершенно неизученный объект. На таких больших высотах ещё никто регулярных наблюдений за солнечной радиацией не производил. Мои обязанности: атмосферно-электрические наблюдения за напряжённостью электрического поля атмосферы (вертикальный градиент потенциала), проводимостью воздуха, содержанием эманации радия в воздухе высокогорья. Хорошо ещё, что снабженческие функции, чисто хозяйственные, нас не касаются. Этим занимается начальник строительства обсерватории и его снабженческий аппарат.

Главный снабженец, Зайден-Трегер, недавно был в Ташкенте и заверил Аркадия Васильевича, что всё питание, топливо уже заброшено на обсерваторию. Ох и подвёл же он нас! С той поры я никогда не беру слов снабженцев на веру.

В Ташкенте, в Управлении гидрометеорологической службы и Геофизической обсерватории, знакомлюсь с интересными людьми, много сделавшими для изучения природы Средней Азии. Среди них уже знакомый мне Евсей Александрович Чернявский, заведующий Отделом земного магнетизма Венедикт Николаевич Михалков, крупный географ Николай Леопольдович Корженевский. Он одним из первых исследовал Северо-Западную часть Памирского оледенения, бывал в двадцатых годах у языка Федченко. Первым

из советских исследователей набросал визуальную схему ледника. Он был у ледника третьим, после Косиненко и Ошанина. Николай Леопольдович на ледник не поднимался. Он занимался изучением хребта Петра Великого, открыл новый ледничок, названный его именем, и новый пик-семитысячник в этом хребте, который, пользуясь правом первооткрывателя, назвал именем своей жены – Евгении Корженевской.

Николай Леопольдович участвовал в работах Советско-германской Таджикско-Памирской экспедиции 1928 года, исследовавшей Памирское оледенение. Он работал на ледниках Заалайского хребта.

Во время этой экспедиции был впервые пройден ледник Федченко от фирневых полей до его языка. Первым прошёл его геодезист-топограф Иван Григорьевич Дорофеев с двумя красноармейцами. О работе Дорофеева читайте в книге «В неизведанные выси». Я рекомендую её прочесть всем, кто любит читать о путешествиях и географических открытиях.

Советско-германскую экспедицию 1928 года возглавлял Николай Петрович Горбунов, бывший управляющий делами Совнаркома, академик. В ней принимали участие: заядлый альпинист, Генеральный прокурор СССР Николай Васильевич Крыленко, его супруга (единственная женщина, участвовавшая в экспедиции), впоследствии всем известный полярный исследователь Отто Юльевич Шмидт, астро-геодезист Яков Иванович Беляев, уже упоминавшийся топограф-геодезист Дорофеев, несколько красноармейцев в качестве охраны и носильщиков.

С немецкой стороны в экспедиции участвовали несколько альпинистов и геодезист Ричард Финстервальдер, производивший фото-теодолитную съёмку ледника. Впервые было показано, что протяжённость ледника Федченко превышает семьдесят километров и ширина его колеблется от двух до пяти километров. Всех, кого заинтересует работа этой экспедиции, адресую к «Трудам Таджикско-Памирской экспедиции», издававшимся в конце двадцатых – начале тридцатых годов, или, если коротко, к статье А. Н. Горбунова «Открытие страны Танымас», опубликованной в десятом номере журнала «Наука и жизнь» за 1979 год¹, а также к уже упоминавшейся книге Дорофеева «В неизведанные выси».

¹ см.: Горбунов, А. Открытие страны Танымас // Наука и жизнь. – 1979. – № 10. – С. 97–102.

Ещё два интересных знакомства. В первую ночь, когда я расположился на диване в кабинете начальника Управления, неожиданно вошёл массивный человек со связкой синоптических карт. Как выяснилось, начальник Ташкентского бюро погоды Виктор Антонович Джорджио. Он хотел в тиши кабинета поработать. Слово за слово познакомились. Виктор Антонович мне заявил, что нечего жить в чужом служебном кабинете. Сейчас пойдём к нему домой. Он один, его супруга в Москве, и мне будет у него удобнее. Так и сделали.

Через два дня появился ещё один постоялец у моего хозяина. Из Новосибирска для работы в Ташкентском бюро погоды по приглашению Джорджио приехал ещё один Виктор Антонович – Бугаев, будущий академик Узбекской Академии Наук и будущий директор Гидрометеорологического центра СССР. Так я и прожил с двумя Викторами Антоновичами до отъезда на ледник Федченко.

Жизнь шла своим чередом. Готовимся к зимовке, я знакомлюсь с Ташкентом. Он поражает меня своим разнообразием, богатством восточных базаров, что после ленинградского карточного питания просто удивляет обилием овощей, фруктов... Но мне в Ташкенте очень жарко.

Наступил конец сборам. Упакованы выючные ящики, чемоданы, слушаем последние наставления и напутствия. И вот поезд Ташкент – Андижан уносит нас в верховья Ферганской долины. Проезжаем Урсатьевскую, Ленинабад (Худжант), Наманган, и вот мы в Андижане.

Нам надо в город Ош, но туда нет железнодорожного пути. В Оше расположено Бюро высокогорных исследований, тут скрестились караванные тропы Тянь-Шаня и Большой Памирский тракт, недавно построенный и соединивший Ош – Мургаб – Хорог.

В Андижане нанимаем грузовичок и через узбекские и киргизские кишлаки едем в Ош. По сторонам дороги – хорошо возделанные поля, сады и мирный народ, живущий зажиточно. Крепкие колхозы.

Ни о какой национальной резне нельзя даже подумать. Насколько я мог заметить за неделю пребывания в Оше, узбеки и киргизы живут дружно. Затухало басмачество, но оно не приводило к обострению межнациональных отношений среднеазиатских народов.

Город Ош встречает нас Сулейман-горою, расположенной в центре города. Для мусульман это священная гора – трон Сулеймана (Соломона). С горой и чудесами, которые связаны с ней, в народе масса рассказов и легенд.

Бюро высокогорных исследований расположено на берегу реки Ак-Буура. Обычный дом с большим двором, конюшнями и сеновалом. Зимой здесь отстает караван лошадей, который сейчас работает на леднике Федченко, перебрасывая последние строительные грузы, и, как мы думаем, снабжение станции на зиму. Нам предстоит перевалить на грузовой автомашине через Алайский хребет по Большому Памирскому тракту на метеорологическую станцию Сары-Таш (Жёлтый камень), где нас должны ждать лошади. Дальше к леднику Федченко путь только верхом на лошадях. Все грузы поедут на спинах лошадей выюками.

Конечно, к настоящему времени Андижан и Ош сильно изменились по сравнению с 1934 годом. Тогда это в основном глинобитные кибитки, немощёные улицы, где после проезда редкой автомашины поднятая в воздух лёссовая пыль медленно оседала вниз.

Сейчас я даже не представляю Ош, ставший университетским и промышленным городом и далеко шагнувший от патриархального быта тех лет. Но ведь прошло уже более полувека с той далёкой поры. Тем более, я не представляю себе, как в этом тихом городочке могли возникнуть националистические вакханалии, пролитие крови, погромы. Не укладывается это в моём представлении о спокойной жизни в тех местах в тридцатые годы. Правда, в горах ещё были слышны отголоски басмаческого движения. Не так давно на Памире были разгромлены банды Ибрагим-бека, перешедшие советскую границу из Афганистана и дошедшие до города Гарм. Разгромом басмаческих банд руководил легендарный матрос Павел Дыбенко, бывший тогда командующим войсками Среднеазиатского военного округа.

Ждём заказанную машину, чтобы двигаться дальше. Не всякая автомашина пригодна для езды по Большому Памирскому тракту. В те времена по тракту ходили только пятитонки производства ЗИС (теперь ЗИЛ).

Солнечный день. Жара. К нам во двор верхом на гнедом коне въезжает девушка в коричневом лыжном костюме. Светлые волосы лежат на плечах.

– Кто Вы, незнакомка?

Оказывается – студентка Ленинградского университета Тимофеева Зоя Андреевна. Ехала мимо, увидела вывеску «Бюро высокогорных исследований» и решила заехать посмотреть, что это такое. Она только что спустилась с Тянь-Шаня. Она и ещё одна девушка, Надя Петрова, представляют собой геомагнитную партию. Провели маршрутную магнитную съёмку от Пржевальска на Иссык-Куле до Оша. Их караван из нескольких лошадей и двух рабочих-вьючников оставался в одной из чайхан.

Здесь, в Оше, заканчивается их маршрут, и они, передав лошадей в Джалал-Абаде, поедут в Ташкент, а затем в Ленинград продолжать учение на четвёртом курсе университета.

В те далёкие годы студенты-геофизики Ленинградского университета на каждое лето разъезжались по экспедициям и вели работы большого государственного значения.

Наша гостья уже второй год работает летом по магнитной съёмке территории Средней Азии.

Все мои поездки на Север и вот теперь на Памир тоже шли под флагом Ленинградского университета, студентом которого я значился. Только я уезжал на годы. Возвращаясь с зимовок, сдавал некоторые экзамены и зачёты и снова отправлялся в путь.

Поговорили с новой знакомой, она нам пожелала удачной зимовки, и расстались.

Сходили на базу Таджикско-Памирской экспедиции, которой руководил Николай Петрович Горбунов. Экспедиция летом работала по Восточному Памиру, в районе озера Рангкуль, а сейчас, с приходом осени, возвращалась домой в Москву. В горах уже морозы, и на перевалах снегопады. Перевалы скоро закроет снегом, и связь с миром прекратиться.

Через Н. П. Горбунова раздобыли пуховые спальные мешки. Очень лёгкие и тёплые. Ох как они намгодились на зимовке, особенно при выходах на ледник и во время ночёвок на снегу в порубуранов.

На следующий день в кузове тяжело гружённой машины мы вчетвером выезжаем в дальний путь. И вот – снова встреча. Опять Зоя Андреевна Тимофеева стоит на дороге и прощально машет рукой нам вслед.

Впереди горы. Первые километры пути пролетели быстро. Небольшой перевал Чигирчик, высотой 2 400 метров над уровнем моря, и мы скатываемся с мягких холмов, покрытых пахучей травой, в долину, в которой в стороне от дороги расположен город Гульча. Мимо, мимо...

Горы подступают к дороге, теснят её, и вот уже отвесные скалы и узкие ущелья. Горы нависают над дорогой, сжимают её и заставляют петлять. Перескакиваем мостики через безымянные речки и ручьи, местами переезжаем вброд. Всё время дорога ведёт вверх и вверх. Так весь день. Вечером, когда на дорогу легли глубокие тени, в узком ущелье у кишлака Суфи-Курган – ночёвка. Несколько глинобитных кибиток (домов с плоской кровлею), с десятков автомашин, оставшихся на ночёвку.

Шофёры Памирского тракта – особый народ. Физически сильные, не боящиеся трудностей, прекрасно владеющие машиной. Спуски по заледенелой дороге с горных перевалов, когда отказывают и не держат тормоза, когда машину можно удержать только виртуозно варьируя скорости, требуют большого мужества и находчивости.

И в остроумии им не откажешь. Крепкая, солёная шутка самым настоящим образом «висит» над Суфи-Курганом. На отвесной чёрной скале, высотой в добрую сотню метров, белой краской выписано неприличное четверостишие. Я его немного перефразирую, убрав нецензурные выражения:

От Оша и до Хорога
Нехорошая дорога,
Но и от Хорога до Оша
Дорога тоже хороша...

Как на эту высоту забрался шофёр-поэт с ведром краски, как он там удержался, выводя кистью крупные, почти метровые буквы, умом не постичь.

Ночь проходит под разговоры шофёров, рассказывающих о состоянии дороги, камнепадах, обвалах и заледенелых участках трассы.

Рано утром, только лишь солнце осветило вершины гор, позавтракав в шофёрской чайхане, движемся дальше. Скоро дорога вырывается из ущелья на довольно открытое пространство, но ведёт вверх и вверх. Впереди главный массив Алайского хребта, отделяющий Ферганскую долину от Чон-Алая – Алайской долины. Перед нами встают стеной горы высотой пять – пять с половиной тысяч метров. Их вершины, покрытые снегом и свисающими ледниками, блестят в освещающих их лучах солнца на фоне тёмно-голубого неба.

Дорога всё круче поднимается вверх. Мы приблизились к подъёму на перевал Талдык. Узкое ущелье врзается в гору. По его почти отвесному склону вьётся серпантин дороги. Если память не изменяет, тридцать шесть поворотов почти на 180 градусов. С одной стороны – уходящая вниз пропасть, глубина которой с каждым поворотом увеличивается и на дне которой далеко внизу видим разбившиеся автомашины. С другой стороны – почти отвесная скалистая стена. Дорога узкая, только-только разойтись двум машинам. На дороге лёд и небольшие снежные заструги. С каждой минутой становится холоднее. Около часа скребёмся вверх по этим серпантинам.

Надрывно рычит мотор, стучат шестерни в коробке передач, когда шофёр меняет скорости. Мы сидим на борту машины, свесив наружу ноги. Это на тот случай, если машина сорвётся с дороги, чтобы вовремя спрыгнуть. Об этом нас предупредил шофёр.

Наконец дорога выравнивается. Мы въезжаем на седловину перевала. Едем по дороге, прокопанной бульдозерами. Между двух стен снежного сугроба, как по коридору, стенки которого обтёсаны лопатами дорожных рабочих. Высота перевала над уровнем моря более четырёх тысяч метров. По обе стороны поднимаются вершины гор ещё на тысячу – полторы тысячи метров.

На верхней точке перевала остановка. Размять затёкшие ноги, и небольшой отдых шофёру, руки которого затекли и стали похожи на подушки. Много им пришлось поработать, пока мы взбирались на эту высоту.

Морозец знатный, по ощущению не меньше десяти – пятнадцати градусов. Хорошо, что нет ветра. Светит солнце, небо тёмно-голубое, от блеска снега больно глазам.

Немного в стороне от деревни, на заснеженной площадке, стоит автомашина, из-под которой доносится голос: *«Шарик, такой-сякой, светит, а не греет»*. Смысл такой, фразеология несколько иная. Под-

ходим. Под машиной шофёр стучит гаечным ключом. У него что-то разболталось, и вот он уже около двух часов ремонтируется. Он едет с грузом нам навстречу, помощь не нужна. Уже заканчивает ремонт. Ругается, недоволен солнцем – светит ярко, а тепла нет.

Впереди прямая, как стрела, уходит вниз дорога. Врезается в неширокое ущелье и чернеет, теряясь между скал. Это спуск с перевала Талдык в Алайскую долину по южному склону Алайского хребта.

Немного больше часа спускаемся с перевала по «хорошей», по сравнению с тем, что осталась позади, дороге, и вот перед нами открывается ширь долины. Впереди Заалайский хребет, это уже, собственно, Памирский хребет, северная граница Памира.

При въезде в долину, метрах в двухстах от дороги, стоят помещения метеорологической станции Сары-Таш. Высота над уровнем моря около двух тысяч девятисот метров. Здесь нас уже ждут. Лошади пришли ещё вчера. Готов обед. Дальше наш путь вниз по Алайской долине, к кишлаку Дараут-Курган. Пока мы обедаем и отдыхаем, рассказывая зимовщикам станции последние новости из Ташкента, передаём привезённые для них письма и подарки от родных, старший выючник Султан, командуя своей «бригадой», разбирает наш багаж, распределяя его равными порциями, и грузит на спины лошадей.

Ночевать решили биваком, километрах в 15–20 от Сары-Таша. На этих станциях к ночи наберётся много народа. Проезжие шофёры пользуются возможностью провести ночь в тепле, пусть на полу, зато в тепле.

У нас спальные мешки, и ночёвка под открытым небом нам не страшна. Надо торопиться, выючники рассказывают, что на леднике Федченко уже выпадает снег, покрывает ледниковые трещины, и дорога становится опасной. Сейчас конец октября, скоро закроются перевалы и весь Памир, вся Горно-Бадахшанская область Таджикской ССР будет оторвана от большого мира. Связь будет поддерживаться только по радио.

Лёгкой рысью едем по старинной выючной тропе, что идёт по правой стороне долины, прижимаясь к подножию Алайского хребта. Невдалеке шумит река Кызылсу (Красная река, Красная вода). Действительно, вода в ней имеет красноватый, глиняный

оттенки. Река бежит от самых верховьев Алайской долины, от Иш-кашима, беря начало в Кашгарии. Ширина реки метров 50–70. Река порожистая, быстрая.

Андрюша Реньё вытащил из своего багажа балалайку, и под его наигрыши лошади прядут ушами и ритмично покачивают нас в сёдлах. Хорошо, что верховая езда для меня не новинка. Во время своих поездок на Украину в мальчишеские школьные годы¹ я обучался этому искусству и, к большому удивлению моих спутников, чувствую себя в седле уверенно.

Мой конь игреновой масти, низкорослый, как и все киргизские лошади, очень хорошо идёт по горным кручам, когда река нас прижимает к скалам. Киргизские лошади, привыкшие к горным условиям, цепкие, как кошки. Не оступаются, не скользят. Им надо доверяться при выборе пути и не дёргать зря поводья.

Солнце катится всё ниже и ниже, становится прохладнее. Пора останавливаться на ночлег. Выбрана площадка, развьючены лошади. Запылал костёр из набранных в зарослях кустарника сучьев. Андрюша варит в большом казане узбекский суп (шурпу) и кипятит чай. Пришло время оглядеться вокруг.

Алайская долина, Чон Алтай, Большой Алтай – так называют долину, по которой проходит наш путь. Длина долины примерно двести километров, ширина до двадцати пяти километров. Богатейшие джайляу (летние пастбища). Сюда летом из всех прилегающих районов Киргизии сгоняли раньше тысячные отары баранов для выпаса в летнее время. Прекрасный травостой долины – отличный корм для овечьих стад. Говорят, что до революции здесь паслось несколько миллионов голов овец.

Вражды между владельцами стад не было. Весной, когда собирались овцеводы и чабаны, происходили выборы Царицы Алая, которая осуществляла по всей долине верховную власть. Распределяла участки выпаса между различными родами и племенами, творила суд и расправу, разбирала конфликты, неизбежно возникавшие во время летнего джайляу. Её решения беспрекословно выполнялись, но

¹ «До 1929 года я каждое лето ездил на Украину на один-полтора месяца». Источ.: Андреев, И. Д. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске / сост. и авт. коммент. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – С. 14.

с окончанием летнего выпаса и отгоном бараньих стад из Алайской долины к местам зимовий её власть кончалась.

В верхней части долины, на восток от Сары-Таша, проходит выючная тропа, которая ведёт через Ишкашим в Китай, в Кашгарию. Даже сейчас, в тридцатые годы, из Кашгара в нашу Среднюю Азию приходят верблюжьи караваны и целое лето работают по найму в Киргизии и Узбекистане на внутриреспубликанских перевозках грузов.

Красивое это зрелище – верблюжий караван. Чистые, ухоженные верблюды с высоко закинутыми головами идут длинной цепочкой друг за другом. На спинах у них тяжёлый груз. Прекрасно подогнанная сбруя, украшенная медными бляхами и красными ленточками. На всех бубенцы. Впереди каравана верхом на ишачке, едва касаясь ногами земли, едет караван-баши (начальник каравана или его хозяин) и ведёт в поводу первого верблюда. По бокам или пешком, или на ишачках – погонщики. Мерно проходит такой караван мимо нас, и мы любуемся видом этих гордых животных. Пока мы ехали по Памирскому тракту, нам навстречу прошло два таких каравана. Зимой кашгарцы, что-то заработав на перевозках, возвращаются к себе домой. Такие же караваны приходили в Среднюю Азию из Китая через Тянь-Шанские перевалы.

Вниз по долине «Столица Алтая» – кишлак Дараут-Курган, в который мы едем, и ещё несколько малых кишлаков.

Река Кызылсу вбирает в себя воды речек и ручейков, сбегających со склонов Алайского и Заалайского хребтов, становится грязной рекой и на выходе из долины, сливаясь с Муксу (Белая река, Белая вода), даёт начало реке Сурхоб, которая далее, сливаясь с рекой Обихингоу, превращается в Вахш, который, сливаясь с Пянджем, образует Амударью.

Такова схема образования названий Среднеазиатских рек. Две реки, сливаясь, дают начало новой реке. Но все реки ледникового происхождения. Недаром Николай Леопольдович Корженевский сказал фразу, вынесенную эпиграфом к моим запискам, – *«Горные ледники – это золотой фонд Средней Азии»*. Это действительно так. Исчезни горные ледники, исчезнет вода, нечем будет поить землю. Исчезнет жизнь, всё превратится в пустыню. Отсюда должно быть понятие, почему появился интерес к изучению режима ледниковых покрытий Памира (и Тянь-Шаня) и зачем мы отправляемся на зимовку.

А пока, забравшись в спальные мешки и вслушиваясь в окружающие нас звуки, пытаемся заснуть. Мерно посапывают лошади, пережёвывая овёс, хрупают сено, иногда переговариваясь друг с другом негромким ржанием. Шуршат в высохшей траве мыши и сурки, а где-то вдали слышен лай лисицы.

Снова отвлекусь. Мне непонятно, как могли люди так небрежно отнестись к своему богатству. К тому, что даёт жизнь этому региону. Как можно было так разобрать всю воду таких большущих рек – Амударьи и Сырдарьи, стекающих с Тянь-Шаня. Бездумное отношение к своему богатству привело к обмелению и почти полному исчезновению Аральского моря, этого голубого глаза среди жёлтых песков. Такое могли совершить люди, не любящие свою Родину, настоящие враги своего народа.

Вспомним, в годы Гражданской войны, в басмаческие годы, когда на Среднеазиатской железной дороге не было топлива, паровозы отапливались вяленой рыбой из Аральского моря. Вяленый усач, вяленый сазан сгорали в топках паровозов, а рыбы хватало на пропитание всем районам Средней Азии. Столько было рыбы в этом небольшом море-озере и реках, его питающих. Рыбные запасы моря от этого не оскудевали. А что сейчас? Лужа пересохшей воды, покрытая соляной коркой, вокруг солончаковая пустыня, соляные вихри в воздухе и вымиравший народ Каракалпакии. Нет прощения людям, преступникам, совершившим это чёрное дело.

Ещё не взошло солнце, как мы умываемся в ледяном ручье, завтракаем, выючим лошадей и дальше в путь. По дороге ближе знакомимся друг с другом. Больше всех достаётся мне. Мои спутники давние знакомые, а я человек для них новый, человек со стороны. Вопросы следуют за вопросами. Вся моя биография им рассказана. Ну что же, так и надо, нам жить вместе долгую зиму в тесном общении, пользуясь только радиосвязью с внешним миром. И никуда друг от друга не уедешь.

Слева от нас в двадцати – двадцати пяти километрах высятся вершины Заалайского хребта. Сплошной массив высоченных пиков. Среди них пик Ленина. Всё бело от снега и льдов и блестит в лучах солнца. Горы визуально приближают расстояние. Кажется, они рядом. Однако вершин Алайского хребта мы не видим, едем по его склонам, и близлежащие холмы и скалы закрывают их от нас. Семитысячные вершины Заалайского хребта издали кажутся одинаковой высоты и ровной линией уходят вдаль на запад, вниз по долине. Представляется, что через них нет хода на юг. Сплошная стена из камня, снега, льда.

Время идёт, лошадки бодро шагают по каменистой тропе, Андрюша бренчит на балалайке, и километры пути остаются позади. Впереди Дараут-Курган. Виднеются стены старой крепости, разбросанные немногочисленные кибитки жителей. Всё это из жёлтого кирпича-сырца или глинобитное. Крепость пуста. Она потеряла своё военное значение (ещё средневековое). Последними вооружёнными формированиями, которые её занимали, были добровольческие отряды, созданные из местных жителей для борьбы с басмачами. Сейчас в Дараут-Кургане один милиционер, киргиз Вася. Он один на весь Чон-Алай и долину Муксу, что лежит за перевалом Терсагар, через который нам предстоит форсировать Заалайский хребет.

В Дараут-Кургане медицинский пункт, во главе которого стоит медицинская сестра Маруся. Она единственный медик на несколько тысяч квадратных километров и, кроме того, единственный европеец, живущий постоянно в Дараут-Кургане среди киргизского населения посёлка. Ей около сорока лет.

Дараут-Курган связан телефонной линией через перевал Тенгизбай, через Алайский хребет с посёлком Кызыл-Кия, что лежит в подгорьях Алайского хребта со стороны Ферганской долины. Другой связи кишлака с внешним миром во время зимы, когда снегом засыпаны все перевалы, нет. Да и в летнее время редко кто из местных жителей переваливает через горы в цивилизованный мир. Только караваны, привозящие продукты на зиму, да редкие экспедиции будят сонную жизнь кишлака.

У местного населения лето полно забот. Заготовка дров на зиму. Это делается на склонах гор, где произрастает арча – смолистое дерево, уход за посевами ячменя тоже на склонах гор, на «пяточках» пригодной для этого земли, выпас овец и заготовка для них корма на зиму.

В пустом магазинчике ничего нет. Он на замке, а продавец уже две недели в отъезде за товаром.

Глушь, как говорят, забытое богом место. Но люди живут и не уходят с мест, где жили их предки.

Наутро в путь. Предстоит пересечь Алайскую долину, подняться на перевал Терсагар и спуститься в долину Муксу, где в кишлаке Алтын-Мазар расположена метеорологическая станция и находится перевалочная база строительства обсерватории на леднике Федченко. До Алтын-Мазара 57 километров.

Решено не форсировать Кызылсу вброд, можно подмочить наш багаж, что на спинах и боках лошадей, во вьюках. Спускаемся вдоль течения реки на два – два с половиной километра, туда, где Кызылсу сжата узким каньоном до ширины 50–60 метров и где через неё переброшен мост местной архитектуры: шайтан-куприк – чёртов мост, как говорят киргизы. Мост строится таким образом. На обоих берегах реки, на некотором удалении от уровня воды, кладётся ряд брёвен. Их дальние от воды концы заваливаются камнями. На эти брёвна кладётся следующий ряд брёвен, их концы, ближайшие к воде, выдвигаются вперёд на один – полтора метра поперёк течения реки, а дальние снова заваливаются камнями и далее в том же порядке. Таким образом, мост растёт в высоту и продвигается вперёд, поперёк течения реки. Чем шире река, тем выше и выше вырастает мост. Наконец, последние брёвна соединяют оба берега и укрепляются вязкой из арчевых веток, единственного дерева, растущего на скалах Памирских гор, или ветвями тальника, образующего тугай по руслам маленьких рек и ручьёв, сбегających с вершин. Перил, конечно, никаких нет. Ширина моста около двух метров. Средняя часть моста при езде неприятно пружинит, раскачиваясь в такт ходу лошади. Внизу шумит река, зажата отвесными склонами ущелья. Постройка, надо сказать, очень прочная и стоит без ремонта десятилетиями, если только во время паводка её не снесёт разбушевавшаяся вода. Но этот мост, по которому мы едем, переброшен между высокими берегами Кызылсу, и вода никогда до него не доходила. Старожилы не помнят, когда он был построен.

Дорога постепенно начинает подниматься вверх, и перед нами

встают мягкие увалы, по которым тропа уходит в распадок между высокими горными массивами. С перевала бежит небольшая речка-ручей, которая несёт свою воду в Кызылсу. В соседнем распадке слева виден небольшой кишлачок Кенеш-колхоз, имя которого хорошо знакомо теперь всем альпинистам, прибывающим сюда на тренировки перед подъёмом на пик Ленина. А сейчас, когда мы проезжаем мимо, он кажется безжизненным.

Подъём на Терсагар сравнительно пологий. Холмы мягких очертаний окружают тропу, на их склонах множество сурков, которые застывшими изваяниями сидят рядом с ними. При приближении каравана раздаётся резкий свист, и все сурки скрываются в норах. Вверх, вверх. От Дараут-Кургана, лежащего на высоте около двух тысяч двухсот метров, надо подняться до высоты трёх тысяч шестисот тринадцати метров над уровнем моря. Впереди постепенно по мере подъёма вырастает ледяная стена. Впечатление, что дальше хода нет, что она заканчивает дорогу. Стена кажется близкой и с каждым шагом вперёд вырастающей и перекрывающей путь.

Но вот уже верхняя точка перевала. Довольно широкая седловина между высочайших гор. В стороне от дороги большой бугор, видно, что он набросан лопатами. Могила. Но о ней речь впереди, когда будем в Алтын-Мазар. Это недавняя история здешних мест.

С верхней точки перевала всё становится на свои места, становится всё понятнее. В нескольких километрах впереди хребет Петра Великого, и мы видим заледенелые и заснеженные вершины трёх его пиков: Музджилга, Шильбе, Санда. Дальше хребет уходит на запад, а эти вершины являются его восточной оконечностью. Зрелище великолепное. Тот, кто не видел гор Памира, его хребтов, не может представить чарующей красоты горных массивов. Кавказ, по сравнению с той панорамой, которая развернулась перед нами, кажется игрушечным.

Горы кажутся расположенными совсем рядом. Высота пиков более шести тысяч метров, около шести с половиной. Мы на высоте трёх тысяч шестисот тринадцати метров. Перед нами заледенелые вершины почти отвесных гор. Потрясающее зрелище. До пиков около десяти, а может быть менее, километров. Холодом веет от них.

Перевал Терсагар обрывается в долину Муксу почти отвесной стеной. Каменистая тропа вьётся серпантинами по этому склону. Лошади, иногда присев на задние ноги, скользят по тропе вниз. Местами осыпи, и из-под копыт лошадей скатываются каменные ручьи. Спуск

вниз напряжённый, иногда соскакиваем с лошадей и особо сложные места переходим, ведя их в поводу.

Но вот и конец спуска. Невдалеке от тропы старинные могильники-мазары. Их действительно шесть. Мазар по-киргизски – могила. Алтын на всех тюркских языках – шесть. Алтын-мазар – шесть могил. Это один из вариантов расшифровки названия кишлака. Другая расшифровка – Золотая могила. От алтын – золото.

Хребет Петра Великого в трёх километрах поднимается почти отвесно со дна долины. Долина каменистая со следами старых русел Муксу. С колоссальных пиков Музджилга, Шильбе, Санда в ущелья спускаются висячие ледники, не достигающие дна долины. Конусы выноса снежных лавин выползают из некоторых ущелий, прорезывающих склоны, и местами доходят до реки Муксу, прижимающейся левым берегом к горному кряжу.

Прошло пятьдесят семь лет с той поры, как я впервые попал в эти места, но картина не изгладилась из памяти. Стоит закрыть глаза, как сразу всё вспоминается, до последней складочки на склонах этих великанов.

Алтын-мазар, пять или шесть глинобитных кибиток, одна из них занята метеорологической станцией. Зимует здесь пять человек наблюдателей. Вокруг несколько семей киргизов. И вот что сразу бросается в глаза и показалось удивительным – одни женщины, девушки и ребята не старше шестнадцати лет. Взрослых мужчин нет. Почему? Где они? Вот и пришло время рассказать о могиле на перевале Терсагар.

Случай, о котором я расскажу, описан в «Трудах Таджикско-Памирской экспедиции» и, кроме того, передавался изустно от кишлака к кишлаку. Он не выдумка, увы, он мрачная история нашего времени.

Несколько лет назад на Заалайском хребте, хребте Петра Великого, по долине Муксу и Сауксою работала геологическая партия под ру-

ководством (если мне память не изменяет) Рогова. Однажды геологи остановились на отдых около Алтын-Мазара. Разбили лагерь, поставили палатки, и казалось, всё будет хорошо. Годы были басмаческие, но население Алтын-Мазара не проявляло враждебного отношения, тем более что несколько мужчин, местных жителей, работали у геологов проводниками и носильщиками. Ничего не предвещало беды. А она пришла.

Жила в кишлаке старая ведьма, которая начала зудить мужиков, чего это они довольствуются тем, что им платит руководство экспедиции. Место глухое. У экспедиции много продуктов, денег, одежды, а вы разуты, ходите в старых халатах. У экспедиции оружие, патроны, а вы на охоту отправляетесь со своими карамультаками (кремневыми ружьями). Капля точит камень.

В кишлаке режут барана, устраивают той – пир по-киргизски. Все члены геологической партии приглашены в гости на этот пир. В Алтын-Мазаре в это время находился член добровольческого отряда по борьбе с басмачеством, который базировался в Дараут-Кургане. Он понял, что готовится, и рано утром, ещё затемно, вывел из кишлака своего коня и поскакал в Дараут-Курган. Поднял тревогу. Но пятьдесят семь километров туда, пятьдесят семь обратно, да время на сборы отряда, и отряд опоздал. Все члены геологической партии были зарезаны в разгар пира. Именно зарезаны, как режут баранов, ножом по горлу. Прискакавший отряд застал всё население кишлака за дележом имущества экспедиции, и трупы геологов ещё не были похоронены.

Кара последовала немедленно. Все мужчины старше двадцати лет были выведены на перевал и расстреляны. Такова история могилы на перевале.

Старуху судили и посадили в тюрьму на десять лет. Но она была стара, и в 1937 году, когда я возвращался после второй зимовки на леднике Федченко, видел её, отпущенную доживать свой век в Алтын-Мазар. Неприятная была старуха, к тому времени выжившая из ума.

После этого случая в этом горном районе стало спокойно. Жители кишлаков, разбросанных по долинам рек, были предупреждены, что если пропадёт хотя бы один из европейцев, наказание будет неотвратимым. Поэтому в северо-западном углу Памирских гор и ущелий в 1934 году можно было чувствовать себя относительно спокойно. Но, как говорят, на Бога надейся, а сам не плошай. Для всякого слу-

чая на леднике Федченко есть винтовки и гранаты. Кладовщик базы строительства, Ваня Старухин, здесь, в Алтын-Мазаре, не расстанется с винтовкой.

Ваня Старухин – колоритная фигура. Бывший беспризорник. Никого не признаёт, кроме начальника строительства Владимира Рихардовича Блезе. Анекдотов про Ваню рассказывают много. Был у него случай, когда он на чисто русском языке объяснил Генеральному прокурору СССР Н. В. Крыленко, который стоял лагерем в Алтын-Мазаре перед штурмом пика Ленина, что он, Крыленко, для него не начальник и пусть идёт подальше от его базы и склада.

Всё для Вани кончилось мирно выпитой бутылкой спирта в компании Н. В. Крыленко и его спутников и похвалой за хорошее исполнение служебных обязанностей.

После ночи, проведённой в Алтын-Мазаре, оседлав лошадей, погрузив своё снаряжение на их спины, двигаемся дальше.

Около кишлака заросли кустарника – тугай. В них бродят кутасы – яки тибетские, принадлежавшие жителям посёлка. Хрюкающие быки. Молоко, масло, айран и, наконец, выючная скотина. Вот что такое кутас для горного жителя. Универсальное животное, богатство киргиза, владельца этого чуда природы.

Вчера надо мной смеялись, когда я удивился, почему у киргизов-мусульман около кишлака бродят свиньи. Оказалось, кутасы. Тут я увидел их первый раз в жизни.

Тропа, по которой мы едем среди камней, устилающих дно долины, протоптана караванами, возящими грузы на ледник Федченко. Других караванов здесь не бывает. Путники-одиночки, киргизы, очень редки. Да и некуда им ехать в эту сторону. Впереди высокие горы, узкие ущелья и стремительные реки. Разве только на охоту за горными козлами – кииками. Но после истории с экспедицией Рогова в кишлаке не осталось даже древнего кремневого ружья. С ножом на козлов не поохотишься.

Вот, наконец, Сауксой, о котором я много слышал. Грозная река, через которую не всегда возможна переправа. Летом во второй половине дня Сауксой становится настолько полноводным, что разливается на несколько сотен метров. Основного русла в этой массе

несущейся воды не видно, только слышен грохот камней, которые река катит по дну. Саук – холод. Сауксой – название ущелья, которое ведёт к пику Ленина с юга, и одновременно название реки – Холодная река. Вода в ней собирается со склонов пика Ленина, из-под ледников и снежников его южного ската. Река с семипроцентным уклоном от истоков до устья, до впадения её в Сельдара, вернее до слияния этих двух рек, что даёт начало реке Муксу. Сельдара вытекает из-под ледника Федченко. Для сравнения: уклон реки Невы от истока до устья, до впадения в Финский залив, составляет несколько десятитысячных процента, а течение в ней очень быстрое. Волга от истоков до устья имеет несколько сотысячных процента. Можно представить себе, с какой скоростью мчится вода в Сауксое. Вода ревёт, с грохотом катит камни по дну, вздувается гребнем при всяком изгибе русла.

Сейчас, в конце октября, таяние в горах небольшое, но воды в Сауксое порядочно. Ширина русла колеблется от 50 до 70 метров.

Наши выючники знают место, где можно перебраться через этот грозный поток. Цепочкой, один за другим, входим в воду. Едем наискосок, против течения. Вода вздувается у груди лошади валом, несмотря на то что сравнительно мелко, едва лошади под брюхо. Сидим в сёдлах, вынув ноги из стремян и держась на шенкелях. На воду смотреть невозможно, моментально кружится голова. Смотрю на отдалённые вершины гор, они кажутся неподвижными. Выходим на берег метрах в пятидесяти ниже той точки, где мы вошли в воду. Нас снесло, несмотря на то что мы ехали навстречу текущей воде.

Через некоторое время – следующая река – Каинды. Сравнительно спокойная. Скорость течения несравненно меньше, чем в Сауксое. Вода, в отличие от Сауксо, кажется чистой и прозрачной. Переходим её и, следуя изгибу долины, поворачиваем под углом девяносто градусов на юго-юго-восток к реке Сельдара. Название реки таджикское. Покинув Алайскую долину, мы вступили на территорию Таджикской ССР, в её Горно-Бадахшанскую область, распрощавшись с Киргизией.

Перед нами трогообразная долина шириной около полутора – двух километров, полого поднимающаяся вверх. По каменистому дну долины несколькими руслами течёт Сельдара. Вдали виднеются бугры конечной морены ледника Федченко, покрытые камнями и поэтому кажущиеся тёмными. Издали видно, что они крутой стеной поднимаются над дном долины.

Боковые склоны долины, её берега, так я их называю, образованы склонами хребта Петра Первого с запада и отрогов Танымасских гор с востока. Склоны круто обрываются в долину. Справа от нас (левый берег долины) два или три конуса выноса лавин с Музджилги, этого гиганта в хребте Петра Первого. Сельдара разлилась по дну долины тремя руслами, это нам на руку, все их переходим поочерёдно. Воды лошадям по колено, но бежит она быстрее. Вода мутная, в ней масса взвесей, то, что называется «ледниковое молоко». Река, прежде чем разлиться на три русла, вырывается из-под конечной морены ледника. Здесь она гудит под сводами ледяного грота. Нагромождение камней у языка (нижнего конца) ледника, врезающегося полуокружием в долину от устья реки Баяндкиик у правого берега до устья ущелья и реки Малый Танымас у левого берега долины.

Баяндкиик – довольно большая река, сливающаяся с Сельдарой сразу у её истока. В годы, когда ледник Федченко наступает и его язык спускается ниже, чем он расположен сейчас, он перекрывает устье ущелья Баяндкиик, и тогда река, оказавшаяся запертой в ущелье, прорывает себе проход льдом и одним потоком с Сельдарой вырывается в долину. Сейчас устье Баяндкиика имеет ширину около ста метров, и всё покрыто водой.

У левого берега долины Сельдары и ледника бежит речка-ручей Малый Танымас. Сейчас это узкий поток, по берегам которого уже появились ледяные забереги, по ночам ручей наполовину ширины русла покрывается льдом, сквозь воду видны на камнях образования донного льда.

Между «бараньими лбами» – скалами, отполированными ледником, когда он наступал – и ледяными буграми конечной морены ледника в его сегодняшнем положении – зазор метров двадцать, и по нему вытекает из ущелья этот ручей. Переправившись через него, слезаем с лошадей. Здесь будет наш лагерь на несколько дней. Начинается наша работа. Караван с грузом, не тратя времени, поднимается на ледник и теряется среди нагромождений льда и камней.

Обустроиваем лагерь, ставим две лёгонькие палатки. Устроиваем из камней очаг, на котором будем готовить пищу. Уже середина дня,

скоро тени от гор прикроют нашу площадку. Сегодня работу не начнём, надо осмотреться.

Высота над уровнем моря 2900–3000 метров. Здесь уже зима. В воздухе кружат отдельные снежинки. Температура воздуха минус три градуса. Это уже измеренная нами температура. Ночью, конечно, будет около минус десяти. Вот сюда, до этих мест, добрались первые исследователи ледника Федченко – Ошанин и Корженевский. Правда, в разное время. Отсюда Н. Л. Корженевский, поднявшись на скалы, определил протяжённость ледника Федченко в тридцать километров, до перевала Кашалаяк. Поворота ледника на восток ни он, ни Ошанин отсюда не могли увидеть. Но и это определение было ошибочным. До перевала Кашалаяк отсюда около сорока километров. Обсерватория построена от него в двух – трёх километрах. Но об этом речь впереди. Обходим близлежащие участки языковой морены. На отвесных ледяных скатах хорошо видны годовые слои, разделяемые каменно-моренным материалом, принесённым ледником из далёких верховий.

Летом лёд обтаивает, и из-под каждого бугра, из небольших гротов бежит вода, оставившая сейчас промёрзшие сухие русла.

Завтра Леонид Иванович начнёт мензультную съёмку, оконтурит на планшете всю языковую морену. Через год после зимовки повторим съёмку и определим, что произошло за год – отступил ледник или, наоборот, наступает. Реечником у Леонида Ивановича будет работать Андрюша Ренье.

Аркадий Васильевич и я займёмся установкой суммарного дождемера, в котором соберутся атмосферные осадки за год, и мы, возвращаясь после зимовки, определим их количество. Кроме того, нам с Аркадием Васильевичем предстоит совершить небольшой поход к истокам речки, у которой мы разбили лагерь, к языку ледника Малый Танымас и отыскать там метку, поставленную Н. Л. Корженевским в начале двадцатых годов.

Все последующие дни проходят в работе. В середине третьего дня нашей жизни у языка ледника Федченко вернулся караван, с которым спускаются вниз, а затем разъедутся по домам строители, закончившие работу по сооружению здания обсерватории. Наверху осталась лишь группа сотрудников, производивших летом метеорологические наблюдения, и начальник строительства, который должен передать нам здание обсерватории, так сказать, вручить ключи.

Начальнику каравана Тулупову, который будет отдыхать в Алтын-Мазаре, дано указание прибыть к нам 6 ноября к 12–13 часам. Мы все дела к этому времени закончим и свернём свой лагерь.

Караван уходит, мы снова остаёмся одни.

Переход к леднику Малый Танымас оказался достаточно сложным. Ущелье, по которому протекает ручей, узкое. Ручей занимает всё его дно. Приходится пробираться меж камней, переходя с одного берега на другой или по камушкам, или перепрыгивая там, где это возможно. Путь недалёкий, всего около трёх километров, но они стоят десяти по ровной дороге.

Со дна ущелья виден только узкий клочок неба. Наконец, после многих переходов с одного берега ручья на другой и многих поворотов ущелья видим впереди белый треугольник конца ледника Малый Танымас. По сравнению с ледником Федченко, это маленький ледничок. Его вертикальная мощность метров пятьдесят – семьдесят. На его поверхности нет камней, ширина его как раз по ширине ущелья. Стекает он с фирновых полей южного склона хребта Петра Первого и своими верховьями тяготеет к так называемому Дарвазскому оледенению, к тому времени (1934 г.) совершенно неизученному. В нашу задачу не входит подъём на его поверхность. Нам надо разыскать на правом склоне ущелья метку, сделанную в двадцатых годах Н. Л. Корженевским, и по указанному азимуту проверить расстояние до конца ледника и тем самым определить, что произошло с ледником за несколько лет. Находится он в стадии отступления или наступает.

После сравнительно долгих поисков находим метку. Она нанесена на скальный выступ масляной краской – точка в круге с указанием азимута. Метка за прошедшие годы с момента её нанесения наполовину стёрта и смыта водой и камнепадами со склона.

Измерение расстояния ведём стальной рулеткой. На память, что-то около пятидесяти метров. По нашим данным, ледник за последние годы продвинулся вперёд на полтора метра. Но, наверное, были пульсации, много лет прошло с того времени, как была поставлена метка. Небольшие ледники пульсируют быстрее, чем такой гигант, как ледник Федченко.

Назад к лагерю решили идти по верхней террасе правого склона. Левый склон неприступен и уходит вверх на несколько сотен метров от дна ущелья. Метров сто карабкаемся по камням и скалам. Подъём крутой, в лоб его не возьмёшь. Но вот, наконец, он закончен, и мы оказались на полого спускающейся в сторону ледника Федченко поляне, ограниченной с юга мягким холмом. Терраса покрыта засохшей травой, мелкой щебёнкой и местами песком. Поход по этой террасе, по сравнению с тем, как мы поднимались по руслу ручья, просто приятен. Однако идти сюда этим путём было невозможно. Во-первых, мы не знали этого пути, а, во-вторых, спуститься в ущелье по тому склону, по которому мы забрались сюда, я бы не согласился. Часто бывает так, что вверх подниматься легче, чем спускаться вниз. А метка Н. Л. Корженевского внизу, на дне ущелья.

На песке одной из прогалин видны следы козлиного стада. Киик пасутся на таких склонах. Следы копытцев перекрывают мягкие, округлые кошачьи следы величиной с десертную тарелку. Прошёл барс, снежный барс. Киргизы рассказывают, что за каждым киичьим стадом всегда ходит барс. Они, киргизы, зовут его «пастухом» или «хозяином». Стадо прошло недавно, следы на песке сравнительно свежие и ведут в горы, а нам – вниз, в долину Сельдары.

С террасы спускаемся на ледник Федченко. Ледяные бугры и провалы метров по 10–20, покрытые камнями разной величины, от песчинок до камней в несколько метров в диаметре. Скальные остатки, которые за много веков существования ледник принёс на своей поверхности из верховий или которые вытаяли, будучи когда-то погребёнными под снегом, а затем и подо льдом. Ходить трудно. Наступишь и едешь по склону ледяного бугра вместе со всем тем, что его покрывает. С собой нет никакого снаряжения, ни альпенштоков, ни ледорубов.

Спускаемся к нашему лагерю. Здесь надо готовить обед, потом нас ждёт отдых. Поход к леднику Малый Танымас занял шесть часов, а рассказ о нём – две машинописные страницы. Как всё относительно.

Наши работы здесь подходят к концу. Леонид Иванович и Андрияша сегодня заканчивают мензульную съёмку. Мы с Аркадием Васильевичем установили суммарный дождемер, этакую колонну из оцинкованного железа высотой два метра с защитой Нифера. В нижней части колонны, в шкафчике, запрятан примус, заправленный керосином, для того чтобы при измерении количества выпавших

за год осадков при морозе их можно было растопить. Побывали у Малого Танымаса. Программа намеченных работ выполнена.

Пока Аркадий Васильевич готовит обед, я иду, огибая все выступы языковой морены, в сторону Баляндкиика навстречу нашим геодезистам помочь им дотащить инструменты. Иду в самом радужном настроении. Завтра на ледник. Послезавтра будем в здании обсерватории, и начнётся наша зимовка.

Следуя изгибам языковой морены ледника, поворачиваю из-за одного из бугров и останавливаюсь как вкопанный. Навстречу мне пятнистая кошка. Барс. Я стою, и он стоит. Мысли бегут со страшной скоростью. Что делать? Стоять? Бежать?

Сколько стоим, глядя друг на друга, не знаю. Секунду? Минуту? Большая кошачья голова с немигающими жёлтыми глазами, нервно вздрагивающий хвост, а всё животное от головы до хвоста составляет два – два с половиной метра. Может, конечно, барс был и поменьше, но у страха глаза велики. Потом барс медленно повернулся, мягким прыжком вскочил на ледяной бугор и скрылся за камнями. Отпрянув от бугра, быстрым шагом, если не бегом, пошёл дальше. Встретил Леонида Ивановича и Андриюшу. Рассказал им о встрече и пожалел, что со мной не было винтовки. В ответ получил: хорошо, что не было винтовки. Барса на близком расстоянии можно стрелять только через реку или ущелье. Если подранишь, то не уйдёшь живым. Очевидно, сытым был барс. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Утро 6 ноября 1934 года. Лёгонький морозец, светит из-за гор солнце. Ручей Малый Танымас, на берегу которого мы стоим лагерь, наполовину покрыт ледяной коркой. Пробив её, набираем воды для чая. Андриюша готовит завтрак, мы втроём свёртываем палатки и укладываем своё имущество в удобные вьюки, которые приторочат сверх тех, с которыми придёт караван. Мы его ждём к двенадцати часам дня. На спинах лошадей будут остатки груза, который надо забросить на обсерваторию.

Внизу по долине Сельдары видим цепочку лошадей, идущих к нам. На подходе к нашему биваку караван переходит от правого берега долины через несколько русел Сельдары на нашу сторону.

Воды в реке мало, лошадям по колено, но она холодная, температура её около нуля градусов. На леднике таяние льда по поверхности уже прекратилось, и лишь в полуденные часы под камнями языковой морены, нагретыми солнечными лучами, лёд слегка обтаивает. Внизу над толщей льда, где его давление достигает громадных значений, продолжается таяние даже зимой. Но по сравнению с летним временем ток воды с ледника намного слабее. Из ледяного грунта языковой морены Сельдара течёт круглый год. Да и все реки: Сауксой, Каинды, Баяндкиик и даже ручей Малый Танымас – текут круглый год, заметно снизив расход, но такие же мутные от взвесей, выносимых из-под ледников и снежников.

Караван ведёт его начальник Тулупов. Он уже год работает по переброске грузов на ледник. Все строительные материалы, всё снабжение прошло через его руки и руки его команды вьючников. Молодые ребята, смело идущие через реки, ледниковые трещины, умело управляющие своими лошадьми, гортанно покрикивающие на них. И лошади, понимая их, подчиняются командам. Среди вьючников самый старший и опытный Султан. Красивый киргиз лет тридцати, в старом залатанном халате, подбитом ватой, с камчой (плёткой) на руке. С ним его младший брат Сатвалды. Оба они водили последние караваны на ледник Федченко в семидесятых годах до тех пор, пока все грузы и зимовщиков не стали забрасывать туда на вертолётах. Помню случайно попавшую на глаза заметку в газете «Известия» под названием «Последний караван», где были упомянуты их имена.

Поехали. Лошади, скользя и цепляясь за неровности на склонах ледяного бугра, под крики вьючников поднимаются на языковую морену. Начался мучительный путь среди нагромождений льда и камня, когда то взбираешься на ледяные бугры, то скользишь в провал между ними. Пересекаем эти нагромождения, непрерывно поднимаясь вверх, наискосок к правому берегу ледника. Дороги или тропы нет. Есть только небольшие туры из камней, сложенные вьючниками во время предыдущих ходок, которые позволяют выдержать нужное направление.

Три часа такого пути, и мы выходим на ледяную полосу у правого берега ледника.

Кто думает, что поверхность ледника похожа на гладь хоккейной площадки, глубоко заблуждается. Ровные, гладкие поверхности на леднике встречаются только там, где застоялось и замёрзло озерцо талой воды, или встретишь замёрзший ручей, летом бежавший по поверхности до того, как этот ручей с гулом и крутясь воронкой не ушёл под лёд или водопадом не обрушился в ледниковую трещину. Такие ручьи за лето промывают на леднике глубокие ложа, иной раз достигающие ширины двух – трёх метров и глубины до метра. Масса заструг, трещин мелких, средних размеров и очень больших, до нескольких метров шириной. Округлые холмики от неравномерного вытаивания летом и ледниковые столы.

Ледниковый стол – интересное образование. Под камнем, если он достаточных размеров, летом лёд тает медленнее, чем вокруг него, или совсем не тает. Постепенно такой камень оказывается лежащим на ледяной ножке, высота которой зависит от того, сколько лет продолжался процесс образования этого стола и размеров камня. За время походов по леднику мы встречали ледниковые столы разных размеров. «Столешницы» некоторых из них были многотонны. Разрушится такое образование тогда, когда ледяная ножка, на которой покоится камень, растает или сломится под его тяжестью.

Ледяные иглы и ледяные корочки хрустят под ногами лошадей, но дорога стала ровнее, и ехать стало приятнее. Нагромождения камней на языковой морене постепенно выклиниваются к середине ледника и переходят в два высоких бугра центральной морены, которая тянется вверх по его поверхности, теряясь вдали под перевалом Кашалаяк, вблизи которого на высоком ригеле (пороге) расположена обсерватория. До неё ещё 25–30 километров, поэтому её ещё не видно отсюда.

От правого берега ледника, постепенно поднимаясь вверх, переходим к его левому берегу. А пока справа от нас, разрезая хребты, складывающиеся левый берег ледника Федченко, в него довольно круто впадает ледник Бивачный. Вдали видны хаотические нагромождения льда, и километрах в 10–20 от его устья, замыкая долину ледника, высится покрытая снегом и льдом громада пика Сталина (теперь пик Коммунизма). Высочайшая вершина Советского Союза, 7 485 метров над уровнем моря. Вот сюда, где мы находимся, впервые в 1909 году

доходил исследователь Памира Николай Иванович Косиненко и впервые произвёл съёмку нижней части ледника Федченко, а также определил нахождение перевала Кашалаяк. Картина грандиозная. Смотришь, и захватывает дух от этой первозданной мощи. Море льда, снега, скальные выступы, отвесными стенами нарушающие мир белизны и света. Это надо видеть!

Перед пиком КПП (Коммунистической партии Германии), у его северной стороны, под скальными карнизами образовалась довольно большая яма с каменистым дном – место ночёвки всех караванов, идущих вверх по леднику, возвращающихся вниз от обсерватории. До обсерватории по прямой ещё около двадцати километров.

Наверху, у обсерватории, лошади не могут ночевать – сильный ветер и, кроме того, снег под ногами. Поэтому здесь, в этой яме, носящей с давних времён название «Чёртов гроб», нам предстоит ночёвка. Здесь сосредоточены запасы фуража для лошадей, выстроены из сена шалаши для ночёвки выючников. Отдых до утра. Сюда не залетает довольно сильный ветер, дующий с перевала Кашалаяк вниз к леднику. Экранирует от ветра пик КПП. Несмотря на такое название – «Чёртов гроб» – место удобное для ночлега. Лошади, по мере приближения к нему, заметно ускоряют шаг, предчувствуя заслуженный отдых после долгого перехода из Алтын-мазара.

Сброшены выюки, лошади потянулись к сену. Сёдла с лошадей не снимаем, дабы не застудить им спины на ночном морозе. Разжигается костёр, в большом казане тает лёд для чая. Быстро темнеет. Солнце закатывается за хребет Академии Наук, в нашей яме стало сумрачнее, и только на противоположном берегу ледника Федченко ещё розовеют льды и снега в лучах заходящего солнца. В спальном мешке тепло и уютно. Последняя ночь в пути. Завтра будем на месте.

Утро 7 ноября 1934 года. Семнадцатая годовщина Великой Октябрьской Революции. В стране праздник. У нас пасмурное небо. Падают отдельные снежинки, вылезать из спального мешка не хочется. Одеваться придётся под падающим снегом. В спальном мешке надо спать раздетым, иначе его не согреешь и всю ночь будешь мёрзнуть. Раздеться можно, когда заберёшься в мешок, а вот одеваться придётся

ся на воздухе. Всю одежду на ночь берешь с собой в спальный мешок, даже ботинки и те кладёшь под голову.

Снова сидим в сёдлах и марш-марш по центральной морене, вверх по леднику. Среднее падение ледника около 32–36 метров на километр. Вошли в облака. Под ногами у лошадей уже почти по колено снега. Встречный ветер и снегопад. Видимость уменьшилась до ста метров. Пробиваемся вперёд, снега под ногами становится всё больше и больше. Через каждые двести – триста метров меняем во главе идущую лошадь, пробивающую дорогу. Впереди выступает из туманной мглы и снегопада колоссальных размеров камень, лежащий на центральной морене. Снега уже лошадям по пузо. С трудом пробиваемся вперёд.

Кажется, приехали. Дальше пути нет. Лошади не пройдут. У камня воткнуты в снег четыре пары лыж. Их оставили те, кто несколько дней тому назад, пока мы работали у языка ледника, спустился в Алтын-Мазар. До обсерватории три – четыре километра и один подъём на скалистый ригель (порог) над телом ледника, на котором стоит обсерватория, на высоту около ста пятидесяти – двухсот метров.

Груз снят со спин лошадей, уложен с наветренной стороны камня, чтобы его не замело снегом. Потом зимой это всё мы перетаскаем в рюкзаках к себе в обсерваторию.

Распрощались с выючниками, привязали к ногам лыжи и уходим в снежную замять. Караваны уходят в «Чёртов гроб», чтобы завтра опять пробиться сюда и забрать последних людей, которые навсегда должны покинуть обсерваторию.

Высота 4 000 метров. Дышится без привычки трудно. Шагаем медленно.

Часто останавливаемся, для того чтобы отдышаться. Правда, медленный подъём из Ташкента с довольно частой сменой высот, перевалами через горные хребты и почти недельная жизнь у конца ледника на высоте около трёх тысяч метров были неплохой тренировкой для наших организмов. Но четыре тысячи метров – это уже серьёзно. Ещё ветер, который с изрядной силой дует нам в лицо, но зато позволяет выдерживать направление. Одеты мы ещё не по-зимнему. Вся специальная одежда и обувь заготовлена на обсерватории. На мне

костюм юнгштурма, скальные ботиночки, лёгкие, но холодные и абсолютно не приспособленные для хождения в них на лыжах. Остальные одеты тоже легко.

Продвигаемся вперёд медленно, придерживаясь заранее выбранного направления, зная, что должны выйти к крутому снежному подъёму на ригель, на котором стоит обсерватория. Снега уже много, наверное, около метра, снег мелкий, рассыпчатый. Без лыж было бы трудно. Но и лыжи приходится на каждом шагу вытаскивать из снега и не скользить, а шагать. Хорошо, что в том направлении, в котором мы идём, нет крупных ледниковых трещин, а те, которые есть, ориентированы поперек нашего пути и имеют ширину 20–50 сантиметров. Идя на лыжах, их не почувствуешь. Так рассказали нам вьючники, узнав направление движения. Всё это хорошо, но попробуйте выдержать направление, когда всё закрыто туманом. Мы в облаках и снегопаде. Только ветер постоянного направления служит надёжным ориентиром.

Снег снизу, снег сверху и колоссальный ультрафиолетовый поток рассеянной радиации, такой, что режет глаза. Мы в примитивных светозащитных очках, как у металлургов: жестяная оправка, тёмные стёкла и тесёмочки, завязанные на затылке бантиком. Очки постоянно запотевают, и их приходится протирать.

Вот, наконец, долгожданный подъём. По широкому снежному «пузу» серпантинами поднимаемся вверх. Через каждые сто шагов, мы их считаем, садимся в снег, чтобы отдышаться. Сказывается высота. Ничего, поживём, адаптируемся, и этот подъём для нас будет казаться игрушечным. Так оно и стало примерно через месяц жизни наверху.

Крутой подъём кончается. Снег стал твёрдым, выпадающий сдувается ветром. На твёрдом снегу отпечатки подков. Тут летом ходил караван. Вступаем в сравнительно широкое дефиле с мягкими склонами в пределах нашей видимости. Ветер здесь, как в трубе, стал сильнее. С одного из склонов этой долинки к нам приближается тёмная фигура на лыжах. Жан Шарафутдинов, наш радист, будет зимовать с нами. Он вышел навстречу нам. В обсерватории посчитали, что мы сбились с пути, так долго идём. Товарищи забыли, что они живут здесь несколько месяцев, и для них этот путь и эта высота стали уже привычными.

Но вот и здание обсерватории. Снимаем лыжи и вваливаемся в помещение. Первым делом нас кормят обедом, поят чаем и обогревают.

Описание здания обсерватории несколько позже. Я проведу по нему «экскурсию», а сейчас о встрече и перспективах.

Нас встретили здесь: уже знакомый Жан Шарафутдинов, Пётр Иванович Столяров – механик, оставшийся с нами на зимовку, начальник строительства Владимир Рихардович Блезе, который должен нам передать здание обсерватории, и два метеонаблюдателя. Один из них, Маслов, был начальником метеорологической станции, производившей наблюдения с мая 1934 года. Завтра они уйдут тем же путём, которым пришли мы, к большому камню на центральной морене, где их встретят вьючники с лошадьми. Послезавтра они будут в Алтын-Мазаре и подождут там, пока караван не сделает ещё одну ходку на ледник. А дальше рысью, рысью налегке вниз, в Ферганскую долину. По радио приходят сведения, что перевалы через Алайский хребет закрывает снегом. Им надо торопиться.

Пётр Иванович уже принял всё имущество станции от строителей по описям и ведомостям. Он по совместительству и завхоз на нашей зимовке. Нам надо только ознакомиться с расположением всех помещений, с инструментарием и запасами, чтобы на первых порах не быть «слепыми котятками» в своём хозяйстве.

Андрюша проверяет наличие продовольственных запасов, условия их хранения.

Но вот, сразу огорчения. Стараясь скорее закончить строительство, которое растянулось на три года, сюда не успели завести картофель. Мы, когда ехали из «Чёртова гроба», видели в сторонке от нашего пути стопу ящиков, занесённых снегом. Оказывается, это наш картофель. Так он и остался мёрзнуть в 17 километрах от обсерватории.

Последней ходкой караван забросит на ледник весь годовой запас сахара. Скорее всего, он будет оставлен там же, где лежит картофель. Непрекращающийся снегопад даёт основание так думать. Будем ходить зимой за ним, иначе каша будет несладкой. Витаминный запас велик. Две двадцатилитровые бутылки клюквенного экстракта. Этого запаса хватит на несколько зимовочных лет.

Самое неприятное: дров завезли сюда только 5–6 кубометров. На всю зимовку, для того чтобы нормально жить, надо 45–60 ку-

бометров. Их даже не заготовили на склонах гор около Алтын-Мазара. Так велик был поток строительных грузов. Пять кубометров, это значит отапливаться нечем. Только-только для приготовления пищи. Продуктовое снабжение хорошее. Много муки, риса, макаронных изделий, мясных и рыбных консервов. Шпроты – мы их ели почти каждый день на ужин по половине банки на человека. Вот мяса маловато. Немного говядины, конина, верблюжати́на и киичина (мясо диких козлов-кииков). Всего этого понемногу. Расчёт на то, что в конце мая 1935 года, когда в Алтын-Мазар прибудет лошадиный караван и вьючники будут заготавливать дрова для следующей зимовки, они настреляют козлов, и мясо так или иначе будет заброшено к нам.

Ну что же. Обратно не поедешь. Надо работать. Здесь много неизведанного, а быть первопроходцами и первооткрывателями – это почтение и, кроме того:

И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога...¹

Романтика молодости, романтика эпохи не позволяют отступать перед трудностями. Мы все, посмотрев в глаза друг другу, решаем: остаёмся и зимуем. Хотя обсерватория организовывалась и строилась по плану Второго Международного Полярного года (2 МПГ), её снабжение, конечно, хуже, чем на Севере. Там мы не поедали своих полярных пайков и одеты были лучше, чем здесь.

Суматоха передачи дел, имущества. Сбор уходящих вниз. Время проходит быстро. За окнами ночь. Пётр Иванович запустил движок, загораются лампочки. И вот прощальный ужин. Пожелания успеха, пожелания счастливого пути. Письма. Пишем последние письма. Их увезут в Ташкент и там отправят по адресам.

Я уже принял дежурство, надо сделать вечерние и ночные метеорологические наблюдения, составить телеграммы. Завтра утром Жан отстучит их в адрес Ташкентского бюро погоды.

Утром буран продолжается. Видимость – сто – сто пятьдесят метров, ветер – пятнадцать метров в секунду, температура воздуха – минус десять градусов. Но сидеть дома нельзя. Я и Жан отправляемся провожать уходящих вниз. На листе фанеры тянем их багаж. Все идём на лыжах, тот путь, который вчера казался бесконечным, прохо-

¹ см.: «Вы все, паладины Зеленого Храма...» (июнь 1909 г.) поэта Николая Степановича Гумилёва (1886–1921).

дим за полтора часа. Лошади уже пришли. Вьючники зябко кутаются в свои халаты. Последние рукопожатия, и караван теряется в белёсом тумане и снегопаде. Всё. Последние люди, которых мы видим, ушли. Теперь до будущего года к нам никто не придёт.

Забрав с собой по паре лыж, они нам будут нужны, нагрузив рюкзаки частью оставленного груза, отправляемся в обратный путь. Он труднее. Ветер и снег в лицо, да и дорога вверх. Обратный путь занял примерно три часа. Это всё-таки быстрее, чем вчера. Знаешь, куда идти.

Зимовка началась. Теперь связь с миром только по радио. Радиостанция у Жана самодельная, и приёмник, и передатчик собраны его руками. Правда, в радиорубке стоит вроде бы мощный передатчик с алюминиевыми панелями, украшая интерьер, но он тоже кустарный и неработающий. Радиосвязь с Ташкентом всех высокогорных станций поддерживалась на уровне радиолюбительства.

Жан за время зимовки несколько раз перебирал свой передатчик мощностью несколько ватт, совершенствуя его. И он его не подводил. Связь Жан поддерживал уверенно. Слышимость по радио плохая. Писк морзянки Жан улавливает, широковещательные передачи станции имени Коминтерна из Москвы слышны, но треск атмосферных разрядов во время буранов делает их приём невозможным.

Всю первую неделю нашей жизни на обсерватории за её стенами бушует буран. На площадке метеорологические будки ушли в сугроб «по колено». Вместо стандартной высоты, когда шарики термометров должны находиться на высоте двух метров, их высота над поверхностью снега меньше метра. Первое, что придётся делать, как только прекратится буран, это выкапывать будки из снега и устанавливать их на стандартной высоте.

Флюгер станции, установленный на двух соединённых казацких пиках, тоже оказался на высоте далёкой от стандартной. Надо будет из водопроводных труб, привезённых строителями, монтировать десятиметровую мачту с оттяжками из металлических тросов и поднимать это сооружение. То же с антенным устройством, для него надо будет смонтировать две двадцатиметровые мачты с двумя ярусами оттяжек и установить их. Это задача непростая.

А пока буран, кроме периодических метеорологических наблюдений и пилки дров для кухни, на воздухе делать нечего.

Осваиваем помещение, пытаемся создать какое-то подобие уюта. Нам здесь долго жить. Надо обживаться.

Пришло время осмотреться и нам, читатель. Итак, экскурсия по зданию обсерватории.

Историю строительства обсерватории писать не буду. В нём я не принимал участия. Здание обсерватории было собрано в Ташкенте, а затем разобрано и караванными тропами переброшено на ледник Федченко. Предполагалось, что работы в обсерватории начнутся во время МПГ, в 1932–1933 годах. Сделать это не удалось в силу целого ряда причин. И только вот сейчас, в 1934 году, строительство было закончено. Мы первые зимуем в полностью построенном здании.

История строительства обсерватории на леднике Федченко изложена в очерке Павла Лукницкого «Высочайшая в мире»¹, опубликованном во втором или в четвёртом номере журнала «Литературный современник» за 1935 год². Очерк заканчивается нашей телеграммой на смерть С. М. Кирова, переданной по радио в Ташкент и адресованной в Ленинградский горком партии³.

Убийство С. М. Кирова произвело на всех нас потрясающее впечатление. Сергея Мироновича любила вся страна. Все помнили его захватывающее выступление на XVII съезде партии. Для меня, ленинградца, это известие было тем более горестным. Мне дважды приходилось встречаться с Сергеем Мироновичем⁴, и помнилось, как он внимательно относился к мальчишке двадцати одного года, приезжавшему к нему как редактору журнала «Проблемы Севера», привозившего статьи сотрудников ММО и Мурманского филиала ГОИНа в его кабинет в Смольном. С. М. Киров был энтузиастом ос-

¹ см.: Глава XV. Высочайшая в мире // Лукницкий, П. Н. Путешествия по Памиру. – [Москва] : Молодая гвардия, 1955. – С. 458–476.

² см.: Литературный современник. – 1935. – № 2. – С. 113–135.

³ «Нет слов – пишут зимовщики, – чтобы выразить нашу печаль и возмущение. Требуем жестокой кары убийце. Призываем ещё теснее сплотиться вокруг партии и великого Сталина. Обязуемся с честью выполнить и перевыполнить задание нашего правительства. Макаров, Андреев, Шарафутдинов, Столяров, Фетисов, Ренья» // Литературный современник. – 1935. – № 2. – С. 135.

⁴ см.: Славный «дядька» Валериан Владимирович // Андреев, И. Д. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске / сост. и авт. коммент. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – С. 200–201.

воения Севера, много сделавшим для развития Хибин и апатитовых разработок на Кольском полуострове.

Здание обсерватории представляет собою полуцилиндрическую постройку, обтянутую оцинкованным железом и пропаянную по швам. Это затем, чтобы снег сквозь швы не забивался под железный чехол здания. Полуцилиндрическая арочная постройка поставлена на вертикальные стенки метровой высоты, составляющие с ней единое целое. Это с той целью, чтобы у пола внутри дома не было узкого пространства, которое невозможно использовать с толком. На арочные фермы наложен сплошной дощатый настил, между досками которого проложен слой войлока для утепления. Настил двойной.

Наружные размеры здания (по памяти) примерно 10 x 15 метров, при высоте около пяти метров. В полуцилиндрических стенах здания имеются световые люки: с северо-восточной стороны – один, с юго-западной – два. В них вставлены двойные прямоугольные рамы, остеклённые в каждом звене двумя стёклами. Таким образом, в каждом оконном проёме четыре стекла отделяют внутреннюю часть здания от наружного воздуха.

Торцевые стены здания вертикальны. В северо-западной стене большая двухстворчатая дверь в центре и две малые двери по бокам. Три дымовые трубы от печей прорезают оболочку здания и несколько поднимаются над ней. Всё обтянуто железом и пропаяно. При такой обтекаемой форме здания снег на нем не задерживается, а сдувается ветром.

При входе в здание через любую дверь попадаешь в коридор, опоясывающий внутренний, прямоугольный дом, который и представляет собой рабочее и жилое помещение. Коридор разбит на ряд отсеков, где размещены: машинное отделение, в котором установлен движок и динамо-машина, источник света и разного рода кладовые для хранения продуктов и запасного инструментария. Машинное отделение всё затянато железом: и пол, и потолок, и стены. Под железом несколько слоёв войлока – противопожарная защита.

Внутренний дом тоже каркасный. Между слоями досок, образующих стены, проложен войлок, утепляющий помещение. Стены от-

деланы листовой фанерой, выкрашенной масляной краской. Стыки фанерных листов декорированы деревянными рейками, покрытыми лаком.

Из коридора входим в достаточно просторное помещение, представляющее одновременно кают-компанию, столовую и комнату отдыха – гостиную. Справа две двери, ведущие в индивидуальные комнатки-кабинки; слева – три двери: в баню-прачечную и в две жилые кабинки.

От рабочего помещения кают-компания отделена кухней, дверь в которую ведёт из узкого коридорчика. Кухня не имеет естественного освещения. В полу кухни погреб, выдолбленный в скальном основании, на котором стоит всё здание.

Узкий коридорчик мимо кухни выводит в рабочий кабинет, отделённый от радиорубки широким прямоугольным проёмом. Радиорубка имеет дверь в жилую кабинку радиста.

По левую сторону рабочего кабинета – дверь в тёмную фотолaborаторию, через которую есть выход в коридор, окружающий внутренний дом, и далее на воздух. Это обычный путь сотрудника дежурного по метеорологической станции, выход на метеорологическую площадку.

Печей в здании три, и плита на кухне. Печи кирпичные, голландские, обтянутые железными кожухами. Две из них топятся из столовой, и каждая обогревает по две жилые кабинки и столовую. Третья печь топится из рабочего кабинета и обогревает его, радиорубку и жилую кабинку радиста. Правда, при нашем дровяном голоде радист оказался в выгодном положении – к нему в жилое помещение выходит задняя стенка плиты из кухни. Я пишу, что радист оказался в выгодном положении в смысле тепла. Почти за всё время, пока летом 1935 года не начали подвозить дрова для следующей зимовки, топились три раза. Как я писал, дров там еле-еле хватало на приготовление пищи.

Из окна рабочего кабинета, широкого, с большим обзором, открывается чудесный вид на перевал Кашалаяк и красивейшую группу гор – группу «Шпоры», мягкие склоны которой поднимаются под шесть тысяч метров и только в далёкой выси становятся скалистыми. Но об окружающем нас пространстве немного позже. Сейчас буран, видимость несколько десятков метров, и судить о нашем окружении невозможно.

Ясно одно, мы на скалистом пороге (ригеле) у склона хребта Академии Наук на высоте 4 220 метров над уровнем моря и примерно

на 200 метрах над поверхностью ледника Федченко. Среднее годовое атмосферное давление здесь 420 миллиметров ртутного столба. Надо привыкать, надо обживаться.

Итак, жилых кабинок пять, нас шестеро. Я поселяюсь вместе с Петром Ивановичем Столяровым. Я – шестой. При постройке обсерватории расчёт был на пятерых зимовщиков.

Каждая кабинка меблирована диваном, таким же как в мягком вагоне железнодорожного поезда, т. е. она может быть заселена двумя зимовщиками. Один наверху, другой внизу, что важно в период смены персонала зимовки. Нижняя часть дивана переворачивается, на ней в брезентовом чехле-конверте сложена постель. Днём диван, ночью кровать. Стоит только развязать тесёмки и раскрыть конверт, как готова постель. Правда, если утром убрал её и уложил, как это было задумано конструктором.

В кабине письменный стол и табурет. Настольная электрическая лампа. Окно, выходящее в коридор, напротив светового люка. В окне две рамы и четыре стекла, в каждом звене рамы. Таким образом, от наружного воздуха помещение защищено восемью стёклами, вставленными в четыре рамы.

Пётр Иванович старше меня, и я располагаюсь на верхней полке дивана. Напротив нашей кабинки кухня, рядом разместился Андрияша Ренье. Ему, повару, рано вставать каждый день, пусть живёт один. Аркадий Васильевич и Леонид Иванович поселились в кабинках с правой стороны от входа.

В середине холла большой круглый стол, шесть табуретов. Всё это доставлено сюда из Ташкента на спинах лошадей в разобранном виде. Сборкой занимались отделочники, принимавшие участие в строительстве здания обсерватории.

В целом уютно, проживание здесь и работа могут быть приятными и удобными.

Пока же за стенами здания бушует буран, вылезаем на воздух только для производства метеорологических наблюдений пять раз в сутки. Два синоптических срока и три климатологических срока. Таков был распорядок наблюдений на всех метеорологических станциях, пока вместе с развитием авиации не ввели наблюдений через каждые три часа.

Пётр Иванович Столяров, механик обсерватории, мне ближе. Мы живём с ним в одной кабинке. Ему 45–50 лет. Мягкий, вежливый человек, Механик, как говорят, золотые руки. В Среднюю Азию попал вместе со своим отцом и братом во время Первой мировой войны. Они все работали в мастерских Военно-топографического отдела Главного штаба в Петрограде, были солдатами и вместе с отделом были эвакуированы в Ташкент. Специалист по ремонту и юстировке геодезических приборов. Во время Гражданской войны был красноармейцем. Принимал участие в освобождении Средней Азии от войск эмира Бухарского, во взятии его дворца, участвовал в борьбе с басмачеством в первые годы Советской власти. Много интересных эпизодов он нам рассказал за время зимовки. После демобилизации работал в мастерских при Управлении единой гидрометеорологической службы Средней Азии. Принимал участие в строительстве обсерватории с самого начала и вот остался с нами на зимовку. Он настоящий высокогорник, из всех нас с самым большим стажем пребывания и работы на этой высоте.

Жан Шарафутдинов – радист, один из опытейших радистов Гидрометеорологической службы Средней Азии. По национальности татарин. Смуглый, скуластый паренёк лет двадцати двух – двадцати трёх. Пригласил его на зимовку Аркадий Васильевич, он знает Жана уже много лет. Жан должен обеспечить нам надёжную связь с Ташкентом. Он это и делал. По его вине не было срывов связи. У меня с ним завязалась большая дружба. Все выходы на ледник, все походы мы совершали вместе, исключая те случаи, когда у Жана были сеансы связи, а на леднике надо было работать. Тогда я уходил один или вместе с Аркадием Васильевичем. Жан женат и скоро ждёт ребёнка. Очень спокойный и по-восточному мудрый. На зимовку поехал после уговоров со стороны Аркадия Васильевича и, кроме того, желая заработать для содержания семьи.

Андрюша Ренье. С ним ехали из Ташкента вместе. Как я уже писал, немец с французской фамилией и с русским именем, открытой душой и ровным весёлым характером. Как всякий немец, чрезвычайно дисциплинированный, ответственно относящийся к порученному делу. Образование у Андрюши не очень высокое. Я так и не смог узнать, окончил он семилетку или нет. Читать любит, но, читая, водит паль-

цем по строчке, шевелит губами, и процесс чтения идёт медленно. Роста он невысокого, силушки не занимать. Русые кудри спускаются на лоб и лезут в глаза, поэтому часто, пытаясь их откинуть, встряхивает головой. Всю зимовку хорошо кормил нас, пёк очень вкусный хлеб и пироги. С удовольствием ходил с нами на ледник, когда надо было помочь, и нужна была физическая сила.

Леонид Иванович Фетисов родился и вырос в Средней Азии. Инженер-геодезист. Ему около 40 лет. Давний знакомый Аркадия Васильевича, который и пригласил его на зимовку для производства топографических работ на леднике, разбивки створов для снегомерной съёмки и определения скорости движения ледника. Коренастый, плотный человек, физически сильный. Носит очки. Характер несколько замкнутый. Во всяком случае, на дружеские контакты ни с кем не идёт. Спокоен, не взрывается, когда кто-нибудь над ним подшутит. Женат. Его супруга провожала нас в Ташкенте на вокзале вместе с женой Аркадия Васильевича – Ксенией Ильиничной. Обе просили меня «присмотреть» за их мужьями, говоря: «Вы опытный полярник, а они едут зимовать первый раз». Ну, поживём – увидим.

Аркадий Васильевич Макаров – начальник зимовки. Высокий, на первый взгляд суровый человек, а на самом деле мягкий и деликатный. Жизнь с ним в замкнутом коллективе, совместная работа оставили у меня приятное воспоминание, и добрую память о нём я храню всю последующую жизнь. Ему около 45–50 лет. Кто он в прошлом – не знаю. На эту тему никогда разговоров с ним не было. Но его выправка, манера держаться, образованность позволяют кое о чём догадываться. Прекрасно знает всё Памиро-Тяньшанское высокогорье с его тропами и перевалами. Но это от должности. Он долго работал начальником Бюро высокогорных исследований Средне-Азиатского управления Гидрометеорологической службы. В организации многих высокогорных станций принимал личное участие и многие объехал с инспекцией. Работает с увлечением, генерирует идеи по поводу исследования процессов, происходящих на поверхности ледника и в его теле. Интересно с ним работать.

Вот таковы мои товарищи. Я в своих воспоминаниях не ставил себе целью дать развёрнутые характеристики и составлять досье на каждого из них. То, что я написал, это первый взгляд на людей, с которыми свела судьба, с которыми предстоит прожить вместе долгие десять месяцев. Да и прошло уже пятьдесят семь лет с того мо-

мента, как мы встретились. Всё пережитое покрылось лёгким флёром времени, немного затуманилось и кажется прекрасным.

Несколько дней продолжается буря. За окнами – молоко, а не свет. Когда выходишь на воздух, режет глаза. Кругом всё бело-бело, и мельчайший снег сыплет сверху, его ветром несёт по земле. Это то, что называется «общая метель». Порывы ветра валят с ног. Навстречу ветру идёшь, наклонившись вперёд на несколько градусов, «ложишься» на ветер. Но сравнительно тепло. Температура воздуха минус десять – минус пятнадцать градусов. Ветер порывистый, но постоянного направления – юго-юго-западный. Всему есть своё объяснение.

Долина ледника Федченко представляет собой трубу, ограниченную с боков хребтами, превышающими поверхность ледника на полторы – две тысячи метров. Стенки «трубы» круто поднимаются над телом ледника. И только на юго-юго-западе в этих горных барьерах просвет – перевал Кашалаяк, расположенный в нескольких километрах от обсерватории. Через него, поднимаясь с ледника Географического Общества по крутому ледопаду, воздушный поток из южных долин Таджикистана переваливает через Хребет Академии Наук и спускается вниз по леднику Федченко. Срабатывает фёновый эффект. Это небольшой вклад в поддержание сравнительно высоких температур на уровне нашей метеорологической площадки. Воздух, опускаясь с перевала Кашалаяк полтораста – двести метров, нагревается в лучшем случае на два – полтора градуса.

Вторая причина, приводящая к установлению достаточно высоких температур воздуха в районе обсерватории, заключается в том, что выделяется в воздух большое количество тепла за счёт сублимации водяного пара, его перехода в твёрдую фазу, минуя жидко-капельную стадию. Выделяется при этом скрытая теплота парообразования или конденсации, или сублимации. Так как процесс сублимации водяного пара происходит в облаках, которые окутывают всю местность, то снег, выпадающий здесь, мелкокристаллический. Я никогда не видел на леднике Федченко во время буранов снега, выпадающего в виде крупных снежинок, красивых звёздочек, которые наблюдаются в низинных районах. Вот эта вторая причина наиболее эффективно действует во время буранов.

За время моих зимовок на леднике Федченко при ясной погоде не отмечалось температуры воздуха ниже минус пяти градусов. Один фёновый эффект не мог привести к значительному повышению температуры. Мал перепад высот, и за счёт спуска «сухого» воздуха с перевала Кашалаяк сильного повышения температуры быть не могло. На Восточном Памире наблюдаются значительно более низкие температуры и повышенная сухость воздуха. Так называемый чёрный холод при отсутствии снежного покрова там наблюдается долгую зиму. Вся влага, приносимая воздушными потоками с запада, выпадает в виде снега на южных и западных склонах Западного Памира, и в долины Восточного Памира притекает сухой, сильно охлаждённый воздух.

Сейчас, когда бушует буран, окружающих гор не видно. Дальность видимости сильно ограничена. Работать на леднике невозможно, пока мы не изучили всю окружающую местность. Иначе можно долго блуждать по леднику в поисках дороги домой.

Всё это придёт потом, когда все пути будут исхожены, все трещины и камушки на центральной морене будут изучены. Тогда уходить в буран на ледник, взяв с собой спальный мешок, будет не страшно и станет привычным.

Через неделю после нашего прибытия сюда просыпаемся утром, и к нам в окна врывается яркий свет. Воздух прозрачен, весь окружающий нас мир блещет в лучах восходящего солнца. Пик КПП, что над Чёрным гребнем, чётко рисуется своей трапециевидной вершиной на фоне голубого неба. До него семнадцать километров, но каждая складочка на его обрывистой стене видна отчётливо. Стена Финстержальдера, ограничивающая ущелье Баляндкиика, кажется лежащей рядом, а до неё сорок километров. Верховья ледника, которые мы увидели в первый раз, до его второго поворота при впадении в него ледника Академии Наук засыпаны белым-белым снегом. Только центральная морена двумя каменистыми полосками чернеет на поверхности ледника ещё километров на десять вверх по леднику и вниз до самого языка. Вверх по леднику на тёмно-голубом небе вырисовываются заснеженные вершины горных хребтов, и среди них пик Революции, на снежном склоне которого в бинокль просматривается

астроznak, установленный участником экспедиции 1927 года астрономом Беляевым.

Группа «Шпоры» своим ослепительно белым снежным «пузом» манит скатиться с неё на лыжах. Но до неё не менее десяти километров, а кажется совсем рядом. Горы визуальнo приближают, скрадывают расстояния.

Перевал Кашалаяк ровной полоской прерывает череду высочайших пиков, а за ними видимы вершины следующей горной складки – Ванчского хребта. Правее Кашалаяка, когда смотришь на него от обсерватории, высится двуглавая вершина пика Комакадемии, лежащая в двух – полутора километрах от здания обсерватории. С её крутых склонов стекает ледник № 8, обрывающийся к леднику Федченко крутым, отвесным ледопадом высотой около ста метров. Ледопад находится в трёхстах метрах от обсерватории. Часто я совершал прогулку к нему и любовался его каскадами.

Внизу по течению ледника Федченко со склонов хребта Академии Наук стекают два висячих ледника № 6 и № 4, впадают они в ледник Федченко крутыми ступенями. С противоположных склонов (правый берег ледника Федченко) стекает несколько крутопадающих, висячих ледников. Все они без названий, номерные нечётные. Ширина всех этих ледников, притоков ледника Федченко, от двухсот метров до километра.

Когда смотришь вверх по леднику Федченко, сразу после его поворота видно устье ледника Витковского, одного из притоков ледника Федченко с правой стороны. При его впадении, даже когда всё засыпано снегом, видишь громадные ледниковые трещины, перейти через которые сейчас, наверное, никому бы не удалось. Надо ждать, когда снег слежится и образует надёжные мосты через трещины. Свежевыпавший снег сыпуч и не спаян, когда это произойдёт, тогда можно попытаться на лыжах пройти вверх по леднику или надо ждать, когда снег растает, и все трещины будут открыты, и их можно обойти.

Описать захватывающую красоту, открывшуюся нам после недели бурной погоды, нет слов. Это надо видеть, чтобы почувствовать до глубины души. Наблюдать эту красоту нам предстоит долгие месяцы. А сейчас пора приниматься за работу.

У юго-западного угла нашего дома строители оставили юрту, где они жили два сезона, пока шло строительство здания. Во время бурана позади юрты с её подветренной стороны отложился толстый сугроб, который покрыл часть нашего дома.

Первая задача – снять юрту, разобрать её. Вот так пришлось познакомиться со средневековой архитектурой монголо-татарских кочевников. Не строя, а разбирая постройку. Киргизы собирают юрту за три-четыре часа. Да и работа считается женская. Надо учесть поправку на высоту, нашу неполную к ней адаптированность, а также впервые выполняемую работу при полном отсутствии знаний о принципах постройки юрты. Так или иначе, юрту мы разобрали, скатали кошмы, сложили деревянные решётки, основной каркас юрты, и всё это затащили на чердак нашего дома, а он просторен и светел – там спали строители последний год работы.

Всё остальное доделал ветер, он быстро смёл сугроб, который оказался теперь на наветренной стороне дома, ничем не затенённым.

За время бурана на площадке, где стоит здание обсерватории, снежный покров составил 50–70 сантиметров, а позади здания, на его подветренной стороне, снега отложилось до полутора метра. При разборке юрты из её недр разбежалось целое стадо мышей. Они были завезены сюда вместе с войлоком (кошмами), из которого была построена юрта и которым прослоено здание обсерватории. Мыши из наших запасов натащали в юрту и спрятали по укромным уголкам много риса, гречки, пшена. Словом, запаслись на зиму. Разбежавшись во все стороны и без пищи, они, конечно, погибнут, замёрзнут. Это спасёт все последующие смены зимовщиков от быстро плодящихся грызунов и убережёт для них большое количество продуктов. Если бы мыши угнездились в здании обсерватории, то через некоторое время их популяция выросла бы до нескольких тысяч, и вести борьбу с ними стало бы труднее.

Мышки – чистые животные, их жалко, но, как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Действительно, за две мои зимовки на леднике Федченко, т. е. на протяжении трёх лет, мышей никто не видел, и серые разбойники не хозяйничали в наших кладовых. За всё время зимовок из живых

существ мы зимой видели только пять воронов, которые в ясную погоду высоко в небе кружили над нами и иногда кормились на помойке, куда Андрюша выбрасывал отходы кухонного производства. На той же помойке мы наблюдали из окна в лунные ночи пару каменных куниц – белодушек, которые кормились кухонными отбросами. Где в камнях было их гнездо, найти нам не удалось. Да особенно мы и не искали его, чтобы не спугнуть этих гибких, изящных животных. Любовались ими через окно, чтобы не помешать им кормиться на помойке.

После разборки юрты следующие дни были заняты разбивкой створов на поверхности ледника, установкой снегомерных реек. Для этого Леонид Иванович оставался наверху вблизи обсерватории за теодолитом. Мы четверо: Аркадий Васильевич, Пётр Иванович, Жан и я – на поверхности ледника устанавливали рейки, углубляя их в снег до льда, ставя на расстоянии ста метров друг от друга строго поперёк ледника от одного берега до другого. Поперёк ледника было установлено двадцать реек, Леонид Иванович наблюдал за их установкой и добивался, чтобы они стояли строго в створе, подавая нам команды отмахками флагом.

В дальнейшем рейки будут «плыть» вместе со льдом, и мы, замеряя их отклонение от линии створа, рассчитаем скорость движения ледника здесь, в его среднем течении. Забегая вперёд, скажу, что на центральной морене эта скорость составила триста – триста пятьдесят метров в год (по измерениям смещения трёх реек, установленных на буграх центральной морены и в ложбине между ними). У берегов скорость равнялась сантиметрам в месяц, что, конечно, лежит в пределах ошибки наблюдений.

Продольная линия реек была нами установлена несколько позже, когда Пётр Иванович изготовил ещё некоторое количество их из досок, оставшихся от строительства. В те далёкие времена многое приходилось изготавливать на месте из подручных материалов. Иначе нельзя было обеспечить выполнение программы работ. Правда, и программа составлялась самими.

Каждая рейка представляла собой брус прямоугольного сечения 5 x 20 сантиметров и длиной 2,5 метра. На рейке разбита шкала через

каждые два сантиметра, и окрашена рейка так, как красятся геодезические рейки. Представляете, какую работу пришлось нам проделать, перетаскивая на себе сорок пять таких реек, разнося их по створам. Для этого надо было многократно спуститься и подняться на ригель, таща на себе пару таких реек, выйти на линию створа, отмерить расстояние и вкопать рейку в снег до поверхности льда. Попутно при этом производилось измерение плотности снега. Произведение плотности снега на его высоту даёт значение водности снежного покрова, т. е., в конечном счёте, знание о запасах воды, аккумулированных на поверхности снегосбора, иначе, о количестве воды, которое получают реки в период таяния снега. После прекратившегося бурана на поверхности ледника плотность снежного покрова, средняя высота которого в нашем створе была 75 см, составляла 0,20–0,25 по отношению к воде. Значит, слой снега такой высоты, если его растопить, даст слой воды высотой 15–19 см. Если учесть площадь в несколько сотен квадратных километров, где произошло выпадение снега, кажется, что прошедший буран принёс громадное количество воды, которое ледник Федченко отдаст летом в Амударью. И это ещё не самый продолжительный снегопад.

Работа работой, но надо и отдыхать. Для отдыха и развлечений у нас есть патефон и к нему десяток старых граммофонных пластинок, часть из них ещё дореволюционного производства. Подбор их случаен. Изрядно они нам надоели за время зимовки. До сих пор звучит в ушах старая заигранная, шипящая и трещащая пластинка: *«В том саду, где мы с вами встретились, Ваш любимый куст хризантем расцвёл...»*¹ Под конец зимовки уже нельзя было разобрать отдельные слова, прослушивался сплошной шум, и треск, и скрип. Иголок патефонных, кстати, тоже не было.

Маленькая библиотечка из случайно завезённых книг. Их оставили строители с тем, чтобы не везти обратно. Общим числом было книг двадцать – двадцать пять. Зато полностью были завезены отчёты Таджикско-Памирской экспедиции за несколько предшествующих лет. Вот это действительно было интересное чтение.

¹ см.: популярный романс *«Отцвели хризантемы»* (1910 г.; муз. Николая Ивановича Харито (1886–1918), сл. Василия Дмитриевича Шумского (?–?)).

Радио во время буранов – сплошной треск, щелчки и свист атмосферных разрядов. Только отдельные фразы и слова прорываются из бумажной тарелки громкоговорителя. В ясную погоду приём станции имени Коминтерна из Москвы довольно уверенный, но злоупотреблять слушанием передач мы не можем. Радиопитания у нас мало. Весь основной запас сухих анодных и накальных батарей остался в Алтын-Мазаре. К нам его не завезли. Это привело к печальным результатам. Не было анодных батарей (БАС-80) для моих атмосферно-электрических работ. Не представлялось возможным провести измерения радиоактивности воздуха (содержания эманации радия). Не было батарей для установки электрографа Бендорфа, и сорвалась регистрация напряжённости электрического поля атмосферы (вертикального градиента потенциала). Таким образом, часть моих работ развернуть не удалось. Пришлось только сожалеть, такой груз тащил из Ленинграда. Обеспечение радиосвязи было делом более важным, и пришлось весь скудный запас батарей резервировать для Жана.

Не раз недобрым словом я поминал во время зимовки снабженцев и караванщиков, оставивших этот груз в Алтын-Мазаре, где он за год лежания в неотапливаемом помещении придёт в полную негодность. Но везли строительные грузы. Я уже писал, что даже дров нам оставили всего пять или шесть кубометров, а картофель и сахар бросили на леднике.

Режим нашей новой жизни установился следующий: Андрюша встаёт в шесть часов и начинает готовить завтрак. Дежурный по метеостанции в семь часов производит наблюдения, составляет телеграмму в адрес Ташкентского бюро погоды. Жан в семь тридцать выходит на связь с Ташкентом и передаёт туда ночную и утреннюю телеграммы, принимает от Ташкента, если бывает в наш адрес, корреспонденцию, а затем все собираются за круглым столом на завтрак. Наш рабочий день не нормирован. Только дежурный обязан в установленные сроки произвести метеорологические наблюдения и выполнить первичную обработку их результатов.

Сразу принялись за благоустройство метеорологической площадки. Как я уже писал, флюгер был установлен на мачте, составленной

из двух казацких пик, которые под его тяжестью прогнулись и походили на змейку, устремлённую вверх под немыслимым углом. Ни о каком стандарте его установки нечего было и говорить. Вот первая задача – собрать из водопроводных труб, привезённых строителями для этой цели, мачту для флюгера и поднять его на десятиметровую высоту. Сказать легко, но сделать...

Весь монтаж надо выполнить на земле, т. к. потом не заберёшься на десятиметровую высоту по водопроводной трубе с грузом, весящим более пятнадцати килограммов. Не вставишь «хвост» флюгера в отверстие трубы, закрепив его в нём. Однако поднять такую трубу с тяжёлой «головой» и не погнуть трубы, поставить эту мачту вертикально по отвесу и ориентировать флюгер по сторонам света – задача для нас непростая. Тем более, когда подъёмных устройств, кроме своих рук, нет никаких. Два яруса оттяжек из стального тросика, заглублённые в скальный грунт четыре крюка для крепления оттяжек – вот флюгер и поднялся на нужную высоту. Два дня ушло на эту работу. Перерывы на обед делались в четырнадцать часов, когда Андрюша кричал нам, что обед подан.

Первый буран занёс снегом метеорологическую площадку. Психрометрическая будка, будки самописцев – термографа и гигрографа, эвапорометра Вильда оказались на высоте от одного метра с четвертью до метра над подстилающей поверхностью, вместо стандартной высоты в два метра. Надо было их выкопать из снега и поднять на нужную высоту. То же с дождемером, собирающим атмосферные осадки. Во всех этих работах проходят дни.

Ужинаем в двадцать часов. Андрюша твёрдо выдерживает этот распорядок нашего кормления.

Время летит незаметно, и вот мы уже акклиматизировались. Передвижение по площадке и физические нагрузки уже не вызывают сильной одышки, которая в первые дни заставляла делать частые остановки и перерывы в работе. Атмосферное давление колеблется около 420 миллиметров ртутного столба. Плотность воздуха составляет почти половину от плотности на уровне моря. Считая, что процентное содержание газов, составляющих земную атмосферу, на этих высотах то же самое, что и на уровне моря, выходит, что содержание кислорода в воздухе здесь примерно в два раза меньше, чем внизу. Конечно, физическая работоспособность, особенно на первых порах, при этом значительно снижается и восстанавливается через достаточно продолжительный промежуток времени.

Из Алтын-Мазара сообщили по радио, что караван окончил работу и ушёл в Фергану через перевал Тенгизбай, который расположен над Дараут-Курганом. Последней ходкой забросили на ледник груз сахара и, как в насмешку, несколько мешков лука.

По леднику поднялись на два километра выше «Чёртова гроба». Дальше не пустили снегопад и буран, свирепствовавший на леднике. Ящики и мешки сложены на льду вблизи центральной морены. Нам предстоит ходить туда на лыжах для пополнения запасов. Пока погода ясная, надо совершить эту ходку.

И вот после завтрака мы вдвоём с Аркадием Васильевичем, надев на себя лёгкие полубрезентовые штормовые костюмы, привязав к ногам лыжи, устремляемся вниз по леднику разыскивать так необходимый нам сахар.

Я всё время пишу, что мы привязываем к ногам лыжи. Это действительно так. Лыжные крепления состоят из носкового ремня, продёрнутого в отверстие, выдолбленное в лыже, и верёвок, вместо пятточных ремней. Как в моём далёком детстве двадцатых годов, когда я ходил на самодельных лыжах¹. О горных лыжах и горных креплениях мы даже мечтать не могли.

Обувь у нас поношенная. Уже несколько смен строителей её носили. У меня шеклтоны, сконструированные известным исследователем Антарктиды Эрнестом Шеклтоном. Как они сюда попали, никто не ведаёт. Снаружи брезентовые ботинки на шнуровке до колен, внутри меховые, на плотной войлочной подошве. У Аркадия Васильевича растоптанные валенки.

Наши лыжи никогда не знали лыжной мази. Просто доски, обработанные по форме лыж, хотя и фабричного производства. Армейский тип лыж того времени. Назывался «Муртомаа». Полугорные – носок лыжи несколько тяжелее пятки. Хорошо, что снег сухой и не налипает на лыжи, поэтому скольжение довольно приличное.

Ветерок, пять-шесть метров в секунду, дует нам в спину, и передвигаться легко. Идём вниз, обходя трещины, которые видны по провисшему над ними снегу. Придерживаемся центральной морены, там

¹ см.: Андреев, И. Д. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске / сост. и авт. коммент. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – С. 34–38, 88–89.

путь, исхоженный и проверенный караваном, проходившим здесь с грузом. Летом на пути больших трещин не было.

Примерно в семнадцати-восемнадцати километрах от обсерватории видим стопу ящиков и мешков, укрытых брезентом. Пришли. На весь путь затратили три часа. Но шли налегке и вниз. Обратный путь будет, конечно, труднее. Сидим, отдыхаем. Над нами высятся отвесные скалы пика КПП, под северным склоном которого находится «Чёртов гроб». Погода ясная, все склоны окружающих гор просматриваются отчётливо, и кажется, что все они рядом с нами.

С сахаром десять ящиков. Нам на зиму этого хватит, но ходить за ним придётся неоднократно. Берём в рюкзаки по пять килограммов сахара и по несколько луковиц из мешков. Лук, конечно, мороженный. Посмотрим, что сделает с ним Андрюша. Он оказался искусным кулинаром и кормит нас вкусно.

Двенадцать часов дня. Делаем первые шаги вверх по леднику. Шагать труднее. Хотя, на первый взгляд, кажется, что подъём пологий, но он непрерывный и всё же подъём. За спиной в рюкзаке около шести килограммов, в начале пути это воспринимается игрушкой, но по мере подъёма груз даёт себя знать. Светит солнце, в наших чёрных штормовых костюмах жарко.

Наконец добираемся до нашего ригеля, на котором стоит обсерватория. Последний подъём по заснеженному склону. Идём серпантинными, часто отдыхая. Но пройден и этот участок пути. Вспоминается: здесь мы карабкались 7 ноября, как слепые котята, когда впервые под снегопадом и в буране поднимались по этому склону, не зная, где конец пути.

Первый поход занял десять часов. Сейчас шесть часов вечера, а вышли мы в восемь часов утра. Потом, в январе – феврале, такой поход занимал семь часов. Много таких походов пришлось совершить, принося на спине сахар, лук, картофель. Картофель использовался, когда надоедали каши и макаронные блюда. Андрюша размораживал картофель и лук в ледяной воде и готовил из них блинчики и котлеты. Сладковато, но есть можно.

Вода. Это тоже проблема. Её добывали, растапливая снег. Вблизи от обсерватории выделили участок, куда не ступали ногой. Из суг-

робов Андрюша вырезал снежные кирпичи, укладывал их в большой оцинкованный бак, который постоянно стоял у него на плите и по мере надобности наполнялся снегом.

В те годы снег на леднике выпадал чистый. В нём, конечно, были какие-то примеси, соляные или сернистые, но не в таких количествах, как теперь, и никакого вреда принести не могли. Даже, может быть, из-за недостатка солей в снеговой воде мы все немного подпортили себе зубы. Ни о каких кислотных дождях и снегопадах, содержащих в себе радиоактивные нуклиды, не могло быть и речи.

Не представляю, какую воду пьют сейчас на леднике Федченко зимовщики. За прошедшие годы атмосферу Земли настолько засорили, что даже попадать с открытой головой под осадки стало опасно, а не только пить снеговую воду.

На высоте обсерватории вода закипает при температуре около десяти градусов по Цельсию. Сказывается пониженное атмосферное давление. Поэтому приготовление пищи тоже проблема. Кастрюль-сковорок и пароварок в те времена ещё не было, и проварить до готовности мясо составляло проблему. Только время. Поэтому в плите Андрюша поддерживал негаснущий огонь или держал кастрюлю, в которой готовил суп, целый день на керосинке. Это нас несколько обогревало. Печи не топились из-за недостатка дров. Дрова арчёвые, смолистые. Их пилили двуручной пилой, сидя на снегу и удерживая полено ногами, упираясь в него с двух сторон.

Все ясные дни – на воздухе. Установили двадцатиметровые мачты для антенны. Трудная была работа. До этого антенна висела на каких-то колышках.

Вечерами мирно стучит движок, над столами горят лампочки, обрабатываем материалы наблюдений. Беседуем. Так проходит вторая неделя нашего пребывания здесь.

Опять буран. Всю округу затянуло облаками. Мельчайший микроскопический снег в виде еле заметных кристаллов проносится с ветром, бьёт в лицо, залезает в щели костюма, когда приходится выходить из здания. В доме сумрачно. Пётр Иванович вынужден рано запускать движок. Всё дело в том, что здание обсерватории находится на восточном склоне хребта Академии Наук, высота пиков

которого 5,5–6,5 километра. Уже после пяти часов дня мы находимся в это время года в их тени. В ясную погоду свет, отражённый от противоположных вершин правого берега ледника, покрытых снегом и льдом, создаёт достаточную освещённость, а во время бурана наступает ночь.

В конце ноября – авария. Старый движок, по случаю приобретённый снабженцами, вышел из строя. Пётр Иванович несколько дней пытался его отремонтировать, но, очевидно, движок выработал свой моторесурс. Точка. Мы остались без электроэнергии. Нет света, нет питания для радиостанции. Облавив и просмотрев все закоулки, мы обнаружили на чердаке несколько старых керосиновых ламп, их баллонов с горелками и фитилями. Ими пользовались строители в прошлые годы, живя в юрте. Все попытки отыскать ламповые стёкла оказались безуспешными. Вот положение: лампы есть, керосина много в канистрах под снегом, но нет стёкол. Надо заниматься «творческой» работой. Пошли в ход пустые бутылки из-под лака и морилок, брошенные строителями. Хорошо, что непобитые. Каждый из нас выбрал себе лампу по вкусу и начал делать к ней стекло. Для этого надо было отрезать у бутылки горлышко, срезать дно, приспособить наверх вытяжную трубу из жести. Не всё сразу удалось сделать. Бутылки пришлось резать дедовским способом. В нужном месте бутылка обматывается шпагатом, смоченным в керосине, и этот шпагат поджигается, когда пламя охватит всю окружность и шпагат почти сгорит, бутылка погружается в ледяную воду. Не всегда удаётся достичь нужного результата, особенно при отрезании дна. Иногда бутылка трескается вдоль или неровно обрезается, тогда для дальнейшего использования она не годится. На каждой бутылке надо сделать два реза. Но терпение побеждает. После некоторой практики и ряда неудач каждый из нас изготовил «стекло» на лампу. Некоторые лампы оказались очень мощными, и пришлось устанавливать на наши кустарные стёкла сверху экранчики, чтобы не разогревать потолок, высота которого чуть больше двух метров. Подставки для ламп тоже пришлось импровизировать. Фотография части этих ламп у меня сохранилась. Верой и правдой служили нам эти светильники до конца зимовки.

Петра Ивановича, который остался без своего агрегата, приспособили к производству метеорологических наблюдений. Дежурить стали вчетвером. От дежурств освобождены были только Жан и Андрияша. Однако Жан почти во всех выходах на ледник принимал участие. С удовольствием ходил в паре с кем-нибудь за сахаром и картофелем. Чаще всего мы с ним ходили вдвоём. Хороший он был спутник. Мы оба были молодые, неунывающие и охотно брали на себя трудные в физическом отношении дела.

Мощность снежного покрова нарастает прямо на глазах, и это несмотря на то, что площадка, на которой мы обитаем, продуваема ветром. Ветер упорно держится южного направления. Дует с перевала Кашалаяк, мимо нас несёт тучи снега и проносит его далее вниз по леднику.

С конца ноября 1934 года и до января 1935-го – беспросветный буран. За весь декабрь 1934 года наши гелиографы записали всего двадцать четыре часа солнечного сияния. Только двадцать четыре часа светило солнце сквозь разрывы облаков в кратковременные прекращения свирепого бурана. Остальное время весь район был в облаках и тучах мелкокристаллического снега при ветре 20–25 метров в секунду. На Кольском полуострове таких продолжительных буранов мне наблюдать не приходилось. Там они налетают зарядами с Баренцева моря. Продолжительность «заряда» иногда несколько часов, иногда десятков минут, и снег там крупный, или в виде снежной крупы, или ледяных зёрен, выпадающих из кучево-дождевых облаков. Пронесётся такой заряд – и снова ясно и тихо. А тут один буран больше месяца! Вот в это время и начались неприятности.

Леонид Иванович впервые в жизни увидел снег и буран. Постоянный житель солнечного Узбекистана загрустил. Вначале сидел понурый, а затем начал проявлять беспокойство о своих семейных

делах. Начал твердить, что в Ташкенте жена забыла его и полюбила другого. Аркадий Васильевич, много лет знакомый с этой семьёй, всячески уговаривал Леонида Ивановича, доказывая ему, что этого быть не может. На переговорный пункт в Ташкенте вызывали жену Леонида Ивановича, но всё напрасно. День ото дня наш Леонид Иванович становился всё мрачнее и мрачнее. Однажды ночью мы услышали шум, вскочили с постелей и поймали Леонида Ивановича на воздухе, где он к босым ногам привязывал лыжи, собираясь бежать с ледника в Ташкент. Утром снова дали вызов жене Леонида Ивановича с просьбой прийти в радиоцентр к вечернему сеансу связи. Она пришла вместе с женой Аркадия Васильевича, рассказала, как живёт, всячески успокаивая своего мужа. Но дело в том, что живых голосов не было слышно. Переговоры шли на телеграфном языке – азбукой Морзе. Микрофонной связи тогда на высокогорных станциях не существовало. Такие переговоры успокаивали Леонида Ивановича максимум на один-два дня, потом всё начиналось сначала. Несколько раз он пытался удрать от нас ночью в одном белье и босиком. Очевидно, проснётся, мысли в голове роятся, и он бросается бежать, не помня о расстояниях и глубоких снегах. Установили за ним круглосуточный надзор. Теперь дежурный после ночных наблюдений не ложился спать, а сидел в кают-компании, куда выходила дверь из кабинки Леонида Ивановича, и караулил его. Удержать его было трудно. Он был физически сильный человек, приходилось будить остальных.

Состояние у всех было напряжённое. Приходилось опасаться, как-бы он не устроил пожара. Кустарная керосиновая лампа у него на столе в кабинке, мало ли что может случиться.

Время шло, Леонид Иванович перестал бриться, оброс роскошной бородой, забывал умываться. И вот много позже, примерно в апреле, явился перед всеми в совершенно голом виде и объявил себя королём папуасов на каком-то тихоокеанском острове. Так, с «папуасским королём» мы прожили до десятых чисел мая. Пять месяцев. В мае в Алтын-Мазар пришёл караван из Оша. Вьючники должны были заготавливать дрова на склонах Заалайского хребта для следующей зимовки. Начальник каравана Тулупов пришёл к нам пешком по леднику от «Чертова гроба» вместе с одним вьючником и увёл Леонида Ивановича, который с большой радостью отправился с ними. Вскоре он был доставлен в Ташкент. Несколько месяцев провёл на излечении. Потом, кажется, всё кончилось благополучно. Мне с ним больше

никогда не приходилось встречаться. Когда я после второй зимовки отчитывался в Ташкенте, Леонид Иванович был в отъезде. Так разошлись наши дороги.

Жизнь в тесном коллективе с явно психически неуравновешенным человеком была не из сладких. К чести остальных членов коллектива, никто не сорвался, никто ни одним словом не обидел Леонида Ивановича. А ведь могло быть всякое. Как бы то ни было, но всё же у меня об этой зимовке остались самые светлые и тёплые воспоминания. Жизнь брала своё, нужно было работать и выполнять немаловажную работу. Мы были первыми, и от нас ждали многого. Работа шла своим чередом, не прекращалась ни на один день.

Вернёмся к событиям нашей жизни.

Встреча 1935 года прошла торжественно и скромно. Вина и водки у нас не было. Заранее договорились и установили сухой закон, поэтому ничего спиртного с собой не привезли. Пили какао, которое сварил Андрюша. Где-то в продуктовых запасах он нашёл пачку «Золотого Ярлыка» и приберёг её для этого случая.

Новый год нас порадовал хорошей погодой. Много выходов на ледник, много походов за продуктами. Большое количество дополнительных наблюдений. Пользуясь ясной и хорошей погодой, веду актинометрические наблюдения. Занимаюсь измерением прямой солнечной радиации, рассеянной радиации и альbedo (отражательной способности) снега. Для измерения прямой солнечной радиации у меня есть, кроме актинометра Михельсона, пиргелиометр Ангстрема, который я привёз из Ленинграда. А для измерения рассеянной радиации и альbedo – пиранометр и альбедометр Янишевского. Прямая радиация очень большая. В марте, когда воздух наиболее прозрачен, мало пыли и водяного пара, её значение, измеренное с помощью пиргелиометра Ангстрема в один из дней в истинный полдень, оказалось равным 1,82 грамм-калория на квадратный сантиметр в минуту. Солнечная постоянная – количество тепла, притекающего к одному квадратному сантиметру, полностью поглощающей поверхности, расположенной перпендикулярно солнечным лучам при полностью прозрачной атмосфере или на её верхней границе в одну минуту. Поток рассеянной радиации

в условиях ясной погоды невелик, а в пасмурную погоду её не измеришь. Приборы залепляет снегом. Пасмурная погода связана с буранами. Внизу в условиях малой мутности атмосферы в широте обсерватории Федченко прямая радиация достигает значений 1,50–1,55 Гкал/(см² · мин). Во время буранов мы ощущаем, насколько велик поток рассеянной радиации, по нашим глазам и быстрому загару наших физиономий при выходах на ледник. Колоссальный ультрафиолетовый поток охватывает со всех сторон.

Альbedo снега, особенно свежевывавшего, пока он не слежался, достигает значений 0,85–0,90, что ослабляет эффект «разогрева» подстилающей поверхности. Исключение составляют камни и скальные выступы, на которые падают солнечные лучи. Их поверхность в полуденные и послеполуденные часы нагревается так сильно, что лежащий на них снег стаивает. Даже при температуре воздуха минус 10–15 градусов на таком камушке можно согреть руки. Освящённая солнцем поверхность камня тёплая, конечно, относительно. Затенённая очень холодная, часто в силу большой теплоёмкости даже холоднее окружающего воздуха.

Организовал повторение работ Германа Фёдоровича Абельса, выполненных в конце прошлого века в Екатеринбурге (Свердловске), по температурной проводимости снежного покрова. Для этого использовал комплект термометров Сергея Ивановича Савинова, их установил на глубинах 5, 10, 15, 20 сантиметров и вытяжные термометры на глубинах 40, 80 и 160 сантиметров в толще сугроба с горизонтальной поверхностью. На поверхности снега лежат: обычный «почвенный» термометр и пара термометров для фиксации экстремальных температур – минимальный и максимальный.

Отсчёты температур ведутся через час в течение нескольких суток. Конечно, в этом принимали участие все мои товарищи. В результате была получена интересная картина распространения температурных колебаний в толще снежного покрова в зависимости от его плотности. Оказалось, что она хорошо укладывается в известные законы Фурье, касающиеся времени запаздывания экстремальных значений температуры с глубиной, их затухания (уменьшение амплитуды суточных колебаний температуры с глубиной), периодов колебаний и глубины распространения. Эксперимент был проведён несколько раз и проведён предельно чисто в снежных толщах различной плотности. Статью по этому вопросу с приложением всех материалов наблюдений и соответствующими графиками (термоизоплетами) я оставил

после зимовки в библиотеке Средне-Азиатского гидрометеорологического института (научно-исследовательского).

Снега на леднике много. Местами к началу таяния, в середине мая, его вертикальная мощность достигала двух-трёх метров. Для измерения его плотности приходится рыть котлован, вдоль одной из стен которого с помощью плотномера забирались пробы.

Интересные процессы происходят внутри снежного покрова. Выпадающий снег ложится лёгким покровом на подстилающую поверхность, его плотность $0,10\text{--}0,15\text{ г/см}^3$. В нём очень много воздуха. По мере того как он слёживается и покрывается новыми слоями выпадающего при буранах снега, он уплотняется. Кристаллы растут, и через некоторое время снег становится крупнозернистым – фирнуется, т. е. превращается в фирн. Плотность его становится около $0,80\text{--}0,85\text{ г/см}^3$. Следующая фаза – фирн превращается в лёд. Но это процесс многолетний.

В верховьях ледника Федченко фирновые поля занимают пространство в несколько сотен квадратных километров. В летнее время приток тепла за счёт солнечной радиации и адвекции тёплого воздуха приводит к уплотнению снега и его фирнованию. Стадия фирна – это стадия крупнозернистого, иногда сыпучего снега, кристаллы которого под влиянием силы тяжести постепенно спаиваются между собой.

Когда измеряешь плотность снега в большой толще сугроба, то проходишь как бы через слоёный пирог, через слои разной плотности и разной структуры. Самый нижний слой, лежащий на поверхности льда, мощностью в 50–70 сантиметров, особенно к весне – это сплошная россыпь крупных кристаллов, иногда сросшихся по плоскостям спаянности. Надо помнить, что вода кристаллизуется в гексагональную структуру. Вообще, вода – это, пожалуй, самый интересный и самый загадочный минерал на свете.

Очень интересный термодинамический процесс происходит в толще снежного покрова: идёт перекачка влаги с мелких кристаллов на крупные. Мелкие кристаллы испаряются, а крупные растут за счёт конденсации водяного пара, испарившегося в мелких. Крупные кристаллы «пожирают» мелкие. Всё дело в том, что насыщающая

упругость водяного пара над поверхностями большой кривизны (малые кристаллы) больше, чем над поверхностями малой кривизны (крупные кристаллы). Поэтому малые кристаллы в равных температурных условиях испаряются, а на крупных происходит конденсация водяного пара.

Зашла речь об испарении и конденсации водяного пара. Это тоже один из объектов нашего исследования.

Для наблюдения этих явлений, их изучения существует целый ряд приборов различной конструкции. Они называются эвапорометрами. Но их недостаток заключается в том, что они вырывают объект исследования из его естественной среды и поэтому истинных значений испарения дать не могут. Работая с ними, получаем величину, которая называется испаряемостью. Она пропорциональна величине испарения, но переводные множители зависят от многих причин и не всегда могут быть получены.

С помощью Петра Ивановича для получения величин, максимально приближённых к истинному значению испарения, мы соорудили установку, которая приблизила нас к наиболее достоверным значениям испарения в условиях ясной и тихой погоды, когда испаряющая поверхность не заносилась и не заметалась снегом со стороны. Установка элементарно проста. Две жестяные ванночки, вставленные одна в другую. Площадь поверхности снега во внутренней ванночке 1 000 квадратных сантиметров, она имеет четыре ушка, за которые она цепляется для взвешивания с помощью безмена от плотномера. Обо всех деталях я не говорю, это не описание прибора, а краткое изложение сути дела. Внутренняя ванночка загружается пластами снега, аккуратно вырезанными из сугроба при минимальном повреждении его структуры. На месте вырезанного пласта ставится наружная ванночка. Мощность пласта снега 10 сантиметров. Торцы жестяных ванночек – доли миллиметра (толщина лужёной жести), устанавливаются ванночки вровень с поверхностью снежного покрова. Влияние солнечной радиации на величину испарения за счёт нагревания лужёных стенок ванночек сведено до минимума. Идея такого испарителя не нова. Весовые испарители применяются в агрометеорологии при определении запасов влаги в почве. Взвешивание ванночек производилось два раза в сутки в 7 и 19 часов, чтобы выяснить, какое же количество снега испаряется в дневное и ночное время. В среднем за сутки в ясную погоду с 1 000 см² испарялось 5–10 граммов влаги. Тогда, когда от-

носительная влажность воздуха, измеряемая на высоте двух метров, невысокая – испарение больше этих значений. Соответственно, при высокой влажности испарение мало. Можно сказать, ну что за величины, но если учесть площади, покрытые снегом, с которых происходит испарение, то получим величины, имеющие значение в общем балансе влаги на ледниках и снежниках Западного Памира.

Вот, увлёкся чисто техническими вопросами, а о нашей жизни и уникальных явлениях, которые пришлось наблюдать, не пишу. Надо вернуться к начатому рассказу.

Бураны, бураны... Они стали настолько привычными, что не вызывают особых эмоций. Даже на ледник стали спускаться для производства работ во время буранов. Нас интересовало накопление снегозапасов за каждую неделю, и когда бураны стали привычным явлением, и мы хорошо освоились с окружающей нас местностью, спускаться на ледник на лыжах и пройти вдоль створов реек, произвести отсчёты снежного покрова было нетрудно. Труднее было брать пробы плотности снега. Буран заносил котлован, в котором приходилось работать.

К поперечному створу мы проложили новую дорогу. Спуск на ледник и подъём обратно проходил по довольно крутому скалистому уступу. Лыжи вниз и вверх тащили на себе, на плечах, одевая их только после спуска на ледник или подъёма на наш ригель. Это сократило время пребывания на леднике на добрый час или полтора, которые ранее затрачивались на обход большого участка, покрытого сетью трещин, припорошённых снегом.

Однажды, когда я один ходил на ледник, к «Чёртову гробу», за сахаром, при внезапно налетевшем буране, когда уже не стало сил и возможности продвигаться против ветра и снегопада, я залёг на центральной морене с наветренной стороны довольно крупного камушка и пролежал в спальном мешке почти двое суток, питаюсь сахаром, который тащил в рюкзаке, и отсыпаясь.

Всегда при выходе на ледник во время буранов, или когда кто-либо из нас шёл один в дальний поход, за спиной был спальный мешок на тот случай, если собьёшься с пути или будет неволею преодолеть напор встречного ветра.

Закончился один из буранов, когда скорость ветра превышала пятьдесят метров в секунду. Насколько больше, сказать не могу, т. к. измерить её с помощью ручного анемометра не представлялось возможным. Ветер валил с ног, и простоять сто секунд с вытянутой вверх рукой с анемометром из нас никто не мог.

На столе в рабочем помещении стоял вольтметр-измеритель, градуированный в единицах скорости ветра, подключённый к индукционному датчику – анемометру, установленному над крышей нашего дома на высоте 10 метров от его основания. Как у всякого электроизмерительного прибора, по обе стороны шкалы были упоры для стрелки, ограничивающей её размах, чтобы она не выскочила за пределы допустимого размаха (поворота рамки измерительного механизма прибора). Так вот, во время этого бурана стрелка измерителя доходила до упора со стороны максимальных значений и застывала как вкопанная. Шкала была проградуирована до 50 метров в секунду. Надо помнить, что чем сильнее ветер, тем больше его порывистость. Так, при средней скорости в 25 м/сек порывы ветра наблюдаются в пределах 10–40 м/сек, стрелка прибора всё время колеблется в этих пределах. Так какой же должна быть скорость ветра, если стрелка прибора застывала на отметке выше 50 м/сек и так держалась в течение нескольких секунд?

Сильный ветер, проносящиеся в воздухе ледяные кристаллы, ломка этих кристаллов и их взаимное трение привели к сильной электризации, появлению больших объёмных зарядов и вызвали перенапряжение электрического поля атмосферы. Вертикальный градиент потенциала достигал, очевидно, нескольких сотен тысяч вольт на метр. Такие перенапряжения электрического поля атмосферы (заметим, что в «нормальный» день на равнине величина вертикального градиента потенциала электрического поля в атмосфере около 100–180 вольт на метр), наблюдается при ураганных скоростях ветра в океанах. Там срабатывает эффект Ленарда – ионизация при разбрызгивании воды, за счёт чего создаются большие объёмные заряды, и возникает перенапряжение электрического поля. Такая обстановка приводит к возникновению чрезвычайно красивого явления – появлению огней святого Эльма. Вот это и наблюдали мы.

С каждого острия происходит истечение электрических зарядов, что при сильнейшей ионизации приводит к свечению воздуха. Стоит поднять руку с растопыренными пальцами, как на каждом из них появляются светящиеся «комочки» воздуха. Светятся брови, на кончике носа «горит» огонёк. Светятся концы волос на меховой шапке — на каждой волосинке светится маленький огонёк, тысячи звёздочек. Светятся все острия. Мачты антенны стоят как свечи, а сама антенна серебряной ниткой висит в воздухе. Светятся все выступающие части флюгера, углы на крышах метеорологических будок... Истечение зарядов происходит совершенно бесшумно.

Картина феерическая. Смотрим друг на друга и смеёмся. Впечатление, что рассматриваешь негатив фотографии, когда всё тёмное представляется светлым (брови, контур головы и т. д.) и, повторяюсь, никакого потрескивания или шелеста, как бывает при электрических разрядах, не слышно. Происходит тихое истечение зарядов в воздух или, наоборот, заряды стекают из атмосферы в землю. Это зависит от знака вертикального градиента потенциала электрического поля атмосферы. Неоновая лампа, поднесённая к антенному вводу, горит ярким светом.

На следующий день в адрес Главной геофизической обсерватории в Ленинград на имя Павла Николаевича Тверского ушла в Ташкент радиogramма, далее отправленная почтой, с подробным описанием явления. Это моё письмо-радиogramма было опубликовано под заголовком «Огни святого Эльма на леднике Федченко» в пятом номере журнала «Климат и погода» за 1935 год. Я ещё был на зимовке, а публикацию уже читали. Сам я её прочёл только в октябре 1935 года, когда после зимовки приехал в Ленинград.¹

Дни проходят за днями. Работы много, скучать некогда. Вот только надзор за Леонидом Ивановичем заставляет нас всех держаться настороженно. У него бывают моменты просветления, когда он совершенно разумен и даже выходит к теодолиту для производства наблюдений за скоростью движения ледника. Я уже писал, что теодолит установлен на треноге вблизи здания обсерватории, над створом. Только раз в 10–15 дней с него снимается брезентовый чехол, проверяется ориентировка и производится измерение углового смещения всех реек от линии створа, ранее установленных нами. Зная расстояние до рейки и её угловое смещение, получить её отход от линии створа в линейных единицах дело нехитрое.

¹ см. тж.: Андреев, И. Брови светились, а на кончике носа «горел» огонёк / подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. — 1998. — 3 февр. (№ 16). — С. 5.

Пользуясь тем, что на повороте ледника Федченко, находящемся выше нас по его течению, всё занесено снегом, мы с Жаном совершили туда поход. Целью было дойти до астрознака Беляева и посмотреть, в каком он состоянии. Там, на повороте ледника, когда мы прибыли сюда, в ясную погоду были видны нагромождения льда в виде торосов и колоссальные трещины. Сейчас, в середине февраля, всё покрыто двух- трёхметровым слоем снега, и издали всё кажется сглаженным. Однако поход нелёгкий. Подъём вверх круче, чем в нижней части ледника. Идём медленно. То, что издали выглядело ровным полем, на деле оказалось волнообразной поверхностью. Трещины покрыты снегом, провисшим над особо широкими. Провисает снег на два-три метра, образуя волнистую поверхность. Приходится очень осторожно выбирать путь, чтобы не ступить на особо подозрительный мостик через такую трещину. Наш лыжный след оказывается зигзагообразным. Путь удлиняется. К середине дня мы вышли в створ ледника Витковского, который довольно круто в устьевой части падает в ледник Федченко.

В устье ледника Витковского нагромождения льда, трещины и высокие ступени ледопада, по которым надо подниматься на его относительно ровную, занесённую снегом поверхность, видневшуюся вдаль. Визуально оцениваем протяжённость ледника до его фирновой мульды – района снегосбора – километров в двадцать. Ледник уходит на север, т. е. течёт навстречу нижней части ледника Федченко, а здесь, на повороте последнего, он впадает перпендикулярно его течению.

Велик соблазн подняться на его поверхность. Велик соблазн двигаться дальше по леднику Федченко. Но времени уже много, надо возвращаться назад. Мы обещали Аркадию Васильевичу, что ночевать на леднике не будем, иначе у Жана сорвутся два сеанса связи с Ташкентом.

Поворачиваем назад. Идём по своим следам, теперь уже не прощупывая каждый метр пути палками на предмет определения прочности и толщины снежных мостов через трещины. Идя вниз, их проскакиваешь быстрее, и вероятность обрушивания мостика значительно меньше, чем при медленном перемещении. Проскакиваем их с ходу, не снижая скорости скольжения.

Путь обратно проходим быстрее, чем шли вперёд. Вверх по леднику мы шли с восьми часов до пятнадцати, а домой – до девятнадцати. Удалялись от обсерватории на 15–18 километров, не более. Я пишу это для того, чтобы у читающего создалось впечатление, насколько труднее передвигаться на этих высотах, чем внизу, да ещё дорогу надо нащупывать и прокладывать лыжню. Сказывается и недостаток кислорода, и это несмотря на то, что мы уже адаптировались к местным условиям и уже не испытываем того состояния, которое киргизы называют «тутек» – горная болезнь. Никто из нас этой болезни на себе не испытал в полной мере. Сказалось медленное продвижение сюда из Ташкента и Оша с остановками и работами.

Надо всё-таки рассказать, как мы были одеты. Во-первых, у каждого из нас был полушубок – то, что сейчас называют громким словом «дублёнка» и что стоит очень дорого. У Аркадия Васильевича – чёрный стёганный. У меня такой же, но белый. Такие полушубки раньше назывались поддёвкой. Только наши не были крыты сукном, а были нагольные. Такой термин был на Руси издревле. Раньше, в годы Гражданской войны, такие полушубки были у красноармейцев-кавалеристов. Прямые полушубки, доходившие до колен, были и у всех остальных. На голову каждый имел лыжный шерстяной шлем. Шапок меховых не завезли, а те, что были поношенные, увезли строители. У меня и Жана свои шапки. В полушубках мы ходили только вблизи обсерватории. Для выходов на ледник они были тяжеловаты.

У каждого из нас был лёгкий штормовой костюм из тонкого полубрезента: брюки на поясе-резинке и куртка с поясом, также на резинке. У куртки пришитый капюшон, завязывающийся на шее тесёмочками. Меховые рукавицы и шерстяные перчатки. Обувь у всех разная. Кому-то подошли валенки, у меня шеклтоны, а кто просто в ботинках. Ботинки были у всех нас. Были и ботинки с триконами, т. е. с шипами для хождения по льду. Всё уже поношенное за годы, пока строили обсерваторию, этим пользовались строители. Бельё и верхняя одежда своя, что привезли и в чём приехали. На Севере во время 2 МПГ нас одевали лучше.

Стиркой каждый занимался сам, два-три раза за время зимовки. Сказывался дефицит воды. Надо было растапливать снег, а на это

нужны были дрова... А вот сушить бельё я научил всех по-лопарски. Сырое бельё расстилается на снегу и засыпается снегом. Через два часа вынимаешь его из-под снега холодным, сухим и очень мягким. Так сушить бельё я научился на Кольском полуострове у лопарей. Между прочим, северные собаки – ездовые лайки – поступают таким образом. Если собака попадает в воду, то, выбравшись на берег, стряхнувшись, зарывается в снег, и через некоторое время она уже сухая. Шерсть у северных собак густая, хороший подшёрсток, и они, даже проплавав минут десять, не промокают до кожи.

Надо помнить, что сухой снег обладает высокой гигроскопичностью, а отсюда эффект сушки. Конечно, весной, когда идёт процесс таяния, когда снег пропитан водой, такой метод сушки неприменим.

На одном из утёсов на высоте 5 600 метров в хребте Академии Наук, находящемся вблизи обсерватории, летом 1933 года альпинисты группы Гетье (был такой известный альпинист в тридцатых годах, Александр Фёдорович Гетье) установили автоматическую метеорологическую станцию. Разработкой станций занимался директор Института аэрологии ГГО, создатель первого в мире радиозонда, профессор Павел Александрович Молчанов. Одну станцию альпинисты привезли на Памир, и она была установлена вблизи обсерватории. По прямой до неё километра четыре-пять, перепад высот – 1 400 метров. Обсерватория на высоте 4 220 метров, станция-автомат на высоте 5 600 метров. Станция молчала с первого дня установки. И опять мы с Жаном решили подняться к ней и проверить её на месте установки.

Выбрав подходящий день, когда нам не угрожал внезапный буран, легко одевшись, вооружившись ледорубами, надев ботинки с трико-нями и прихватив с собой на всякий случай рюкзаки, отправились в поход на штурм утёса. Мы знали, что альпинисты, владевшие техникой восхождений, ходят в такие походы в связке – на верёвочке. У нас подходящей верёвки не было, да и молодость вела нас на этот утёс. К слову сказать, мы в те годы делили всех людей, бывающих в горах, на две категории: альпинистов и высокогорников. Думаю, пояснения не нужны.

Форсировав по осыпям скалистую стену, прикрывающую обсерваторию с запада, мы попали на довольно пологий склон, свободный от снега. Снег отсюда сдувает ветром. Затем быстро подошли к подножию утёса, выступающего вперёд узкой и очень крутой стеной, с северной стороны. Южная сторона утёса вертикально обрывается в сторону пика Комакадемии, к леднику № 8, стекающему от основания этого пика.

Стена, по которой нам предстоит подняться, покрыта льдом, а в верхней части снегом, нависающим в нашу сторону небольшим козырьком. На самом мысе утёса стоит на треноге, блестя алюминиевым корпусом, автоматическая станция. Снизу видно, как быстро крутится пропеллер, приводящий во вращение генератор, питающий станцию.

Привязав к ботинкам «кошки» и врубаясь ледорубами в лёд, ползём вверх. Я – впереди, Жан на несколько метров позади, за мною. Тяжело, от взмахов ледорубов дышится трудно, быстро устаёшь. Отдыхая через каждые пятьдесят метров, добираемся до снежного козырька. Он нависает над головой, выступая вперёд уступом около метра. Пробиваю его ледорубом. Сам засыпан снегом, и на Жана, идущего следом, сыплется снег. Но вот проход пробит, и мы оказываемся на узкой полоске верхней части утёса. Ширина вершины около полуметра, хорошо ещё, что не остриё, как у ножа.

Вид в сторону пика Комакадемии захватывает дух. отвесная стена утёса падает к леднику № 8. Овальная чаша ледника, покрытого снегом, ниже нас на полторы тысячи метров. Смотришь вниз, и кружится голова, и сосёт под ложечкой. Кажется, что я никогда не боялся высоты, а тут встать на ноги не могу. Впечатление, что вот сейчас сорвусь вниз и полечу. Впечатление усиливается отрывающимися от вершины пика Комакадемии высококучевыми дирижаблеподобными облаками, которые кажутся движущимися в нашу сторону. У Жана голова крепче моей. Он встаёт на ноги и делает несколько шагов на край утёса и добирается до станции.

Станция установлена на геодезической треноге, укреплённой камнями. Пропеллер станции бешено крутится под напором свеженького ветра, антенна в виде прута наклонена ветром и вибрирует под его напором. Видимых поломок нет. Вскрывать кожух станции и искать неисправности в «начинке» здесь бессмысленно. Решаем снять станцию и, если удастся, отремонтировать её дома.

Сижу на гребне утёса, смотрю на склон, по которому мы поднялись сюда, он кажется намного круче, чем снизу. Тянет вниз, кружится от высоты голова. А за спиной высится громада пика Комакадемии, его две вершины высотой более семи тысяч метров, с висящими на них глыбами льда и накрытые шапкой дирижаблеподобных облаков, находящихся на добрую сотню метров выше его вершин. Это, пожалуй, не высококучевые, а, скорее, перисто-кучевые облака, ведь они наверняка состоят из ледяных кристаллов, их структура волокнистая. Всё это потрясает своей первобытной мощью и суровостью. Веками веет от этих громад. Ну вот, заговорил как Наполеон.

Тем временем Жан снял пропеллер и передаёт его мне, затем снимает с треноги станцию и тоже отдаёт мне. Сняв треногу, возвращается и садится рядом. Жан отдыхает. Фотографирую обсерваторию с этой высоты. Какой она маленькой кажется отсюда.

Жан оглядывается вокруг. До этого он был занят демонтажом станции и не обращал внимания на окружающий нас мир. Вижу, как, взглянув на ледник № 8, он бледнеет. Хорошо, что он раньше не сделал этого, иначе не пошёл бы на край утёса, к месту установки станции, хотя туда несколько шагов. Я их сделать не смог.

Теперь надо думать, как спуститься вниз. Это тоже задача не из простых. Крутой склон утёса, по которому мы поднялись сюда в запале азарта, сверху кажется почти отвесным. На самом деле его крутизна градусов 60–65, но при взгляде вниз он кажется намного круче. Но спускаться надо. Я уже писал, что часто спускаться труднее, чем подниматься. Вот это мы испытали на этом склоне. Примерно одну треть пути в наиболее крутом месте ползём, пятясь задом, крепко упираясь кошками в лёд и медленно переставляя ноги. Когда крутизна несколько убавилась, поворачиваемся лицом вперёд и, следуя совету Маяковского, забрав под мышки ледорубы, тормозя ими, скатываемся на собственных ягодицах¹. Хорошо, что склон блестит, как стеклянный, и на нём нет трещин. Летим вниз, ветер свистит в уши, и только нажимая всем своим весом на ледоруб, удаётся не терять контроль за движением.

В конце склона нас выносит на грунтовую площадку, крупнозернистый песок и галька моментально останавливают наше скольжение. Смотрим друг на друга и хохочем. Дело сделано. Далее путь намного проще, хотя и придётся спускаться по довольно крутой стенке.

¹ «Можно убедиться, что земля поката, – сядь на собственные ягодицы и катись!» Источ.: Стихотворение «Юбилейное» (1924 г.) поэта Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930).

Но по такой скалистой стенке мы часто ходим на ледник с нашего ригеля. Долой кошки и бодрым шагом вниз.

Жан потом долго возился с этой автоматической станцией. Она стояла на треноге возле метеорологической площадки. Не подавал питания генератор, не горела лампа передатчика. Проверка показала, что перегорела нить накала. Радиолампы были тогда с прямым подогревом, а запасной нужного типа у нас не было. Лампа типа «микро» не годилась, других не было. Очевидно, при ураганных ветрах генератор перегорел, а ещё раньше на катод лампы подавалось напряжение более четырёх вольт. До конца нашей зимовки эта автоматическая станция, одна из первых в СССР, простояла у нас на площадке как памятник.

У читающего может возникнуть вопрос: почему я всё время совершаю походы с Жаном? А другие?

Конечно, для работ на ледник выходили и остальные, но это были обычные, плановые работы. Обходы снегомерной сети, заборы проб для определения плотности снега. Мы же с Жаном были самыми молодými, нам нравилось отходить от обсерватории, посмотреть что-то новое. Андрюшу тянуло в поход с нами, но его кухонные обязанности не позволяли ему удаляться на большие расстояния. Леонид Иванович автоматически исключался из таких эскапад. За ним нужен был глаз да глаз. Взять его с собой в такой поход на много часов было страшно, да он и не выражал желания. В светлые минуты просветления он в сопровождении Петра Ивановича и Аркадия Васильевича выходил к теодолиту для замеров углового смещения реек, установленных на леднике. В периоды помрачнения бормотал что-то об измене супруги, переходил к командам своим подчинённым на тихоокеанском атолле. Тяжело было с ним.

Аркадий Васильевич тоже ходил в походы. Об одном из них будет рассказ ниже. Пётр Иванович до дальних походов был не охоч.

Ещё об одном путешествии, совместном с Жаном, хочется рассказать.

Однажды утром в начале марта просыпаемся при ярком солнечном свете. Вчера был буран. Вся площадка покрыта свежавыпавшим снегом. Ледник ослепительно белой рекой простирается вверх и вниз от нашего ригеля. Но что это? Вся метеорологическая площадка истоптана чьими-то следами. Каждая будка обойдена несколько раз. Следы подходили к зданию обсерватории, огибали его, затем цепочка уходила на ледник № 8, перескакивала через невысокое скалистое препятствие, занесённое снегом, и вела за перевал Кашалаяк. При взгляде вниз по леднику цепочка следов тянулась, насколько можно было разглядеть в бинокль, от Баляндкиика. След в свежавыпавшем снегу был около 35–40 сантиметров, шириной порядка 15 сантиметров, но снег был рыхлый, и следы были смазаны. Пять пальцев, большой палец оттопырен в сторону. Кто прошёл? Этот вопрос у всех на уме. Решили, что это медведь. Проснулся где-нибудь в долине Муксу или Баляндкиика и пробирается в долину Ванча, где сейчас теплее и можно чем-нибудь подкрепиться. Другого тогда в голову не приходило. Нам нужно было мясо, поэтому ни о чём, кроме медведя, думать мы не могли.

Захватив винтовки, мы с Жаном отправились в путь в сторону Кашалаяка. Сколько времени прошло с момента, когда зверь, автор следов, прошёл через нашу площадку, можно только предполагать. В час ночи во время наблюдений бушевал буран. В семь часов утра – ясная погода. Наверное, зверь имеет фору часа два-три. Есть надежда, что мы, идущие на лыжах и не вязнущие в глубоком снегу, нагоним его. Но снег глубокий и очень рыхлый, нам тоже нелегко шагать, тем более что идём вверх. Правда, по не очень крутому склону.

Перевал Кашалаяк лежит между массивом пика Комакадемии и группой гор «Шпоры». Ширина перевальной седловины около четырёх километров. Высота перевальной точки 4300–4400 метров. Идём по следам и добираемся до верхней точки перевала. Метров пятьдесят пологого спуска, далее – крутой ледопад в сторону ледника Географического Общества. Подходим к верхнему краю ледопада. Гигантские ступени, покрытые снегом, громадные трещины. Снег

провисает над ними. Следы ведут вниз. Преследуемого зверя между нагромождениями льда не видно. Решаем идти дальше.

Внизу, в нескольких сотнях метров, видно основное тело ледника Географического Общества, который даёт начало реке Ванч. Спускаемся осторожно, ступая след в след, по звериной тропе. Через некоторые трещины зверь переходит смело, мы идём за ним. У некоторых трещин он топчется, обходит стороной подозрительные места и перебирается через трещину. Мы за ним. По мере спуска перевальной линии нам уже не видно. Позади, после каждой ледяной ступени, стена льда, обрывающаяся эту ступень, высотой более десяти – пятнадцати метров.

В шестидесятых – семидесятых годах этот район прославился деятельностью ледника Медвежий. Ледник расположен чуть ниже языка ледника Географического Общества. Так вот, этот ледник, выползая из своего ущелья, перегораживал один из притоков Ванча. В период таяния образовывалось огромное озеро, подпёртое ледяной плотиной. При прорыве плотины это грозило большущей паводковой волной по рекам, текущим ниже. Положение создавалось весьма опасное, и этим вопросом занимались на правительственном уровне с целью локализовать угрозу затопления кишлаков, расположенных внизу по течению Ванча.

Спускались мы по леднику до 14 часов. Зверя не увидели, а ушли от обсерватории на довольно приличное расстояние, особенно по вертикали. Спальных мешков с собой не взяли. Надо возвращаться.

Повернув обратно, долго выбираемся вверх по гигантским ступеням ледопада, пока не выходим на верхнюю точку перевала. Уже темнеет. Решаем оторваться от старого своего следа и не ходить на ледник № 8. В темноте легко потерять след, а на леднике № 8, у ледопада, в сторону ледника Федченко масса трещин, прикрытых снегом.

По пологому склону с Кашалаяка скатываемся на ледник Федченко, выходим на линию поперечного створа и привычной дорогой поднимаемся на свой ригель.

Спуск с Кашалаяка в сторону ледника Федченко доставил одно удовольствие. Пятнадцатиградусный склон, по которому лыжи скользят, как будто их смазали. Никаких поворотов, только подтормаживай, чтобы не разнесло очень быстро. Дома Андрюша кормит нас горячим супом, правда, немного жидковатым. На вопрос, не налил ли он в суп воды, Андрюша отвечает, что она кипячёная. Общий смех. Рассказываем о своём походе. Время 22 часа 30 минут. Ночь. Вот так-то уходить далеко от обсерватории.

Значительно позднее, в конце пятидесятих годов, когда доцент географического факультета Ленинградского университета Александр Георгиевич Пронин взбудоражил учёный мир сообщением, что он видел снежного человека в ущелье Баляндкиика¹, я подумал, что зверь, по следам которого мы с Жаном шли в марте 1935 года, ни разу не встал на четыре лапы! На всём пути, по которому мы шли за ним, на ригеле, где им была вытоптана большая площадь, у трещин на леднике, когда он выбирал путь, он шёл на двух ногах!

Кто знает, кто знает...

На следующий день при обходе снегомерных реек в том месте, где пересеклись следы зверя со створом, мы обнаружили сломанную рейку. Зверь в темноте наткнулся на неё и по-своему с ней расправился.

Кто же это был? Во время зимовки мы считали, что это медведь. Сомнения пришли много позже. Кто знает? Все мы были знакомы с рассказами о снежном человеке в горах Непала и Тибета, но переносить возможность встречи с ним сюда, в область Великого Памирского оледенения, на Крышу Мира, мы и не думали.²

Проследивая путь этого животного от Баляндкиика до нашей обсерватории, я пришёл к выводу, что путь каравана через языковую морену можно значительно сократить, если на ледник подниматься не от Малого Танымаса, а с правой стороны долины Сельдары у ригеля, перегораживающего язык ледника Федченко. Так шло это животное. Тогда сложный путь по языковой морене сократится в несколько раз. Сразу у подножия этого ригеля хорошо видна ровная полоска белой поверхности ледника, обрамлённая узкой грядой береговой морены.

Поделился своими мыслями с Аркадием Васильевичем, решили летом перед приходом каравана проверить эту догадку и пройти таким путём. Ригель, древний порог, преграждающий течение ледника справа, коричневой глыбой поднимается над поверхностью ледника метров на двести. С него, наверное, хорошо просматриваются левый

¹ см.: Был ли это «снежный человек»? // Известия. – 1958. – 18 янв. (№ 15). – С. 4.

² см. тж.: Андреев, И. Медвежья погоня, или Автор следов остался загадкой / подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1998. – 12 марта. (№ 37). – С. 6.

мощный приток ледника Федченко, ледник Бивачный и пик Сталина (ныне пик Коммунизма).

Время бежит, и вот уже 1 Мая. Получили телеграмму из Алтын-Мазара, что к нам собирается начальник каравана Тулупов и выючник Султан. Они с несколькими лошадьми пришли в Алтын-Мазар, чтобы снять с Федченко Леонида Ивановича. Внизу уже началось таяние, до «Чёртова гроба» снег с поверхности ледника уже стаял, лошади туда могут дойти. Ну а к нам – пешком.

Через неделю прощаемся с Леонидом Ивановичем. Остаёмся впятером, сразу стало спокойнее. Можно расслабиться и не ожидать каждую минуту какого-либо «подарка» от нашего «папуасского короля».

Ещё через несколько дней в Алтын-Мазар пришла основная часть каравана и остальные выючники. Мы с Аркадием Васильевичем решаем сходить туда. Там есть почта, посылочки.

По радио заказываем встречу у языка ледника, а сами налегке, с рюкзаками, спальными мешками и одной винтовкой, отправляемся вниз, нацелившись на ригель, о котором я писал. Действительно, от «Чёртова гроба» и ниже по леднику снега уже нет. Днём по льду бегут ручейки. Скоро начнётся таяние и в среднем течении ледника, в районе обсерватории, тогда на его поверхности зашумят реки. В середине дня добрались до Сельдары. Спустились с ледника у ригеля, около истоков реки. Над ледяным гротом, из которого она вытекает, прошли поверху, по льду. Лошади ждали нас у Малого Танымаса. К вечеру мы были в Алтын-Мазаре.

Здесь тепло. Зима закончилась. Конечно, будут ещё снегопады, но этот снег быстро стает. Переправы через реки были простыми, до летнего паводка ещё далеко.

Получили почту, читаем письма. Радует весточкам снизу. Я получил письмо от матери, датированное концом октября. Аркадий Васильевич – свежие. Свежие письма и для остальных ташкентских жителей, их родственники знали, когда примерно пойдёт караван для работы в этом районе.

Аркадий Васильевич вручает одному из выючников винтовку для охоты на кииков. Условие такое: вот тебе шесть патронов, три козла нам, три тебе. Киргиз уходит в ночь на скалы.

Утром, пока мы ещё спали, выючники доставили в Алтын-Мазар четырёх козлов. Делим поровну. Два нам, два ребятам. Винтовка и два патрона возвращены нам. Больше подстрелить не удалось. Козлы освежёваны, мясо уложено в рюкзаки. Мы отправляемся домой, до ледника верхом, а дальше пешком.

Показали Тулупову новую дорогу, поднявшись верхом до чистой полоски льда. На лошадях прошли языковую морену за полчаса. В дальнейшем караван всё лето ходил этой дорогой.

Аркадий Васильевич решил подняться на ригель, а я с двумя парнишками-киргизами обхожу его у подножия. Они несут мясо, без которого мы уже начали скучать, консервы надоели. У нас тоже груз за плечами – посылочки товарищам от родных.

Ночевать решили на поверхности ледника, у нашего «невостребованного» груза, там, где лежит промёрзший картофель. Сахар мы уже почти весь перетаскали на себе на обсерваторию. Наши спальные мешки при спуске мы оставили тут. В «Чёртов гроб» заходить незачем. Яма ещё забита снегом, он ещё не растаял. К месту нашей ночёвки можно было бы подняться на лошадях, но им ночевать негде. На льду за ночь лошади застудят ноги, да и корма для них тут нет. Поэтому мы от языка ледника идём пешком, отпустив Тулупова и его выючников обратно в Алтын-Мазар.

Забравшись в спальные мешки, под прикрытием стенки из ящиков с картофелем, смёрзшимся в каждом ящике в монолитный блок, пытаемся заснуть. Наши носильщики-киргизы в своих ватных халатах спать собрались, завернувшись в брезент. Посвистывает ветер, метёт позёмка. Нам в мешках тепло.

Утром просыпаемся, занесённые снегом. Ветер изрядный. Наши носильщиков нет. Очевидно, суеверный страх перед ледником, начавшийся буран заставили их, захватив по пачке сахара, удрать от нас домой. Если бы дошли с нами, то, конечно, получили бы больше. Мы их согрели бы и накормили так, как они дома не едят.

Надо сказать, что ледник Федченко у местных киргизов вызывает даже не страх, а суеверный ужас. «Музтаг, джюда яман» – ледяная гора, очень плохо. Такую фразу мы часто слышали и в Алтын-Мазаре, и в Дараут-Кургане от местных жителей. Какие предания связаны с ледником, чем вызвано это неприятие его, не знаю.

Уговорить ребят отправиться с нами на ледник было трудно. Несмотря на то, что уже несколько лет караваны с грузом идут на ледник и через Алтын-Мазар. Только посулы хорошо отблагодарить заставили двух парней отправиться с нами. Но и они не выдержали ночёвки на поверхности «Ледяной горы». Сказать, что они замёрзли, я не могу. Ребята привыкли ночевать зимой на пастбищах и на охоте в условиях буранов и снегопадов на уступах гор. А вот суеверный страх перед ледником, передаваемый из поколения в поколение, по-

жалуй, да. Что интересно. За сотни лет существования кишлака Алтын-Мазар никто из его жителей не поднимался на ледник и не проходил по нему в долины Южного Таджикистана. А это кратчайший путь туда, хотя и нелёгкий.

Надо двигаться. Впереди около двадцати километров пути против ветра и снегопада, без завтрака. Правда, это уже не зимний буран, но всё же передвигаться трудно. Температура воздуха немного ниже нуля, нам жарко. Идём, отдыхаем, опять идём, опять отдыхаем. К двадцати часам добираемся до обсерватории. Нас радостно встречают. Каждому мы принесли весточку из дома.

Андрюша готовит из принесённого нами мяса плов. Правда, козлы по-весеннему нежирные, но хлопковое масло сделает плов настоящим, а сушёная морковка и урюк украсят его вкусовые качества.

Близится лето. Днём на камнях площадки быстро тает лёд, на леднике снег уплотняется и оседает. Его плотность стала 0,70–0,80. Высота снежного покрова на леднике от двух с половиной до полутора метра. Максимум достигнут, последующие снегопады высоту снежного покрова уже не увеличат. По утрам поверхность снега покрывается ледяной корочкой – настом, который днём разрушается, обтаивает.

Пора вплотную заняться вопросами абляции – убыли снегового покрова и льда с поверхности ледника. Испарение, таяние – вот вопросы, которые встали в повестку наших работ, ну и, конечно, всё, что способствует этим процессам.

За зиму мы вместе с Аркадием Васильевичем продумали конструкцию прибора, который будет регистрировать скорость таяния снега и льда. Пётр Иванович выполнил этот прибор в натуре. Настало время испытывать его в действии.

Самописец прост по конструкции. За основу взят обычный метеорологический самописец с суточным оборотом барабана. От него взята пишущая часть, стрелка которой своим коротким концом опирается на улитку, соединённую с лёгким колесом-барабаном, по его образующей намотана нить, спускающаяся через направляющее отверстие вниз, к тающей поверхности. На свободном конце

нити закреплён лёгкий диск из двух слоёв тонкого алюминия, между ними проложена теплоизолирующая прокладка из войлока. Прорези в диске подбираются экспериментально. Для поверхности льда это удалось сделать быстро. После двух-трёх проб были найдены оптимальные размеры диска и его вес так, чтобы он следовал за тающей поверхностью, не углубляясь в неё под действием солнечной радиации, и не оставался на ледяной ножке при таянии льда, находясь всё время на одном уровне с тающей поверхностью. Масштаб записи 1:1, т. е. одному миллиметру в натуре соответствовал один миллиметр в записи. Запись начиналась сверху барабана, на который была навёрнута лента из миллиметровой бумаги. Через каждые 100 миллиметров стрелка записывающего устройства подскакивала к верху барабана, и запись начиналась сначала. Отметки времени на ленте, сделанные при её установке и при её снятии, позволяли разбить всю длину ленты на временные интервалы.

Результаты обработки этих записей были очень интересны. Их опубликовал Аркадий Васильевич в одном из журналов, издававшихся в Ташкенте, в 1935 году. У меня были эти публикации, но, как и все мои дневники и записи, они погибли во время блокады Ленинграда. К сожалению, всё, что я сейчас пишу, приходится восстанавливать в памяти. От тех времён у меня осталось лишь несколько фотографий, вырванных из альбома, которые я нашёл на полу нашей комнаты, когда после снятия блокады Ленинграда я вошёл в неё. Вся наша мебель и все книги были сожжены теми, кто жил в нашей комнате во время блокады. Винить их нельзя.

Пришло лето, если его можно так назвать. Средняя суточная температура воздуха остаётся ниже нуля градусов, но днём солнце греет очень сильно. Наша метеорологическая площадка оголилась от снега. Рядом со зданием обсерватории, в ложинке, цветут полянки эдельвейсов, этих скромных цветов высокогорья. Стелющийся ствол цветка опушён волосиками, на его конце несколько лепестков белого с желтоватым оттенком цветочка диаметром около полутора сантиметров. Издали такая полянка кажется присыпанной снегом. А снег иногда выпадает, но это быстро проходящие заряды в виде мелкой снежной крупы, это не зимние мелкие, иногда еле заметные ледяные кристаллы.

За перевалом Кашалаяк почти постоянно стоит фёновая стена облаков, которую зимой мы наблюдали редко. Сейчас облачные глыбы клубятся над перевалом. Их вершины на несколько сотен метров

поднимаются выше него. Над ледником Федченко ясное небо. Голубое-голубое. Заснеженные вершины гор сверкают в лучах солнца. Граница таяния снега на поверхности ледника – снеговая линия – с каждым днём поднимается всё выше и выше. К концу нашей зимовки, к концу августа, она располагалась на высоте 4300–4400 метров. По склонам каменных громад, где задерживался снег, она поднялась ещё выше. Громадные трещины на повороте ледника, по которым мы с Жаном проходили зимой по снежным мостам, оголились, и при взгляде на них в бинокль поневоле думаешь, как это мы могли там пройти, не подозревая об их размерах.

У нас появилось новое развлечение. При выходах на ледник мы играли на «ксилофоне». По краям ледниковых трещин в результате дневного таяния и сбегания воды нарастает бахрома сосулек. Собиёшь такую сосульку палкой, и она с мелодичным звоном летит в глубь трещины, задевая за её стенки, которые, выклиниваясь, уходят далеко вниз, теряясь в темноте. Мощность пласта льда здесь, в среднем течении ледника, нами оценивалась в пятьдесят-шестьдесят метров. Это по косвенным расчётам. Значительно позже в печати проскользнули сведения, что вертикальная мощность ледника Федченко в этом районе достигает тысячи метров.

Встав с двух сторон ледниковой трещины, сбиваем сосульки палками. Сосульки разной толщины и длины, и, соответственно, звуки, которые мы слышим при их падении вниз, в глубину ледяной пропасти, различны по тональности. Подобрать какую-либо мелодию при игре на таком «инструменте» невозможно, но игра есть игра, забава есть забава. Развлекаемся, и нам весело.

В конце июня к нам раз в неделю стал приходить караван в 20–25 лошадей. Началась заброска дров для следующей зимовки и, конечно, для нас. Впервые протопили все печи, подсушили помещение и всласть намылись в бане. Наслаждаемся теплом. Можно спать под

лёгким одеялом, а не в спальном мешке. Сброшены с себя «лишние» одежды.

На спине у лошади и по бокам седла грузится шесть брёвен примерно полуметровой длины. Их потом надо пилить на поленья нужного размера и колоть. Когда груз сброшен, Андрюша кормит вьючников обедом, поит чаем, и они отправляются на ночёвку в «Чёртов гроб». Пока они обедают, кони бродят в лощинке, тоже отдыхают. После заброски дров караван несколько раз сходит в Кызыл-Кия, что в Ферганской долине, откуда будут завозить на ледник продукты для следующей смены зимовщиков в Алтын-Мазаре.

Писать грустно, но совершенно неожиданно мы разбогатели мясом. Как говорят, из песни слов не выкинешь.

Хороший буланый конь, рослый, красивый, в один из приходов, попав в скалистую трещину, сломал ногу. Как он кричал! Что делать? Лубок ему не наложишь. На трёх ногах он не ходок по леднику и через воду. Выход один – застрелить. Что и сделал начальник каравана Тулупов. Жаль коня. Но не пропадать же мясу. Андрюша перерезал застреленному коню горло, выпустил кровь и отрубил два задних окорока. Конина – мясо жёсткое, но это мясо, от которого мы отвыкли, питаюсь консервами. Конь ещё мало работал. Мясо жирное. Варить конину на нашей высоте трудно. Я уже писал, что здесь вода кипит при температуре ниже ста градусов. Выше её температуру не поднимешь. Андрюша жарит котлеты. За всю зиму едим мяса вдоволь.

Вьючники рассказывают, что внизу шумят реки. Воды в них много. Да и у нас здесь, на поверхности ледника, текут ручьи и со звоном и шумом срываются в трещины или, крутясь, уходят в колодцы. Не всякий ручей ещё и пройдёшь. К нам пришло высокогорное, ледниковое лето. Но забот не стало меньше. Наоборот. При каждом выходе на ледник приходится быть осторожнее, чем были раньше.

Зимой, когда мы приехали сюда, мы не знали, где расположены трещины, каковы их размеры. Всё было покрыто снегом. Сейчас трещины в районе обсерватории почти все открылись, по крайней мере, крупные. Над ними обвалились снежные мосты. Над средними и мелкими трещинами они ещё сохраняются. Над некоторыми,

что побольше, провисли, а некоторые ещё скрыты от глаз. Ходить надо осторожно, тем более что теперь на лыжах по леднику не пойдёшь.

Очень много трещин около дороги, по которой мы спускались от здания обсерватории к поперечному створу. Когда мы выбирали этот путь, экономя время на дорогу, то не предполагали, что тут может быть их так много. Казалось, что здесь, где скорость движения ледника вблизи берега невелика, причины для появления сети трещин нет. Тем более что у подножия нашего ригеля нет нагромождения торосов и сераков, как у противоположного берега ледника. Но трещин много, и не все они ещё открылись. Скорее всего, их наличие есть результат падения льда из ледника № 8 в виде ледопада, расположенного в полукилометре от этого места. На наше счастье, всё обошлось благополучно, и никто из нас не попал в такую ловушку. Сколько раз мы рыли здесь котлованы в сугробах, беря пробы снега для определения его плотности, рыли до поверхности льда. Оказывается, как легко было при этом попасть на ледниковую трещину шириной два-три метра. Но пронесло.

На повороте ледника, куда мы ходили с Жаном зимой, до устья ледника Витковского – сплошной ледолом. Снеговая граница поднялась выше него и, глядя на эту картину, становится не по себе, как это мы там проскочили.

Жан за время зимовки связывался по радио со многими высокогорными станциями. У него на каждой станции зимуют друзья-радисты. Поэтому мы знаем, что творится на каждой из них. Чаще всего он держит связь со станцией Каракуль (Чёрное озеро), где зимуют ребята в юртах. Начальником станции там зимует в 1934/35 году Серёжа Чертанов. Мне довелось с ним познакомиться при личной встрече в августе 1936 года в Сталинабаде¹ (Душанбе), когда я готовился на вторую зимовку на леднике Федченко, а Серёжа собирался снова зимовать на озере Каракуль и взял с собой своего младшего брата Николая.

В те годы ребята, работавшие в горах на Памирских и Тянь-Шанских станциях, представляли собою отличную от современной моло-

¹ Так – Сталинабад – город назывался в 1929–1961 гг.

дѣжи прослойку. Всех вела вперѣд романтика трудной работы, новых мест и новых открытий.

Впоследствии Сергей Петрович Чертанов зимовал пять лет подряд на леднике Федченко, в том числе все годы Великой Отечественной войны. Дожил он до середины восьмидесятых годов и был последним «полевым» работником среднеазиатской системы гидрометеорологической службы, оставшимся в живых с той далѣкой поры. Это его слова, которые он написал мне незадолго до своей смерти. Действительно, он больше всех зимовал на высокогорных станциях. Работал по организации высокогорных станций в Афганистане, задолго до начала печально известных событий, названных Афганской войной.

Во время зимовки Жану удалось связаться с полярной станцией на мысе Челюскина, где начальником был тогда Иван Дмитриевич Папанин. Вместе с ним зимовал в должности магнитолога Евгений Константинович Фѣдоров и его супруга Анна Викторовна Гнедич, в должности электрометриста. С ними обоими я знаком по совместной стажировке в Главной геофизической обсерватории в Слуцке¹ (Павловске) под Ленинградом. А. В. Гнедич работала в отделе атмосферного электричества и занималась радиоактивностью воздуха. Руководил этой работой профессор Военно-медицинской академии, профессор Вериго Александр Брониславович, один из первых стратонавтов, награжденный за подъѣм на стратостате орденом Ленина. Анна Викторовна обучала меня методам содержания эманации радия в воздухе.

Встретился я с ними только в сентябѣ 1937 года, когда Евгений Константинович, вернувшийся после знаменитого дрейфа на льдине, был директором Арктического института в Ленинграде. Мы с моей супругой навестили их несколько раз в Юкках, где они жили на даче. Анна Викторовна воспитывала сына. Моя супруга знала Евгения Константиновича Фѣдорова по совместной учѣбе в Ленинградском университете. Она окончила университета на два года позже Фѣдорова. В Ленинградском университете после сентябѣ 1937 года мы вместе с Анной Викторовной сидели на одной скамье в аудиториях физического факультета, пока она не перевелась в МГУ в связи с переездом в Москву, когда Евгений Константинович был назначен начальником Гидрометеорологической службы СССР.

¹ Так – Слуцк – назывался в 1919–1944 гг. г. Павловск, ныне входящий в состав Санкт-Петербурга.

Я уже писал, что батарейного питания для радиосвязи у нас было мало. Мои атмосферно-электрические работы развернуть не удалось. Наступил момент, когда и для радио не стало батарей. Но связь была нужна, особенно в преддверии лета, когда гидропрогнозистам была важна каждая наша телеграмма о состоянии снежного покрова на леднике и склонах гор. Голь на выдумки хитра. Демонтировали умформер, установленный в машинном отделении. К нему Пётр Иванович соорудил ручной привод, и мы во время сеансов радиосвязи, продолжавшихся минут десять – пятнадцать, крутили ручку этого агрегата. Сделав пятьсот – шестьсот оборотов ручками, передавали их «на ходу» другому и отдыхали. Это была трудная работа, физически трудная. Так крутили мы умформер с конца февраля до конца мая, когда, наконец, нам привезли батареи. Работу приходилось выполнять два раза в сутки, во время сеансов связи. Крутить надо было равномерно и довольно быстро. Умформер давал нужное напряжение для питания анодных накальных цепей передатчика и приёмника при 1 250 оборотах в минуту. Крутишь ручку привода и задыхаешься, скаывается и низкое атмосферное давление. Это, пожалуй, была самая трудная и тяжёлая работа, которую приходилось выполнять за время зимовки. Расчёт строителей был на то, что наша электростанция будет работать безотказно. Бензина и керосина сюда, наверх, было завезено много, но кто мог предположить, что старый движок откажет в самом начале зимовки.

Надо рассказать ещё один эпизод из нашей зимовочной жизни. О том, как мне пришлось выступать в роли стоматолога-хирурга.

Заболел у Аркадия Васильевича зуб. Сначала поднывал, но дальше – больше, и вот он уже не может спать от боли. Лекарств никаких, кроме соды у Андриюши на кухне, салицилового натра и чесночной вытяжки, кажется, она называлась аллилсат – это вся аптека. Что только не делал Аркадий Васильевич: и грел, и полоскал содой – ничего не помогало. Мы все извелись, глядя на его мучения. Просит

вырвать зуб. Но чем? Метод тётушки Полли (Марк Твен. Том Сойер)¹ годен только по отношению к молочным зубам ребят. Опять выручает Пётр Иванович. Из круглогубцев он изготовил зубодёрные щипцы нужной конфигурации. Хорошо, что он когда-то работал по ремонту стоматологического инструментария и знал, какой тип щипцов нужен для удаления коренного зуба.

И вот наступил трагически-торжественный момент. Аркадий Васильевич сидит на табурете, вцепившись в него обеими руками. Пётр Иванович держит его за голову. Аудитория из трёх остальных членов нашего коллектива на некотором удалении замерла в ожидании: что-то будет. Накладываю щипцы на больной зуб. С некоторым усилием, стараясь не раздавить зуб, пошатал его немного и слегка повернув, вырываю его со всеми корнями. Аркадий Васильевич стоически перенёс операцию. Не вскрикнув, только из глаз катились слёзы. Ранка быстро зажила. Дезинфицироваться было нечем. Больше зубы ни у кого не болели.

Всё же, несмотря на холод в доме, отсутствие нормального освещения и болезнь Леонида Ивановича, эта зимовка запала в сердце. Я всегда с большой теплотой вспоминаю моих товарищей, с которыми свела меня жизнь, наша совместные работы и походы. Но всему приходит конец. Пришёл конец и нашей зимовке.

Из Ташкента сообщили, что скомплектован новый зимовочный коллектив. Начальником зимовки едет В. М. Бодрицкий. Он уже бывал на леднике. Андрюша изъявил желание остаться ещё на год. Пётр Иванович, кажется, тоже не против повторной зимовки, но должен спуститься в Ташкент для приведения в порядок материальных отчётов и списания всех израсходованных материалов.

Последние дни на зимовке всегда перегружены работой. Надо завершить начатые работы, подготовить отчёты, закончить первичную обработку материалов метеорологических наблюдений, написать статьи...

¹ «Тетя Полли сделала петлю на конце шелковинки, надела ее на больной зуб и крепко затянула, а другой конец прикрепила к столбику кровати; затем схватила пылающую головню и поднесла ее чуть не к самому носу мальчика. Миг – и зуб повис на нитке, привязанной к столбику». Источ.: Твен М. Приключения Тома Сойера / Новый полный перевод К. Чуковского. – [Ленинград] : Лендетиздат, 1935. – С. 55.

Я закончил три статьи: «Ветровой режим ледника Федченко», «Солнечный режим» и «Распределение температуры в снеговом покрове». Все три работы были сданы в библиотеку Среднеазиатского научно-исследовательского института в рукописях. По-моему, они не были опубликованы. Некому было проследить за этим.

Аркадий Иванович тоже написал три статьи. Одну по скорости абляции ледяного покрова, вторую с описанием конструкции для регистрации скорости абляции и третью о накоплении запасов влаги на поверхности ледника Федченко.

На последнем вопросе надо остановиться. Дело в том, что существовавшие в то время дождемеры (осадкомеры) были совершенно не пригодны для измерения количества выпадающих твёрдых осадков (снег, снежная крупа и т. д.) в условиях, которые сложились на леднике Федченко – сильный ветер, микроскопические кристаллы снега – защита Нифера, которой окружена приёмная поверхность дождемера, не предохраняла от выдувания осадков. Часты были случаи, когда по показаниям дождемера осадков было 1,0–2,0 миллиметра, слой выпавшего снега оказывался около метра и выше, что при плотности снега 0,20–0,25 давало слой воды в 20–25 см. Этот снег потом с площадки сдувался ветром на ледник и лишь частично оставался на площадке. Такое несоответствие количества осадков, собранных с помощью дождемера, измерению мощности слоя выпавшего снега и его плотности, заставило нас экспериментировать. Рядом со стандартным дождемером был установлен такой же, но вместо воронки, предохраняющей жидкие осадки от испарения, которую мы удалили из ведра, его заливали некоторым количеством керосина. Твёрдые осадки (мелкие снежные кристаллы) из такого «керосинового» дождемера выдувались ветром в значительно меньшем количестве. Это позволило приблизить результаты наблюдений количества выпадающих месячных сумм осадков к результатам, получаемым из измерения высоты и плотности свежевypавшего снега. Однако истинных значений количества выпадающих осадков и эта мера не дала.

Так вопрос об измерении количества выпадающих осадков в условиях бурной погоды на высокогорных станциях остался открытым. Осадки на Федченко за две мои зимовки всегда выпадали в твёрдом виде. Дождя и даже мороси никогда не было.

Ещё одно явление надо описать. Гроза на уровне обсерватории – явление красивое и грозное.

Через перевал Кашалаяк на нас надвигалось мощно-кучевое облако. Его грозовой ворот прокатился с рокотом и завыванием по нашему ригелю, и началось выпадение снежной и ледяной крупы. Электрические разряды пронизывали наступающую тьму и следовали один за другим.

Удары грома оглушали нас, стоящих у окна в рабочем кабинете. О выходе на воздух нечего было и думать. Наконец молнии начали сверкать прямо у нас на площадке. Разряд следовал за разрядом. Часть разрядов происходила между облаком и землёй, иногда огненная змея вырывалась, наоборот, из поверхности земли в сторону облака, основание которого лежало на земле. Снега на площадке уже не было. Молнии слепили. Мы стояли у окна в тёмных очках, но всё время свет от разрядов казался ослепительно ярким.

Грохот был непередаваемый, его описать невозможно. Казалось, рушатся горы. Обтянутое железом здание обсерватории служило отличным молниеотводом. Все разряды, попадавшие в него, струями сбегали по поверхности в скальный грунт, не вызывая загорания здания. Мы прожили восемнадцать тревожных минут, это было отмечено по часам, стоявшим на рабочем столе. Восемнадцать минут от первого разряда до последнего. Эти минуты мне памятни на всю жизнь.

Затем гроза прошла вниз по леднику в сторону Баляндкиика. Основание облака оторвалось от подстилающей поверхности, и где-то далеко внизу гроза затихла. Снова светило солнце, снова за перевалом Кашалаяк стояла фёновая стена облаков, и дул слабый ветерок вниз по леднику.

Никогда в жизни я не видел такого грозного атмосферного явления, как эта гроза, в центре которой мы оказались. И хотя в годы Великой Отечественной войны приходилось на самолёте попадать в кучево-дождевые облака, но всё это было совсем не то, что пришлось наблюдать и пережить в эти памятные восемнадцать минут.

Время проходит быстро. К нам приехал Виталий Оглоблин. Когда-то он работал начальником каравана и возил первые грузы для строительства здания обсерватории на ледник Федченко. Зачем он приехал, никто не знает, кем и где он работает неизвестно. Но он привёз для нас несколько новых патефонных пластинок. Песни Дунаевского, записи джаза Утёсова, все песенки из «Весёлых ребят» и «Детей капитана Гранта».

Бодрые напевы ложатся на сердце и легко запоминаются. Отрывки из этих песен доносились к нам зимой сквозь трески и шумы атмосфериков, но никогда мы их не слушали полностью.

Виталий приезжал не один, а с какой-то женщиной. Очевидно, просто прокатил по Памиру свою даму. Такое могло быть. Прожили у нас сутки. Хорошо, что кабинка Леонида Ивановича свободна. Лошади ночевали внутри дома. В холле. На пол постелили брезент и завели лошадей. После отъезда их след потерялся где-то в Алайской долине. Этаким ковбой.

Вообще с информацией о происходящем в мире и в стране дело обстояло плохо, и мы жили, как на необитаемом острове, в смысле информации.

Сейчас летом живётся веселее. Часто приходит караван. Иногда привозят газеты месячной или недельной давности. Узнаём, что продана КВЖД, отменена карточная система, что страна стала жить лучше, чем в прошлые годы. Идёт разговор о разработке новой конституции СССР. Новости нас захлёстывают. Жить становится интереснее с каждым днём.

Ожидание смены приводит нас всех в несколько возбуждённое состояние. Одолевает нетерпение, желание увидеть родных, знакомых. Я уже писал, что в характере зимовщика должно быть умение терпеть и ждать. Вот в преддверии смены эти качества и проверяются. Кажется, что каждый из нас выдерживает экзамен по этим критериям.

В середине августа пришёл конец нашей зимовке. Прибыл Бодрицкий с частью своей команды. Аркадий Васильевич, Пётр Иванович, Жан и я садимся на лошадей и верхом с большим сожалением покидаем обсерваторию, оглядывая ставшие такими привычными горы, окружавшие нас. Прощальный взгляд бросаем на красивейший пик Комакадемии и группу «Шпоры».

Андрюша решил остаться на вторую зимовку. Хлопаем его по плечу и желаем всего самого хорошего. За десять месяцев здесь много пережито, передумано, многое испытано. Время нас сблизило и даже, можно сказать, сроднило.

Идём верхом по леднику, где за время зимовки каждый камушек стал добрым знакомым. Как киргизы в пути, поём то, что лежит на душе:

Прощай Памир, прощайте горы,
Прощай, быть может, навсегда...

Мотив известного романса «Прощай ты, новая деревня»¹. Дальше слов нашей песни не помню, она рождалась в коллективном творчестве под мерное покачивание в седле. Пели не очень музыкально, но громко...

Снова ночёвка в «Чёртовом гробу». Отдых не столько нам, сколько лошадям и выючникам.

У языка ледника Федченко – опять остановка на несколько дней. Надо повторить мензультную съёмку, посмотреть, что случилось с ледником за прошедшие десять месяцев. Съёмку произвожу я. Жан работает у меня реечником. Измерили количество собранных установленным нами суммарным дождемером осадков. Всё идёт своим чередом, заканчиваем начатые в прошлом году работы.

Здесь тепло. Даже ночью температура воздуха выше нуля градусов, работаем в майках. Мы на курорте. Это действительно так. Лучшие курорты мира расположены на высотах 2000–3000 метров над уровнем моря.

¹ см.: Цыганский романс «Прощай ты, новая деревня», получивший известность в исполнении эстрадного и оперного певца (баритон) Юрия Спиридоновича Морфесси (1882–1949).

Наконец, едем в Алтын-Мазар. В реках воды очень много. Сельдара шумным грохочущим потоком вырывается из ледяного грота в конечной морене ледника Федченко и сразу сливается с Баляндкиком. Грот заполнен водой до самого «потолка», река разливается по долине несколькими руслами. Даже такой небольшой ручей, как Малый Танымас, кажется грозной рекой, заполняющей всё своё ущелье, которую пешком не перейдёшь вброд. А в прошлом году, в ноябре, мы его легко перепрыгивали. Тают снега, тают льды, и всё это скатывается вниз в реки Средней Азии, в Аральское море.

Хорошо заметен суточный ход уровня воды в реках. Утром, после трёх-четырёх часов, уровень воды в реках заметно снижается, а затем днём, после десяти-двенадцати часов, он снова быстро нарастает и так до следующего утра. Днём все реки грозно ревут и катят по дну камни. Вода холодная и мутная. Настоящее «ледниковое молоко».

Благополучно перешли через несколько русел Сельдары, переправились через Каинды, которая, несмотря на бурное таяние в горах, осталась спокойным, но быстрым потоком почти прозрачной воды.

Грозный Сауксой заставил наших проводников-вьючников остановиться на берегу и осмотреться. Сауксой ревьёт, грохочет по дну камнями, вздувается бугром к стрелю. Ширина его не очень увеличилась, течёт он одним руслом, заполняя всё ложе, прорытое в прошлые годы, не переплёскивая через берега. Это значит, что глубина его увеличилась. Для нас это худо, но переходить надо. До Алтын-Мазара осталось несколько километров. Там ждёт отдых от трудного перехода через бурные реки.

Пока раздумываем, пока осматриваемся, со стороны ущелья реки Каинды к нам подъезжает на ишачке пожилой киргиз. У него в поводу за ишаком громадный чёрный кутас, гружённый домашним скарбом. Маленькие ножки, массивное туловище, свисающая по сторонам шерсть, хвост, заканчивающийся большой волосяной кистью, и на спине груз, в полтора раза превышающий его рост.

Соскочив с ишака, киргиз начинает по-восточному длинный разговор с самым представительным вьючником, Султаном. Просит

помочь ему переправиться через воду. Если бы тут нас не было, он переправился бы самостоятельно, забравшись на спину кутаса поверх груза и привязав ишака к грузу на длинном поводке. Но сейчас, когда на берегу много народа и много лошадей, он хочет упростить себе переправу. Просит, чтобы ему дали лошадь и один из наших вьючников перешёл с ним через Сауксой, а затем привёл лошадь обратно на наш берег.

После долгих разговоров и вмешательства Аркадия Васильевича один вьючник отдаёт свою лошадь киргизу. Султан поедет через воду с ним. Ишак привязан недоуздом к грузу на спине кутаса, и вся кавалькада вступает в воду. Река бурлит. Лошади, осторожно ступая, идут наперерез течению. Кутас, положив рога на спину и хрипя как пароход, спокойно идёт через реку, а вот бедный ишачок на своих тонких ножках, несмотря на то что упирался всеми четырьмя, когда был затянут в воду, не смог устоять на таком быстром течении. Как только он вступил в воду, так сразу оказался сбитым с ног, и далее кутас тащил его на буксире. Вода крутила бедное животное. Мы видели то его спину, то брюхо и машущие в воздухе копытца. На противоположный берег ишак выехал плашмя. Немного полежав на камнях и придя в себя, встал, стряхнулся и принялся щипать чахлую травку между камней.

Путь намечен. Султан, ведя в поводу лошадь, на которой переправлялся киргиз, возвращается на наш берег. Теперь наша очередь входить в воду. Ширина реки около пятидесяти – шестидесяти метров. Ноги выдернуты из стремян, взгляд на далёкие горы. Шумит вода, стучат по дну камни. Лошади осторожно ступают наискосок против течения, нас сносит. Берег плывёт мимо. Выходим на противоположный берег метров на пятьдесят ниже того места, где вошли в воду. Всё благополучно. Никто из нас и наш груз не пострадали.

Вьючники говорят, что хотя воды много, но меньше, чем в прошлые годы. Вот в 1932-м 1933-м Сауксой, Каинды и Сельдара залили всё окружающее пространство. Весь поворот долины был сплошным морем, и тогда основные русла рек было трудно определить, а грузы для строительства обсерватории надо было доставлять на ледник. И возили.

Для нас это последний переход вброд через реки. Далее на пути будут шайтан-куприки, наведённые местными жителями.

В Алтын-Мазаре новые люди. Стоят на площадке две белые юрты, около них бегают ребяташки. Из одной из юрт выходит уже знакомый нам по переправе через Сауксой пожилой киргиз и приветствует нас. Приглашает на вечер в гости и обещает зарезать барашка. Приглашение принято.

Вечером полный казан (котёл) варёной баранины, сидим в одной из юрт, по-восточному подобрав под себя ноги. Аркадий Васильевич и я получаем почётное угощение – глаз барана. Никогда до этого не ел глаза. Вроде бы и не хочется и не очень приятно, но зачем обижать хозяина. Долго катаю бараний глаз за щекой, но под взглядом хозяина решаюсь и, не разжёвывая, глотаю. Где наша не пропадала!

Хозяин юрт лет десять-двенадцать тому назад ушёл в горы. Жил там в одном из далёких диких ущелий, куда не ступала нога человека. Пас своих баранов и прятался от властей. Какие за ним грехи, мы не расспрашивали. Сейчас до него дошли слухи, что объявлена всеобщая амнистия, и он решил снова жить среди людей. У него две жены, которые участия в общей трапезе и разговоре не принимают, а прячутся за спиной мужа и ждут, когда он бросит то одной, то другой кусок мяса. У них куча ребят, но они уже спят в другой юрте.

После ночёвки в Алтын-Мазаре рано утром, пока солнце не стало припекать, поднимаемся на Терсагар. Подъём занимает около двух часов. Местами идём пешком, держась за хвост лошади. Это там, где тропа становится особенно крутой. И вот наш караван на зелёных холмах перевала. Спуск в Алайскую долину приятен. Свистят сурки, почуя приближение каравана. Греет солнце. Начинаем понемногу раздеваться до маек. Очень жарко.

По мере спуска за спиной постепенно скрываются за перевальной чертой Мазарские Альпы. Грустно. Увижу ли я когда-нибудь их снова?

*Мы всё добудем, поймем и откроем:
Холодный полюс и свод голубой.
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!*¹

Песня рвётся из груди, мы горды собой. Зимовка закончена. Везём с собой уникальный материал наблюдений. Чувство выполненного долга переполняет грудь. Я вижу, что не один я испытываю это состояние. Жить хорошо, хорошие товарищи, всё вокруг прекрасно. «...*Когда страна быть прикажет героем...*», но этого мало. Героем надо «уметь» становиться. Мы далеки от этого и не думаем об этом.

Идём через Кызылсу по мосту. Ночёвка в Дараут-Кургане. Спим поверх спальных мешков. Первая за много месяцев действительно жаркая ночь.

Утром вверх по течению реки Дараутки поднимаемся на перевал Тенгизбай. Едем в Ферганскую долину другим путём, чем ехали сюда. В городок Кызыл-Кия на железнодорожную станцию приходят грузы для снабжения зимовок на леднике Федченко и в Алтын-Мазаре. На обратном пути вьючники заберут часть этого груза и повезут его к местам назначения.

Шумит Дараутка, прыгая по камням, переходим её несколько раз с одного берега на другой по мостикам, построенным жителями Дараут-Кургана. Не считал, сколько таких шайтан-куприков пришлось переехать. Вот Дараутка уходит влево от дороги, а тропа становится крутой и скалистой. Подъём на перевал. Как всегда на нашем пути на перевале в седловине зелёная лужайка. Справа от нас, на восток, громада пика Скобелева в массиве Алайского хребта. Спуск вниз по довольно узкому ущелью, по каменистой тропе, которая, особенно в начале спуска, крупными ступенями падает вниз.

Снова ночёвки под открытым небом, и вот, наконец, ущелье расширяется, появилась дорога со следами колёс арбы. Появились кишлачки, сады, пирамидальные тополя. Мы в Ферганской долине. Весело бежит речка Исфайрамсай, которая сопровождала нас от самой верхней точки перевала.

¹ см.: песню «*Марш весёлых ребят*» (1934 г.; муз. Исаака Дунаевского, сл. Василия Лебедева-Кумача).

Урочище Лянгар, позднее названное Молотовабадом¹. Здесь вместе с Аркадием Васильевичем навещаем пожилого киргиза (Казыбай или Казылбек), бывшего командира добровольческих отрядов Чон-Алая, который обеспечивал охрану и безопасность первых караванов при начале строительства на леднике Федченко. Колоритная фигура. Приземистый, пожилой мужчина в местном одеянии. Через плечо маузер. Сейчас он на отдыхе. Постоянно проживает в Лянгаре. У дома садик, виноградник, посередине двора выкопан хауз – небольшой водоём, создающий прохладу. Угощает чаем, расспрашивает о том, как прошла зимовка. Довольно улыбается, когда мы благодарим его за охрану.

Во Фрунзе² (ныне Бишкек), в метеорологическом музее, была в своё время экспозиция, посвящённая его деятельности по борьбе с басмачеством, где было выставлено благодарственное письмо в его адрес, написанное первыми строителями обсерватории. Аркадий Васильевич встречался с ним ранее, когда открывал и инспектировал станции в Сары-Таше, Бердабе и Ишкашме.

В Кызыл-Кия устраиваемся в вагон, идущий до Ташкента. Местный поезд дотягивает нас до Ферганы, где его прицепляют к ташкентскому поезду. Вот и всё. Мы в цивилизованном мире. Нет роскошной дикости памирских хребтов, чёрных скал, ледников и заснеженных вершин. Нет ревущих рек, ледниковых трещин... Зелень. Фрукты. Жара.

Ташкент. На вокзале нас встречают жена Аркадия Васильевича, Ксения Ильинична, и жена Жана с ребёнком на руках. Красивая таджичка. Трогательно было смотреть, как Жан взял на руки своего первенца.

Пётр Иванович остановился у Аркадия Васильевича. Живут в саду на берегу арыка, спят на открытом воздухе. Расставаться с Петром

¹ Так – Молотовабад – в 1936–1957 гг. называлось с. Уч-Коргон (ныне центр Уч-Коргонского айылного округа в Кадамжайском р-не Баткенской обл. Киргизской Республики).

² Так – Фрунзе – в 1926–1991 гг. назывался г. Бишкек, столица Киргизской Республики.

Ивановичем, пока идут отчёты, по каким-то причинам Аркадий Васильевич не хочет. Держит его при себе.

Я работаю в Бюро обработки материалов наблюдений, сдавая наши материалы: книжки наблюдений, таблицы обработки лент самописцев, ленты самописцев. Принимает все материалы строгая женщина, начальница Бюро Глаголева. Её боятся все зимовщики других станций, с которыми пришлось здесь встречаться. Придирчивая, сверяющая каждую цифру в таблице с записью на ленте. Но всё проходит хорошо. Никаких помарок, никаких исправлений. Все материалы приняты, и строгая приёмщица становится милой улыбающейся женщиной.

Много встреч с работниками Среднеазиатской Гидрометеорологической службы, Ташкентского научно-исследовательского гидрометеорологического института и Ташкентской геофизической обсерватории. Масса разговоров, масса вопросов. Всех интересует «терра инкогнита» – район ледника Федченко.

Живу у Виктора Антоновича Джорджио. Я уже писал, что перед отъездом на зимовку некоторое время проживал у него. У Виктора Антоновича встретился со знакомым мне по Ленинграду Предтеченским П. П., который стажировался в Ленинградском Бюро погоды по методике долгосрочных прогнозов. Осваивал методику, предложенную Борисом Помпеевичем Мультиановским. Биография П. П. Предтеченского очень интересная, но здесь не место её пересказывать.

Впоследствии мы с ним встретились после Великой Отечественной войны. Он работал в Главной геофизической обсерватории и занимался изучением солнечной активности, увлёкшись идеями Александра Леонидовича Чижевского, который, отбыв лагерное заключение за свои идеи, снова продолжил свою деятельность.

С Александром Леонидовичем Чижевским меня жизнь снова свела в 1940–1941 годах, перед самой войной. Он курировал нашу лабораторию по созданию искусственного климата в строящемся тогда Московском Дворце Советов. Моя задача была в создании ионизационного режима, разработке ионизаторов воздуха, а физиологи во главе с Леонидом Леонидовичем Васильевым изучали влияние ионизации на организм человека. В марте 1941 года вместе с Чижевским, когда мы закончили один этап работы, при моём приезде в Москву сдавали в ведомстве Каменева, возглавлявшего строительство, материалы работ лаборатории. Но это отдельная глава жизни, а сейчас возвращаюсь мыслями в Ташкент конца августа 1935 года.

Только раз бывают в жизни встречи, только раз кружится голова...¹ Иду по дорожке парка Ташкентской обсерватории, направляясь в бухгалтерию для денежных расчётов. Крестообразный перекрёсток двух аллей, сталкиваюсь с нашей прошлогодней гостьей в Оше. Зоя Андреевна Тимофеева. Она закончила Казахстанскую Государственную экспедицию в песках Сары-Ишикотрау, что за озером Балхаш, и сегодня уезжает в Ленинград. Оба обрадовались нашей встрече. Поговорили, записал её телефон, обещав позвонить, когда приеду в Ленинград.

Рассказал Зое Андреевне, как мы переживали, когда радио доносило до нас известия, что она осталась одна в пустыне, после того как две автомашины экспедиции вышли из строя. У обеих полетели карданные валы. Все мужчины ушли пешком за помощью, а она осталась стеречь имущество. На двоих или троих не хватило бы воды в бочке на борту автомашины. С каким облегчением мы выдохнули, когда узнали, что к ней пришла помощь, и машины были исправлены. Экспедиция продолжила свои работы, и вот встреча в Ташкенте, в последний день, когда это могло произойти.

Бывает так. Судьба.

Время в Ташкенте тянется медленно, значительно медленнее, чем на зимовке. Там было много работы и днём и ночью, а здесь больше наблюдаешь, как работают другие, проверяя наши материалы, сверяя расходные ведомости, которыми занят Пётр Иванович. Жан занят радио-аппаратурой, которую комплектуют для высокогорных станций.

Наконец-то станции получают комплекты приёмопередатчиков «Урожай», изготовленных промышленностью для совхозов и колхозов. Кончается кустарщина, когда каждый радист должен был готовить для себя простенький передатчик, простенький приёмник

¹ Чуть видоизменённый фрагмент романа «Только раз бывают в жизни встречи» (1924 г.; сл. П. Д. Германа (1894–1952), муз. Б. И. Фомина (1900–1948)).

прямого усиления на двух лампах «Микор». Такие передатчики были еле слышны в эфире. Но зимовали асы-радисты и держали уверенную связь.

Собрание сотрудников обсерватории и управления. Аркадий Васильевич докладывает о нашей жизни и работе на леднике. Для всех это очень интересно. Масса вопросов, на которые приходится отвечать каждому из нас.

На следующий день вечерний поезд уносит меня из Ташкента. Аркадий Васильевич и Ксения Ильинична приносят на вокзал целое решето чудесных персиков и просят не забывать. Но разве это возможно?

В Ленинграде визиты в ГГО, рассказы о зимовке, о пережитом. Затем в отпуск в Ульяновск, на Волгу, там живут моя мать и сёстры.

Каждый день на Волге. Опять в Яхт-клубе. Как только тянет ветерок с юга – низовый, я под парусом. Гоняю швертбот одного из моих знакомых, доктора Павла Ивановича Репьёва. Снова заплывы через Волгу в защиту чести ОСНАВа-ОСВОДа. Снова первый. «Ульяновская правда» пишет, что в заплыве был первым Андреев И. Д., представитель ОСВОДа. Ну что же за год не научился плавать. Дыхание у меня хорошее. Почти годичное пребывание на высоте 4 220 метров, постоянные тренировки в походах на ледник сказались положительно на моей спортивной форме.

В ноябре возвращаюсь в Ленинград, восстанавливаюсь на физическом факультете Ленинградского университета. Надо учиться.

Совершенно неожиданно меня разыскивает открытка, написанная учёным секретарём Совета Гидрофизического отдела Государственного гидрологического института, будущим академиком Станиславом Викентьевичем Калесником. Он просит меня рассказать на заседании учёного совета о работах на леднике Федченко. Встречаемся, договариваемся о сроках, я звоню в Ташкент Аркадию Васильевичу,

прошу выслать мне материалы нашего доклада. Всё было получено через десять дней (так быстро ходила тогда почта), и мой доклад состоялся.

Со Станиславом Викентьевичем у меня были потом неоднократные встречи. Когда я был студентом физического факультета, то приходил на географический факультет слушать его лекции по гляциологии. После войны он приглашал меня принять участие в работах на ледниках Земли Франца-Иосифа, этой жемчужины советской Арктики, и на ледниках Шпицбергена, но у меня были другие планы, и наша совместная работа в этих районах не состоялась.

Хожу на лекции в университет. Со мной на курсе Моисей Семёнович Стернзат, с которым у меня до настоящего времени очень хорошие отношения¹, Александр Александрович Гирс, Исаак Маркович Долгин и многие другие. Лекции читают: будущий академик² Юрий Александрович Крутков, Карл Карлович Баумгардт (Баумгарт), Владимир Иванович Павлов, сын Ивана Петровича Павлова, и многие другие. Хожу на те лекции, которые считаю для себя нужными.

Встретил в университете Зою Андреевну Тимофееву, и уже в декабре мы встречаемся каждый день. Я провожаю её домой. Много разговариваем и ближе узнаём друг друга.

Зоя занята дипломной работой на тему «Вариации магнитного поля Земли в Арктике». Рассказываю ей о станциях, на материалах которых она пишет работу. На некоторых из них мне пришлось побывать. Помогаю ей в обработке материалов наблюдений на этих станциях. Вместе ездим в Павловск (Слуцк). Она – в Магнитную обсерваторию, я – в Отдел атмосферного электричества ГГО.

Но моя беспокойная душа рвётся в походы и экспедиции. Мне в городе тесно. Начал переговоры с Управлением Севморпути о поездке на зимовку. Договорились о поездке в Якутск для развёртывания атмосферно-электрических работ. Сроком на два года. Помню точно, 30 декабря 1935 года еду в Москву для подписания договора и дальнейшего следования в Якутск.

На вокзале меня провожает Зоя Андреевна. Чувствую, что она огорчена моим отъездом.

¹ Воспоминания датированы 1991 годом. Моисей Семёнович Стернзат (род. в 1912 г.) скончался в 1993 г.

² Так в тексте. Юрий Александрович Крутков (1890–1952) был членом-корреспондентом АН СССР (с 1933 г.).

В канун Нового года, 31 декабря, в Управлении Совморпути встречаюсь с Топольницким, возглавлявшим тогда Гидрометеорологический отдел. Договариваемся встретиться 2 января 1936 года и подписать договор. В коридорах управления встречаю ребят, знакомых по работе на Севере. Приглашают на встречу Нового года. Встреча была весёлой и интересной, в компании артистов, поэтов, художников и полярников.

Эта встреча перевернула мои намерения ехать в тьмутаракань. Подумалось, как хорошо стали жить здесь люди, на «Большой земле». А я отправляюсь в дальнюю даль от житейских благ, в стужу и, скорее всего, упускаю своё счастье. Надо отметить, что в стране отменена карточная система, магазины в Ленинграде и Москве полны продовольственными товарами. Промтоваров тоже много, много японских и китайских товаров. Только что продали КВЖД. Зачем ехать в холодную Якутию?

Второго января заявляю о своём отказе подписать договор. Топольницкий огорчён, уговаривает, но я уже принял решение и даже с утра купил билет в Ленинград, подстраховался. Первый звонок по телефону ещё с вокзала Зое Андреевне. Чувствую, что она рада моему возвращению. Живу в Детском Селе¹ (г. Пушкин). На лекции в университет катаюсь в пригородных поездах – паровозах, тянущих за собой деревянные вагоны третьего класса старой тарификации. Обедаю в ресторане Витебского вокзала, пытаюсь быть экономным. Мои зимовочные деньги постепенно тают.

Двадцать шестого марта Зоя защищает дипломную работу. Провожая её через Неву домой. Идём пешком. Крепкий лёд. Температура воздуха – минус тридцать градусов, что для Ленинграда в это время года редкость. Светит солнце, у обоих радостное настроение.

После отпуска Зоя начинает работать в Бюро генеральной магнитной съёмки и едет в июне в Оренбургскую область на солнечное затмение. Задача экспедиции наблюдать изменение составляющих магнитного поля Земли при всех фазах затмения.

Зоя знакомит меня со своими родителями. Они живут в Осиновой Роще, на развилке Выборгского и Приозерского шоссе. У них свой дом-дача, участок под огород, у отца Зои пасека из нескольких ульев. Он – увлечённый пчеловод, опытный в вопросах поведения пчёл. Работает в Ленинграде. Мать ведёт домашнее хозяйство.

¹ Так – Детское Село – в 1918–1937 гг. назывался город Пушкин (до 1918 г. – Царское Село).

В августе 1936 года мы с Зоей решили объединить наши жизни и дальше шагать по ней вместе. Шестнадцатое августа – это наш день. Мы его отмечали ежегодно в течение пятидесяти четырёх лет.

Лето 1936 года было чудесным во всех отношениях. Сухое, тёплое, солнечное. Совсем не ленинградское лето, а, скорее, лето средней полосы России. Живём на даче, много гуляем, и жизнь кажется прекрасной.

В конце августа получаю вызов на междугородную телефонную станцию в Детском Селе. Вызывает Сталинабад. Кто бы это мог быть?

В назначенный день сижу на переговорном пункте и жду разговора. Оказывается – Аркадий Васильевич Макаров. Метеорологическая служба Средней Азии разделилась на республиканские службы. Аркадий Васильевич заведует метеорологической сетью Таджикской СССР. Предлагает поехать на ледник Федченко начальником зимовки.

И хочется, и колется, как говорят. Только что женился, надо дальше жить и наслаждаться жизнью. Но нужны средства. Не жить же на иждивении супруги. Стипендия – это не средства для содержания семьи. Всё это быстро проносится в голове. Обещаю ответить телеграфно. Надо посоветоваться с Зоей и, обсудив все про и контра, принять решение.

На следующий день после тщательного разбора всех наших возможностей приходим к общему решению: я даю в Сталинабад телеграмму с согласием на зимовку.

Присланы из Сталинабада деньги, доверенность на получение в ГГО двух чашечных барометров. Закончены сборы, и вот снова я в пути. В университет потом с Федченко дал телеграмму, что остался начальником зимовки, прошу числить в академическом отпуске.

Сталинабад – столица самой молодой из советских республик. В основном деревянно-глинобитный город, недавний кишлак Душан-

бе. Несколько кирпичных правительственных зданий. Астрономическая обсерватория, несущая службу широт. Рядом с ней Управление Гидрометеорологической службы республики, разбросанное по территории в нескольких деревянных домах. Здесь же квартиры сотрудников. Живу в комнате для приезжих. Здесь нас собралось человек шесть. Все ребята молодые, готовятся к зимовкам на разных станциях. Вот здесь и состоялось моё знакомство с Серёжей Чертановым. Он снова отправляется на зимовку на озеро Каракуль. Везёт с собой младшего брата Николая. Серёжа будет зимовать на Каракуле уже пятый раз, Николай – второй год.

Состав моей команды уже поднялся на ледник. Знают, что начальником зимовки буду я. Здесь со мной только один товарищ, едуший на Федченко, Жижкун Пётр Васильевич. Он по образованию медицинский фельдшер, обучался на курсах метеонаблюдателей. В дальнейшем собирается учиться и стать синоптиком-прогнозистом. Для меня приятно, что с нами будет зимовать медик. Мало ли что может случиться за долгое время зимовки. В прошлую зимовку у нас медицинского работника не было, да и лекарств, кроме салицилового натра на целую роту солдат при каждодневном употреблении да чесночной настойки (вытяжки), не наблюдалось. Когда у Аркадия Васильевича болел зуб, удалять его пришлось мне. Об этом я писал.

На Федченко уже поднялись: радист Иван Гостев, наблюдатель Юрий Нелле и повар Григорий Жерехов. Гриша раньше работал выючником, я с ним встречался на пути к леднику и обратно во время прошлой зимовки. На обсерватории уже находится Пётр Иванович Столяров. Он остался на третью подряд зимовку. Милый человек. О нём у меня самые приятные воспоминания по прежней зимовке. Для меня это подарок судьбы.

Характеры остальных мне неизвестны, а Пётр Иванович будет надёжным помощником, если вдруг возникнут конфликты. Но судьба была ко мне благосклонна, и зимовка прошла мирно.

На радиостанции Таджикского Управления гидрометеорологической службы основную роль играет Жан Шарафутдинов, мой постоянный спутник во время прошлой зимовки. Зову с собой, но он говорит, что надо воспитывать сына. О Ванюше Гостеве отзывается хорошо, говорит, что он спокойный человек и отличный радист. Поживём – увидим.

Прошу Аркадия Васильевича подготовить мне смену к концу

июня – началу июля 1937 года, чтобы отдохнуть и засесть в университете с самого начала учебного года. Обещает.

Вдвоём с Петей Жижкуном едем из Сталинабада в Кызыл-Кия, уже знакомый мне городок. Пересадка в Урсатьевской. Не совсем удачная. Ждать поезда с вагоном до Кызыл-Кия пришлось пятнадцать часов. Наш поезд из Сталинабада опоздал на десять часов.

Из пустыни тянет ветер, довольно сильный. Этим и славится Урсатьевская. Песок скрипит на зубах, жара. У нас много багажа, он стопой лежит на площадке у вокзала, уходить от него некуда. Пить ходим по очереди.

В Урсатьевской, стоящей в самом устье Ферганской долины, ветер – это самое примечательное. Тихая ночь и ураганные сквозняки днём. Другим она похвастаться не могла.

В этом году основной поток грузов в Алтын-Мазар и на ледник Федченко идёт через Кызыл-Кия. Это ближе, чем через Ош. Караван скорее оборачивается. Ходка до Алтын-Мазара сокращается на два дня.

Прибыв в Кызыл-Кия, со станции едем в Лянгар (Молотовабад) на заезжий двор, куда приходят караваны. Он пришёл вчера вечером, нас сегодня встретили лошади для переброски нашего багажа и верховые лошади для нас с Петей. Лошади отдохнут, и послезавтра утром двинемся в сторону Алайской долины. Завтра утром начнём разбирать скопившиеся грузы, определим, что надо срочно забросить на ледник, а что может подождать и будет доставлено позже. Сначала погрузим на спины лошадей часть картофеля и свежих овощей. Опыт прошлой зимовки показывает, что переброска этих продуктов должна быть выполнена в первую очередь. Это нельзя откладывать на более позднее время.

Сижу на ящике и наблюдаю, как выючники пересыпают картофель из мешков в ягтаны – выючные ящики. В ящиках меньше возмож-

ности поморозить картофель на перевалах и леднике. Кроме того, в специальных ящиках удобнее лежит груз по бокам вьючного седла, чем в мешках.

Во двор выходит молодой, самоуверенный человек и направляется ко мне:

– Я Вейнберг, Вы обо мне слышали?

– Я Андреев, а Вы обо мне слышали? – как иначе ответить на такой способ знакомства.

– Дайте мне лошадей дней на десять. Мне надо закончить здесь в районе геолого-разведочные работы.

– А мне надо на ледник Федченко забросить продукты.

– Вы успеете.

– Нет, лошадей я Вам не дам.

– Я буду жаловаться!

– Кому угодно. Вы не наша организация, а я имею твёрдые планы работ, и меня геологические дела не касаются.

Начинает уговаривать. Конечно, лошадей я ему не дал, и он ушёл ни с чем.

Вьючники, слышавшие весь разговор, смеются и говорят, что этот тип каждый раз, как приходит караван, является и клянчит лошадей. Потратил куда-то деньги, которые ему были отпущены на покупку лошадей, и вот «на арапа» хочет выполнить свои работы. Дай ему лошадь на неделю – год не получишь обратно. Он не первый год работает здесь, приезжая из Ленинграда, и его все прекрасно знают, местные жители ему продавать лошадей не хотят. Он кого-то в прошлые годы поднадул.

К слову сказать, я знаком с его отцом Борисом Петровичем Вейнбергом. Он работает в Бюро генеральной магнитной съёмки. Занимается палеомагнитометрией, намагниченностью археологических черепков. Я бывал у него дома и обсуждал с ним книгу «Снег, иней, град, лёд и ледники»¹. Своему визитёру я не сказал, что знаком с его батюшкой, иначе разговоров и уговоров было бы на целый день. Как он вышел из положения, в которое попал, не знаю. Да и не интересовался. Своих забот было много.

¹ см.: Вейнберг, Б. П. Снег, иней, град, лед и ледники. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва ; Ленинград : Онти. Глав. ред. науч. попул. и юношеской лит-ры, 1936. – 231 с.

На следующий день рано утром выючим лошадей и отправляемся в путь. По берегу реки Исфайрамсай, шумящей вдоль дороги, поднимаемся в горы. Сады, тополя, кругом зелень. Появляются скалы. Но пока идём спокойно. Наконец вступаем в ущелье. Постепенно дорога сжимается и переходит в тропу. Река прыгает по каменным уступам. Берега стали высокими и обрывистыми. Идём по левому берегу. Минуем несколько кишлаков из четырёх-пяти кибиток. В пыли тропы возятся ребятишки, взрослых почти не видно.

Завечерело, легли тени, когда мы добрались до места ночлега, перейдя по высокому шайтан-куприку на правый берег Исфайрам-сая, который шумит в ущелье. Глубина ущелья метров пятьдесят. На довольно широкой террасе разбиваем лагерь. Готовим обед-ужин, кипятим чай. Здесь постоянная ночёвка наших выючников по пути в Дараут-Курган. Год тому назад мы тут ночевали, спускаясь с Федченко.

Высота более 2 000 метров. Ночью температура воздуха ниже нуля. Утром травка и спальные мешки покрыты лёгким пушком инея. Быстро позавтракав, двигаемся дальше.

Ущелье сжимается в узкий каньон. Тропа становится узкой, она завалена крупными камнями. Я уже писал, что год тому назад мы спу-скались здесь с перевала Тенгизбай, что ступени тропы очень большие. Лошади карабкаются на них, как кошки. Идём пешком и ведём их в поводу. Добираемся до зелёных холмов, окружённых снежными вершинами. Снова люблюсь громадой пика Скобелева. Наконец – перевал Тенгизбай.

Навстречу нам едет верхом киргиз средних лет, очевидно, довольно зажиточный. Одет хорошо, останавливается. Здравуемся. Начинается торг. У меня на голове чёрная кроличья шапка-ушанка. У киргиза ослепительно белая национальная шляпа, новая как с иголочки. Мне она приглянулась, а ему – моя шапка. После того как каждый расхвалил свой головной убор, обмен состоялся. Оба довольны.

Впереди спуск к реке Дараутке, а далее вдоль её течения выход в Алайскую долину к кишлаку Дараут-Курган. Через Дараутку перебираемся по мостикам с одного берега на другой, уж сколько раз не помню. Вдоль дороги телефонная линия. Связывает Дара-

ут-Курган с внешним миром. Провода висят на крюках, вбитых в скалы.

Дараут-Курган получил статус районного центра, но ни в чём не изменился. То же сонное царство. Тот же закрытый магазин.

Ночёвка в Дараут-Кургане, затем переходим вброд Кызылсу, опять подъём на Терсагар. Снова перед глазами чарующая картина Мазарских Альп: пики Музджилга, Шильбе, Сандал в хребте Петра Первого вырастают перед глазами. Снова не нахожу слов, чтобы описать картину, которая открывается по мере подъёма на перевал. Снизу из Алтын-Мазара вид на эти пики не так завораживающе красив, как с перевала Терсагар. Когда смотришь на них снизу из долины Муксу, то видишь крутые, почти отвесные скалистые склоны, лишь где-то в высоте покрытые ледяными шапками, а отсюда, с перевала Терсагар, видна только заснеженная часть пиков. Они рядом. Блестят. Кажется, что протяни руку и дотронешься до них, до холодной, ледящей кровь красоты.

В Алтын-Мазаре обед и совещание с Султаном. Он с этого года начальник каравана. Ему хочется, чтобы не заморозить картофель и овощи, завтра опять идти в Кызыл-Кия. Три дня туда, три обратно, день отдыха лошадям. Картофель не только для нас на Федченко, но и для зимовщиков Алтын-Мазара. Он уговаривает меня прожить эту неделю здесь. Потом быстрыми ходками на ледник. Весь груз будет переброшен и не поморожен. Подумав и оценив обстановку, я соглашаюсь на этот план. Но оставляю себе одну лошадь. Хочу съездить на ледник Федченко. Взять в обсерватории кипрегель и мензулу, чтобы повторить съёмку языка ледника Федченко.

Договорились. Султан рассказал мне, где лучше всего переходить через воду: «Воды не очень много. Рано поедете и до высокого уровня будете на леднике». Теперь караваны ходят той дорогой, которую мы с Аркадием Васильевичем развели в прошлом году. Ночевать советует в обсерватории, не заходя в «Чёртов гроб»: «Одного коня, расстелив ему под ноги брезент, можно завести в дом. Такие случаи уже были. Зато за один день проделаете весь путь туда».

Советы разумные, так тому и быть. Петя Жижкун подождёт меня здесь, в Алтын-Мазаре, отдохнёт с дороги, акклиматизируется. Даю радиogramму на Федченко, что выхожу к ним завтра утром.

Раненько утром на следующий день мы разъезжаемся в разные стороны. Караван со всеми вьючниками и лошадами взбирается на перевал Терсагар, а я один отправляюсь вверх по долине на встречу с грозным Сауксом. Впереди примерно пятьдесят километров пути. Светит солнце, погода прекрасная. Всё идёт хорошо. Мой игривый конь, с которым мы знакомы уже третий год, бодро шагает по тропе, встряхивая гривой.

Сауксой и Каинды перехожу спокойно. Уже вижу конечную морену ледника Федченко. До неё километра три, когда приходит время переправы через Сельдару. Она у меня опасений не вызывает. Долина Сельдары широкая, в крутых склонах, с выносами лавин с Музджилги. Как это знакомо.

Сельдара шумит. Воды много. Выбираю место, где она разлилась на три русла и вхожу в первое из них. Ещё не дойдя до середины, уже сижу в седле, точнее на седле на корточках. Воды лошади по брюхо, даже немного больше. Примерно в середине русла неожиданно мой конь садится на задние ноги. Я по пояс в воде. Лошадь судорожно пытается встать на все четыре ноги, но вода валит её на правый бок. К седлу у меня приторочен ящик с виноградом для зимовщиков, обёрнутый спальным мешком. Всё это в воде. Не желая оказаться под лошастью, выпрыгиваю из седла и плыву к ближайшему берегу. Течение очень быстрое, берег проносится мимо меня, я не успеваю схватиться за камни. Плыть, вернее, держаться на воде приходится плашмя, не опуская ноги, хотя у берега и мелко. Можно сломать ноги. Всякая попытка встать кончается тем, что снова оказываешься на плаву, вода сбивает с ног. Но вот, наконец, выбрался на берег.

Долго потом я размышлял о том, что произошло. Во-первых, я неудачно выбрал место переправы. А что делать? Или лошадь попала задними ногами в яму в каменистом дне, или река подкатила ей под задние ноги камушек. Но что бы ни произошло, лошадь села в воде на задние ноги.

На мне фланелевый лыжный костюм, белые скороходовские туфли, которые сейчас называют кроссовками, и белая киргизская шляпа – моя гордость. Всё промокло. Надо осмотреться и сушиться, пользуясь тем, что солнце будет светить ещё часов семь.

Первым делом оглядываюсь на реку. Где мой конь? Что с ним? Метрах в двухстах-трёхстах в бурном потоке реки, слившейся в одно русло, его несёт и кувыркает. Он пытается встать на ноги, но выюк у седла не позволяет ему это сделать. Километрах в двух ниже по течению его плашмя на повороте русла выбрасывает на отмель.

Долго потом я наблюдал за ним, лежащим на одном месте, и решил, что конь погиб. Только поздно днём он встал на ноги и, волоча между ног седло с притороченным к нему грузом, побрёл по долине в сторону Алтын-Мазара, часто останавливаясь и ложась.

Весь день до сумерек я следил за ним. Он шёл, ложился, снова шёл, снова ложился. Следил я за ним, пока он не потерялся в ночной темени. На другой день я его не увидел.

Пора самому осмотреться.

Я на острове между двумя руслами Сельдары. От правого склона долины меня отделяет то русло реки, в котором я перевернулся, так неудачно переправляясь. От левого, который от меня дальше, отделяют два русла, достаточно широких. Размеры острова: ширина – метров тридцать – тридцать пять, длина около двух метров. Измерения, конечно, сделаны шагами. Поверхность – сплошные камни, иногда довольно крупные. Делаю несколько попыток перебраться через воду, вперёд или назад. Вхожу в воду, как только её становится выше колена, стоять невозможно. Вода валит с ног. Снова плавать не хочется и приходится возвращаться назад, на берег. После нескольких попыток перейти поток вброд вижу, что сейчас это невозможно. Надо ждать раннего утра, когда таяние на леднике Федченко в его суточном ходе будет минимальным и воды в реке будет значительно меньше. Раздеваюсь до трусов и раскладываю всю одежду на камнях, которые нагреты солнцем. Всё продувается ветерком. Ночью, конечно, будет подмораживать и с ледника потянет холодком. Обустройства свой «робинзоний» быт. Продуктов нет, спичек нет, курить нечего. Всё было в чересседельных сумках. Спальный мешок уплыл вместе с лошастью.

На ночное время надо защищаться от ветра. В центральной части острова разгрёб площадку от крупных камней до песка, вернее до мелкой гальки. Вокруг площадки строю из камней загородку, размером по своему росту. Стараюсь камни укладывать так, чтобы между ними было как можно меньше щелей. Это чтобы ночью, когда я буду спать, ветер не очень сильно обдувал меня. Стенки построил примерно 75 сантиметров высотой. Нашёл на острове старую высохшую ветку какого-то дерева, неизвестно когда и откуда принесённую рекой. Установил её возле своего каменного «гнезда» и днём вывешивал на ней нижнюю белую рубашку, как флаг, раздуваемый ветром. На тот случай, если я буду спать, когда кто-нибудь появится в долине.

Когда ждать помощи? На леднике в обсерватории спохватятся только завтра во второй половине дня. То, что я не приехал сегодня вечером объяснят себе тем, что я мог заночевать в «Чёртовом гробе». Это значит, что до завтрашнего сеанса радиосвязи никто тревоги не поднимет и не будет организовывать поиски. А как их организовать? Лошади и вьючники ушли из Алтын-Мазара. Придут обратно только через семь дней. Лишь на восьмой день меня могут отыскать здесь. Вот минимальный срок, который предстоит провести на острове. Надо рассчитывать на самого себя, на свою выносливость.

Пищи нет, это понятно. Стоит проблема воды. Воды кругом много, с избытком, но её пить не хочется. Пригревает солнышко, на камнях жарко. А что пить? Метрах в двух от уреза воды рою руками яму. В ней набирается вода, фильтрующаяся через камни. Пусть отстоится от взвесей. Вот «водопровод» готов. Питьевой водой я теперь обеспечен. В реке не вода, а ледниковое молоко. Не вода, а сплошная суспензия, состоящая из песка и пыли, взвешенных в воде. Возьмёшь в рот и чувствуешь, что у тебя во рту песочная каша.

К вечеру в протоках особенно много воды. Три реки: Баяндкиик, Сельдара и Малый Танымас – слились вместе и катятся под уклон вниз. До языка ледника Федченко около трёх километров. Там, вырываясь из ледяного грота, вытекает Сельдара и тут же сливается с Баяндкииком. Хотя немного, но Малый Танымас вносит свою лепту в этот поток.

Остаётся ждать утра, а сейчас, днём, не тратить попусту силы. Одежда подсохла, обувь тоже высохла, и я ложусь спать в своё «гнездо». В середине ночи просыпаюсь от холода. Лёгкий морозец. Вся моя чаша с водой покрылась тонкой корочкой льда.

Прыгаю, бегаю и хожу бодрым шагом по своему острову. Сто восемьдесят шагов в одну сторону, сто восемьдесят обратно. И снова, и снова, как маятник. Согреваюсь. Звуков никаких, только посвистывает ветер в щелях моей кладки, и шумит вода. В одну из ночей проснулся от грохота лавины, скатившейся с Музджилги. Но это на приличном удалении от меня, кроме того, конусы выноса лавин не достигают до середины долины. Ночи тёмные, безлунные, и я не вижу, насколько мощной была лавина и где она скатилась.

Время тянется медленно. Кажется, что оно вообще перестало течь. Время – очень неприятная штука. Если оно ушло, то уже не возвращается, а когда хочется, чтобы оно шло быстрее, оно плетётся как черепаха.

Я не сказал, что у меня на руке часы. Часы 2-го часового завода, переделанные из карманных, которые тогда выпускал завод, в наручные. Несмотря на купание в реке, они не набрали воды в механизм, было только несколько капель на циферблате и всё. Часы идут, а время стоит. Вот парадокс.

Но вот и долгожданное утро. Светает. Воды в руслах сантиметров на десять меньше, чем днём и вчера вечером. Пора попытаться перебраться через поток.

Вхожу в воду, в знакомое мне русло, делаю несколько шагов и чувствую, что дальше двигаться нельзя. Вода может свалить с ног. Делаю несколько шагов обратно, пятась задом. Ряд попыток перебраться через этот поток в разных местах безрезультатен. Путь в Алтын-Мазар для меня отрезан.

Пытаюсь форсировать другой поток, чтобы дальше двигаться на ледник Федченко. Нет. Вода держит меня на острове. Вымок до пояса, хотя заходил в воду только по колено. Настолько сильные потоки, сильно течение, что заходить в воду одному, если не хочешь плавать, не имеет смысла. Конечно, можно попытаться переплыть поток, но не хочется рисковать. Слишком коварны горные реки, и верить им свою жизнь, отдаться на волю случая нет охоты. Температура воды к тому же около нуля градусов.

Десятый час. Солнышко уже осветило дно долины. Буду сушиться и спать на пригретых камушках, дожидаясь следующего утра.

Следующие два утра всё повторилось сначала. Снова и снова делаю попытки перебраться через реки, снова безрезультатно. Вспоминаются строки из «Отчётов Таджикско-Памирской экспедиции» о том, как таджики переходят через горные реки, более крупные, чем Сельдара. Пешком они ходят по три-четыре человека, положив друг другу руки на плечи, что даёт им достаточную устойчивость и способность противостоять напору воды. Или переплывают реку на бурдюках. У меня нет спутников, нет бурдюка. Нет еды, нет спичек, нет курева. Добыть огонь каким-нибудь способом я, пожалуй, и смог бы, но развести костёр не из чего.

Сушусь на камушках, греюсь на солнышке, а потом ложусь спать, навёрстывая ночное бдение.

За три дня я изучил все камни в нижней части долины, с тем чтобы не спутать с силуэтами едущих верхом людей, которые через несколько дней будут меня искать. Камни крупные, их много, и человек на лошади, если он один, издали становится малоприметным. Каждый большой камень отпечатался в сознании, и мне кажется, что сейчас, через пятьдесят лет, закрыв глаза, я их вижу в натуре. Это моя особенность, вернее особенность моей памяти. Я не могу описать внешний вид людей, с которыми встречался сегодня, конечно, описать их в подробностях, а вот местность, дороги, по которым я прошёл в жизни, откладываются в сознании так, что кажется – вот я сейчас здесь прошёл, вот этой тропой, этой улицей в чужом городе, где я пробыл несколько часов. Многие удивляются, как я, попав в места, где был десятки лет назад, уверенно иду и помню все особенности местности и подробности, о которых уже забыли старожилы и вспоминают, когда я напоминаю им о прошлом. Ну что же, каждый человек имеет какие-то особенности памяти.

В конце первого дня очень хочется есть. Приходится терпеть и «питаться» мыслями о том, что бы сейчас кушал на ужин. На второй день есть ещё больше хочется, но нечего. Изредка ложусь на живот и, припав к своему «водопроводу», делаю несколько глотков холодной воды. Черпать воду руками, горстями не хочу, только взбаламутить её. Ледниковое молоко пить не намерен.

К вечеру третьего дня голод притупился, и даже мысли о вкусной и здоровой пище не приходили в голову. Большую часть дневного времени лежу на сравнительно тёплом песочке и камешках, наблюдая нижнюю часть долины. Вдруг какой-либо случайный путник-киргиз появится там. Но нет, никого не вижу, только изученная до последней чёрточки картина. Неподвижные камни, неподвижные вершины гор. Снежники Музджилги и более ничего. Спокойствия не теряю, надо ждать. Умение ждать – хорошее качество характера. У меня оно есть. Стараюсь не расходовать силы, берегу их для утренних попыток перебраться через ограничивающие меня потоки Сельдары.

Утро четвёртого дня. Сушу свою одежду после опять неудачных попыток перейти через воду на другой берег реки. Автоматически, уже по выработавшейся привычке, бросаю взгляд по долине. Что это? Внизу, где Сельдара поворачивает на запад и, сливаясь с Сауксом, переходит в Муксу, две небольшие точки движутся, теряются между камней и снова появляются между ними. Едут верхом и поворачивают сюда, в мою сторону. Едут по берегу реки. Проходит некоторое время, и я отчётливо вижу, что едут два киргиза, один из них на моём коне. Отлегло. Значит, мой конь не погиб, а добрался до Алтын-Мазара. Машу своим белым флагом. Подъехали, стоят на другом берегу «моего» протока. Молодые ребята. Тот, что постарше, спрашивает, где переходил. Показываю. Они передвигаются на несколько десятков метров вверх по реке, выше моего острова, входят в воду. Когда оказались против стрелки острова, поворачивают и по течению выходят ко мне на берег. Мне урок. Вот как надо было переходить!

Мой первый вопрос к ним:

– Гош бар (Мясо есть)?

– Бар, – старший вынимает из сумки большой кусок баранины и протягивает мне.

С внезапно появившейся жадностью хватаю кусок и пытаюсь откусить от него. И не могу. Не могу проглотить откушенный маленький кусочек. Ну никак не глотается.

Отдаю мясо киргизу обратно и залезаю к нему «во второй класс», на круп своего коня, позади седла местной конструкции. Моего ка-

валерийского седла нет. Держусь за всадника. Поехали. Так же переходим поток и вниз по долине направляемся в Алтын-Мазар. Оказывается, ребята были направлены на мои поиски. Вторая пара киргизов поехала вниз по Муксу – не вынесло ли меня туда. Всё могло быть.

История развивалась так. На второй день, когда стало ясно, что на Федченко я не прибыл, в Сталинабад полетела телеграмма о моём исчезновении. Зимовщики обсерватории пошли по леднику, заглядывая в каждую сколько-нибудь значительную трещину. Ночью жгли костёр на уступе, на котором стоит обсерватория, на тот случай, если я бреду или ползу по леднику к обсерватории, для моей ориентировки. Моего коня вечером второго дня нашли пасущимся в тугаях (зарослях кустарника) рядом с метеорологической станцией в Алтын-Мазаре. Все были удивлены. Конь без седла, с порванной уздечкой. Решили, что я, ночуя, расседлал лошадь, а она, порвав поводья, ушла от меня ночью. Получив указания из Сталинабада, нашли четырёх киргизов на летних пастбищах в окрестностях Алтын-Мазара и утром на четвёртый день отправили их на поиски.

Всё это я узнал потом, когда прибыли в Алтын-Мазар.

Так закончилась моя «робинзонада». Едем по тропе и по дороге подбираем седло и груз. Моя лошадь не могла продвигаться, пока эта ноша болталась у неё между ног. Вот, оказывается, почему она часто ложилась, пытаясь порвать подпругу и сбросить с себя груз. Это ей удалось, и, освободившись от этой обузы, она пришла в Алтын-Мазар, благо ей этот путь был хорошо знаком. Не один год она ходила по этой дороге, перевоза на спине груз на ледник.

Киргизы, выручившие меня из водяного плена, по-русски говорят плохо. Я по-киргизски – ещё хуже. Опять выручает кое-какое знание татарского языка и татарских слов:

– Син менеке энаком (Ты мне друг)? – спрашивает меня мой наездник, сидящий впереди меня в седле.

– Мин сенеке энаком (Я тебе друг)! – отвечаю я.

Оба довольны состоявшимся разговором и друг другом, продолжаем путь дальше. Легко форсируем Сауксой. Моя лошадь, а мы едем на ней вдвоём, идёт бодро, потряхивая головой. Как будто бы не нёс её бурный поток Сельдары. Хороши киргизские лошади.

ки. Не чета кавалерийским, строевым коням, на которых много раз пытался переправиться через Сауксой Н. В. Крыленко, когда здесь готовился к штурму пика Ленина (см. книгу: Никитин В. А. «На штурм пика Ленина»)¹. Кавалерийские кони оказывались на боку, как только входили в воду Сауксою. Долгие дни у этой группы альпинистов ушли на переправу через эту грозную реку, рассказывали жители кишлака, бывшие свидетелями этой эпопеи. Правда, в тот год Сауксой был особенно многоводным. В горах шло бурное таяние снегов и льдов.

Вот и приехали. Первый, кто меня встречает, это Султан. Караван перехватили по телефону на полпути от Дараут-Кургана до Кызыл-Кия. Султан и ещё один выючник, захватив с собой пару сменных лошадей, поскакали обратно в Алтын-Мазар. Сегодня рано утром, на два-три часа раньше, чем подъехал я со своими новыми друзьями, Султан был в Алтын-Мазаре. Решил немного отдохнуть и, накормив лошадей, ехать на ледник искать меня. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Отдыхаем. Меня и моих друзей накормили, напоили чаем. Ребят-киргизов, соответствующим образом отблагодарив, отпустили снова на джайляу. Они вдвоём на своём коне уехали в горы.

Султан скакал более полутора суток, меняя лошадей под седлом, устал. Все ложимся спать до следующего утра.

На пяти лошадях, одна под грузом – наши с Петей вещи, отправляемся на ледник. Нас четверо: Петя Жижкун, заждавшийся меня в Алтын-Мазаре, Султан, ещё один выючник и я. Путь на Федченко описан мною неоднократно, для нас он прошёл благополучно. Проехали мимо моей «кибитки», в которой я провёл трое суток. Помахал ей рукой. Переправились через Сельдару в другое место.

На обсерватории радостная встреча. Всё, с кем мне предстоит зимовать, и те, кто покидают обсерваторию, волновались, ходили по леднику, заглядывая в трещины, две ночи жгли костёр, как сигнал, указывающий путь к обсерватории.

В этом году (1936) я не буду больше спускаться вниз. Съёмка конца ледника (его языка) не планировалась. Я хотел её произвести, пока

¹ см.: Никитин, В. А. На штурм пика Ленина : записки участника Памирской правительственной экспедиции 1929 г. – Москва ; Ленинград : Огиз – Физкультура и туризм, 1931. – 122 с.

караван ходил в Кызыл-Кия, а мы с Петей вынуждены были сидеть в Алтын-Мазаре. Но, как видите, не получилось. Такая громада льда, как ледник Федченко, за один год не может резко изменить свою границу, это показали результаты наших прошлогодних съёмок.

Начинается зимовка. Уходят товарищи, прожившие здесь весь прошлый год. Желают нам благополучной зимовки, здоровья. Опять нас шестеро, не семеро, но песня¹ из фильма «Семеро смелых»² у ребят в ходу, и они часто её напевают. Это я рассказал Венедикту Венедиктовичу Пушкинову, когда в 1948 году пришлось с ним довольно близко познакомиться. Рассказал, что эта песня стала чем-то вроде гимна у моих ребят. Венедикту Венедиктовичу это сообщение явно польстило.

Знакомлюсь с Ванюшей Гостевым – радистом. Кажется, неплохой парень. Зимовал на нескольких высокогорных станциях. Женат, есть ребёнок. Жан говорил, что он опытный радист. Что же, хорошо, самое главное, чтобы связь была надёжной.

Юра Нелле – молодой, пожалуй, самый молодой из нас. Тоже работал на станциях, кажется в Ангрене. До этого окончил курсы метеонаблюдателей.

Гришу Жерехова я помню по прошлогодней зимовке. Он работал вьючником и неоднократно приходил к нам с караваном. Постоянный житель города Ош. Конечно, он не профессиональный повар, и ему далеко до Андриюши Ренье, с которым мне не довелось встретиться. Андриюша ранее моего приезда в Сталинабад передал свои дела Грише и после расчёта уехал в Ташкент, куда я не заезжал. Гриша да Пётр Иванович самые старшие по возрасту, и они создают известное возрастное равновесие в коллективе.

Приятнейший человек Пётр Иванович, и я очень рад, что снова зимую с ним. Будет с кем при случае отвести душу.

С Петей Жижкуном мы ближе познакомились по дороге из Сталинабада. У него в характере прослеживаются чисто украинские особенности.

Общий настрой коллектива, в который я вливаюсь, несколько иной, чем в нашей первой зимовке. Я бы сказал, более меркантильный. Все ребята, кроме Петра Ивановича, который остался на третью зимовку подряд, оказались здесь, желая заработать. Я не в укор им пишу это, но идей у ребят нет, хорошо, что они честно относятся к выполнению своих обязанностей. Не пропускают наблюдений, выходят, когда это надо, на ледник. Но проявлять инициативу и большой интерес к результатам

¹ см.: «Лейся, песня, на просторе» (1936 г.; муз. Венедикта Пушкинова, сл. Андрея Апсолона).

² см.: «Семеро смелых» (1936 г.; реж. Сергей Герасимов).

своей деятельности не желают или не могут. Они больше хотят поспать в свободное время, чем заняться чем-нибудь интересным и полезным.

Сейчас середина сентября. Снег иногда выпадает, но днём на камнях подтаивает. На поверхности ледника он остаётся тонким слоем. Солнечных дней пока больше, чем пасмурных. Бураны и снегопады ещё впереди. Как не похож год на год. Основная буранная погода пришла на март, апрель и первую половину мая, в сентябре, октябре и декабре было меньше буранов и снегопадов, чем в зиму 1934/35 года.

Нам продолжают забрасывать продукты и дрова. Султан торопится. Вьючники устали. Они с начала мая не были дома, заготавливали дрова, перевозили их к «Чёртову гробу», а затем, как сошёл снег и открылась дорога сюда, перебрасывали их на обсерваторию. Это долгая история. Так как в этом году нет строительных грузов, ему хочется скорее закончить работу на леднике.

Радиостанция у нас теперь промышленного производства. Совхозная «Урожай» комбинат из приёмопередатчика ранцевого типа. За стеной обсерватории по вечерам стучит движок передвижной электростанции армейского образца. Небольшая по мощности и по габаритам. Нам энергии хватает для освещения и питания радиостанции. Во всяком случае, нет нужды в наших самодельных лампах прошлого года, и нам не надо вращать умформер для поддержания связи.

Мало по малу жизнь входит в нормальное зимовочное русло. День сменяется днём, и кажется, что ничто не может нарушить их равномерное течение.

В октябре начались бураны на один-два дня. Затем всё продолжительнее. Свистит ветер, микроскопические снежинки пролезают сквозь застеклённые рамы в коридор, окружающий жилые помещения, и при очень сильных буранах в жилой кабинке на поверхности письменного стола за ночь оказывается полоска снега. И это несмотря на восемь стёкол в четырёх рамах. Высохли фланелевые уплотнители, пропитанные олифой, на которых вместо замазки вставлены стёкла.

В этом году в доме тепло. Две печи топят регулярно. Одна, которая обогревает кабинки Гриши и Петра Ивановича, безбожно дымит. Топить её невозможно. Но двух работающих печей достаточно, чтобы в доме было тепло.

Дрова пилим по очереди. Способ пилки оригинальный. Козла для этого дела, как бывает в хорошем хозяйстве, нет. Пильщики салятся на снег, вытянутыми ногами удерживают полено и двуручной пилой распиливают его на три части. Обычно эта процедура проходила весело. Пильщики сменяли друг друга через три-четыре реза: сказывалась высота. Иногда ребята садились на снег от скуки и занимались пилкой дров. Дрова хорошие. Смолистая арча, высушенная морозцем, ярко горит в печи, создавая уют и успокоение от всяких дум и забот. Наверное, если бы на прошлой зимовке у нас топились печи, то Леонид Иванович не заболел бы.

Как приятно сидеть у топящейся печи, смотреть на охваченные огнём дрова, на играющие языки пламени, слушать потрескивание поленьев, строя планы на будущую жизнь. Такие вечера у топящейся печи развивают в человеке мечтательность и способность спокойно смотреть на текущее время.

Пришли Ноябрьские праздники. Чем мы их отметили? Пирогом и чашкой какао. Но все принарядились. Эти дни для всех нас были действительно большими днями. Сняли с себя «зимовочную» одежду, надели чистые рубашки и брюки навывпуск. Обычно они у нас заправлены в валенки или гетры. Я одет в свой любимый костюм юнгштурма. Нравился мне этот вид одежды, и хотя костюм считался комсомольским, а я не был комсомольцем, всегда носил его.

Вся зимовка, как и предыдущая, была беспартийной. Но это не мешало нам посвятить её наступающей двадцатой годовщине Великого Октября, о чём дали радиogramму в Сталинабад.

Возвращаюсь к описанию своей одежды. Нравился мне костюм юнгштурма, и мне казалось, что я никогда не буду ходить в длинных брюках, телепающихся внизу. Действительно, до конца Великой Отечественной войны я не надевал обычных костюмов и ходил в одежде, которую шил на заказ. Брюки-полугалифе, мягкие гетры до колен и пиджак с накладными карманами, как сейчас называют, спортивного кроя. Таким меня помнят товарищи по университету. Только летом я признавал лёгкие белые брюки из рогожки, которые можно было дешёво купить в любом одёжном магазине, и прекрасные трикотажные футболки производства ленинградской фабрики «Красное знамя»¹. Каких только расцветок этих футболок я не покупал. Какую хорошую

¹ Имеется в виду трикотажная фабрика, до Октябрьской революции (25–26 октября [7–8 ноября] 1917 г.) известная (после приобретения её в 1886 г. немцем Фридрихом-Вильгельмом (Василием Петровичем) Керстеном (?–?)) как Фабрика Керстена («Чулочно-трикотажная фабрика “В. П. Керстен”»), в советское время (после 1922 г.) – Трикотажная фабрика «Красное знамя», после приватизации (4 июня 1996 г.) – ОАО «Красное знамя». Ныне не существует.

продукцию вырабатывала эта фабрика. Где её былая слава?! А купить футболку можно было в любом спортивном магазине и дёшево.

Зимовочная жизнь течёт в своём обычном русле. Производство наблюдений, обработка их результатов. Снегомерные съёмки на леднике и ежемесячные измерения скорости движения ледника. Теперь уже окончательно ясно, что он движется, здесь, в створе вблизи обсерватории, в среднем его течении – со скоростью около метра в сутки.

Большой камень, столь памятный мне, у которого нас оставили в ноябре 1934 года и от которого мы, как слепые котята, под бураном пробирались в обсерваторию, «уплыл» сейчас метров на шестьсот-семьсот, может быть побольше, вниз. Сползли вниз и все намеченные в прошлую зиму ориентиры на центральной морене ледника.

Бураны и плохая слышимость широковещательных станций. Иногда в хорошую погоду слышим станцию имени Коминтерна из Москвы. Тогда узнаём, что заканчивается всенародное обсуждение новой Конституции, что готовится VIII съезд Советов. Хорошо слышно Дели, но эта радиостанция вещает на языках Индии и английском языке. Только музыка несколько развлекает нас и отвлекает от монотонности зимовочной жизни.

Патефонных пластинок у нас прибавилось несколько штук. Главным образом записи джаза Утёсова. В библиотеке количество книг не увеличилось. Прошлая смена почти ничего с собой не привезла и не оставила для нас. Перечитываю те книги, которые у нас есть, по второму разу.

Пятого декабря 1936 года сквозь атмосферные разряды, шумы, щелчки и вой ветра до нас доносится глуховато размеренная речь Сталина, читающего доклад о новой Конституции СССР. Урывками слушаем то, что можно разобрать в сплошных тресках атмосферных разрядов. Злимся на погоду, принёсшую в этот день очередной буран.

Новый 1937 год. Кажется, что после принятия новой Конституции, которую сразу называли сталинской, жизнь в нашей стране будет прекрасной. Это воодушевляет, каждый из нас строит планы на дальнейшую жизнь.

Я собираюсь осесть в Ленинграде и закончить университет. Моя кочевая зимовочная жизнь может затянуть этот процесс надолго, и мне из разряда «вечных студентов» не выбраться. Пора об этом серьёзно подумать, мне уже двадцать пять лет.

В марте узнаём о высадке на полюсе Папанина, Кренкеля, Широкова и Фёдорова. И опять Отто Юльевич Шмидт. Вот человек, который всюду успевает. Почтения я к нему не питаю. После проводов в Мурманске «Челюскина» и его гибели во льдах Чукотского моря и рассказов моих знакомых, которые были участниками экспедиции, я очень настороженно отношусь к этому человеку. Но это пришло после, когда пришлось встречаться с лицами, участвовавшими в дрейфе на льдине после гибели «Челюскина».

Послали телеграмму: «Высочайшая в мире обсерватория приветствует самую высокоширотную экспедицию. Желаем успеха в работе».

Первую связь с СП-I Ванюшке Гостеву установить не удалось, хотя он неоднократно пытался вызвать на переговоры Кренкеля.

Двадцать девятого апреля утром получил из Сталинабада телеграмму Всесоюзного радио с просьбой прислать приветствие к Первомайской демонстрации трудящихся Москвы на Красной площади. Быстро написал текст приветствия, он через Сталинабад ушёл в Москву. Первого мая слушать демонстрацию не пришлось. Мешали атмосферные разряды. Только потом, после зимовки, я узнал, что моя телеграмма с высочайшей в мире гляциометеорологической обсерватории была зачитана диктором вслед за приветствием Ивана Дмитриевича Папанина с самой высокоширотной дрейфующей станции во льдах Арктики. Текст моей телеграммы у меня не сохранился. Он был записан в дневниках, которые погибли во время блокады Ленинграда.

На мой запрос в середине восьмидесятых годов в адрес Всесоюзного радиокомитета был получен ответ, но не от Всесоюзного комитета, а от программы «Маяк». Ответ был простой отпиской. Где-нибудь в архивах радиозаписей этой первомайской демонстра-

ции 1937 года текст телеграммы и сохранился. Хотелось бы мне его получить, хотя бы для того, чтобы вставить вот сюда, в мои воспоминания. Я никогда не был идолопоклонником и в молодости вслед за каким-то древним философом считал, что всякий авторитет есть тормоз прогресса. Поэтому в телеграмме не было слов, адресованных «отцу народов». Там было только сердечное обращение к москвичам, идущим по Красной площади. Где искать концы, не знаю.

Тем временем на леднике начал оседать и уплотняться снег. У нас на нашем ригеле появились проталины. Днём температура около нуля, камушки нагреваются солнцем, а по ночам температура опускается до минуса десяти – пятнадцати градусов. Раньше я уже писал, почему здесь, на Федченко, не бывает очень низких температур воздуха. Повторяться не буду.

За перевалом Кашалаяк в ясные дни стоит фёновая стена облаков. Их мощные вершины клубятся и постоянно меняют очертания. Облака жидко-капельные. Иногда под ними появляется наковальня, образованная ледяными кристаллами. Кажется, можно подойти и пощупать сильные потоки воздуха, вздымающего ввысь тысячи тонн водяного пара, конденсирующегося и образующего эти облачные громады.

Очевидно, с тех пор я люблю смотреть на облака, следить за их развитием и разбираться в их формах и разновидностях. Для меня облака, как листы открытой книги, по которой я читаю динамику и термодинамику атмосферных процессов.

Одним из учителей, давших мне знания об облаках, их формах, классификации, был Сергей Иванович Савинов, учёный, работавший в Магнитно-метеорологической обсерватории¹ в Слуцке (Павловске) под Ленинградом, входившей в состав ГГО. В тридцатых годах Сергей Иванович считался одним из лучших знатоков облачного покрова. От своих учеников он добивался основательного усвоения передаваемых им знаний. Часто выводил их на воздух из помещения для занятий и обучал ориентировке в характере облачного покрова.

¹ Обсерватория прекратила свою деятельность с началом Великой Отечественной войны (1941–1945). Немецкие войска при отступлении в 1944 г. взорвали кирпичные здания Магнитно-метеорологической обсерватории, а деревянные подсобные помещения сожгли.

Из разговоров со многими работниками Службы погоды во время Великой Отечественной войны и после неё с наблюдателями метеорологических станций я часто обнаруживал незнание, вернее, отсутствие сколько-нибудь глубоких знаний об облаках и процессах, приводящих к их образованию.

Дни текут в своём однообразии незаметно. Ясная погода сменяется снегопадами. Пора сильных буранов уже прошла. Незаметно подкрался июнь. Скоро смена. У меня в этом году есть основательные причины торопиться вниз, в Ленинград. Там ждёт меня молодая супруга. От неё получаю радиogramмы и радуюсь, как мальчишка, получивший подарок.

А тем временем стало плохо с радиосвязью. Пропал Сталинабад. Несмотря на все усилия Ванюши, ответа на его вызовы нет. Все станции Памира тоже не могут связаться с Жаном, который возглавляет связь в Таджикском Управлении ГМС. Никто ничего не понимает. Недели две живём без связи с «Большой землёй». Сводок и телеграмм накопилось очень много. Среди них важные для гидропрогнозистов телеграммы о положении снеговой линии и скорости её продвижения вверх по леднику.

Наконец Жан появился в эфире. Он работает из Ташкента. Оказывается, внизу произошла очередная реорганизация. Вся высокогорная сеть станций снова перешла в ведение Среднеазиатского Управления гидрометеослужбы в Ташкенте. Осуществлялся переезд всех служб и отделов, поэтому отсутствовала связь.

Аркадий Васильевич снова в Ташкенте и помнит своё обещание прислать мне смену в конце июля – начале августа. Подожду, мой девиз – уметь терпеть и ждать. Буду ждать, а терпеть нечего. Всё идёт совершенно нормально. Все здоровы, и входить в стрессовое состояние нет причин. Ребята, с которыми я зимую, это чувствуется, иногда впадают в тоску. Смена близка. И это, на мой взгляд, для большинства естественное состояние.

Понемногу занимаюсь подготовкой отчёта о зимовке, чтобы потом не задержаться надолго в Ташкенте. Пишу снова статьи об интересных явлениях, которые за две зимовки пришлось наблюдать. Особенно интересным оказался вопрос об измерении скорости

ветра с помощью флюгера Вильда на высокогорных станциях. Все результаты оказываются заниженными и тем сильнее, чем выше станция над уровнем моря. С высотой уменьшается плотность воздуха, вместе с тем для отклонения доски-указателя скорости ветра на фиксированный угол требуется большая скорость ветра, чем внизу. Свои соображения с первой оказией переслал в Ташкент Н. Л. Корженевскому.

Уже потом я узнал, что он переслал эти мои соображения в Ленинград Виктору Николаевичу Кедроливанскому, автору учебного пособия «Метеорологические приборы». В. Н. Кедроливанский был тогда начальником сектора полярных и высокогорных станций ГГО. В одном из последующих изданий этого учебника он учёл мои соображения и оговорил их в тексте описания принципа устройства флюгера Вильда.

С Виктором Николаевичем мы потом были друзьями, и некоторое время после Великой Отечественной войны я работал под его руководством на созданной им кафедре метеорологии Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала С. О. Макарова (ныне Морская академия имени адмирала С. О. Макарова). После смерти Виктора Николаевича я много лет заведовал созданной им кафедрой. Мне удалось осуществить нашу общую с ним мечту и организовать в ЛВИМУ подготовку инженеров-метеорологов для работы на полярных станциях. Кафедра существует и поныне, а её выпускники (а также инженеры-океанологи) составляют костяк Гидрометеорологических отделов Арктического и Антарктического научно-исследовательского института. Зимуют в Арктике и Антарктике начальниками зимовок, начальниками отрядов, и некоторые из них стали Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда. Ряд моих учеников по судоводительскому факультету стали известными полярными капитанами, а большая часть составляет основной костяк командного состава Балтийского и Северного Морских пароходств. Я пишу – моих учеников-судоводителей, не преувеличивая своих заслуг, им я читал небольшой курс навигационной метеорологии.

Не знаю, чем закончилась одна из моих затей на леднике Федченко. Когда зимой я видел, что ребятам от скуки становится тошно,

то вместе с ними занимался расплетением толстого стального троса на пятимиллиметровые нити. Трудовая терапия!

Примерно стометровые куски тонкого троса, созданного в результате трудоёмкой и неприятной работы, Пётр Иванович соединял болтовыми креплениями, и мы получили два с половиной километра такой нити.

В один из ясных дней мы растянули эту нить поперёк ледника. Закрепили один конец на правом берегу ледника за громадный выступ скалы и с помощью кустарно изготовленного ворота на левом берегу подняли этот тросик над поверхностью ледника. Он повис по закону цепной линии в нашем постоянном створе для измерения скорости движения ледника.

В местах установки реек с троса свисали отвесики с лёгкими грузиками. Теперь, по моему замыслу, при измерении скорости движения ледника можно будет измерять не только отползание рейки от линии створа, но и направление этого движения. Долго ли провисел этот тросик, я не знаю, т. к. в конце июля прибыла смена, а о судьбе моей затеи никто мне не написал.

На смену мне приехал выпускник ЛГУ Миша Бабушкин. Из Алтын-Мазара получена телеграмма, что он уже прибыл туда. Я решил его там встретить. Пешком спустился до конца ледника, где поджидала заказанная лошадь и один из вьючников. Воды много, но всё прошло благополучно. Встретился с Мишей. Я его знал по Ленинграду. Незадолго до моего отъезда на вторую зимовку, когда я ещё о ней не думал, Павел Николаевич Тверской долго уговаривал меня поехать в Свердловск¹, чтобы помочь его студенту-дипломнику установить электрограф Бендорфа для регистрации напряжённости электрического поля атмосферы. Материал был нужен для написания дипломной работы. Я не поехал, а отправился сюда на вторую зимовку.

¹ Ныне (с 4 сентября 1991 г.) г. Екатеринбург.

С Бабушкиным в Алтын-Мазар приехал начальник снабжения Жуков, стараниями которого на нашей зимовке не хватало некоторых продуктов, и питание было менее разнообразным, чем могло быть. Изрядно поругавшись с ним и высказав всё, что я о нём думаю, на следующее утро отправился с частью каравана на ледник. При переходе рек подстраховываю Мишу, т. к. вижу, что в седле он ощущает себя не очень уверенно. Действительно, при переходе через Каинды его лошадь споткнулась и резко наклонилась вперёд. Выхватив из рук Миши поводья, я заставил её идти опять ровно. Правда, купание в Каинды ему не грозило, но нутром я чувствовал, что в седле он сидит не очень твёрдо.

По пути, разведанному нами с Аркадием Васильевичем весной 1936 года, поднимаемся на ледник и быстро достигаем большого камня, так памятного мне. Ребята, Ванюшка и Юра, встречают нас. Дальше путь пешком километров пять, камень за три года после первой встречи с ним, уплыл на добрый километр вниз. Нам, старожилам, это нипочём, Мише без привычки к высоте трудно.

Договариваюсь с Султаном, он теперь начальник каравана, что после ночёвки в «Чёртовом гробу» он придёт сюда завтра часам к десяти и заберёт меня и Петра Ивановича, который вместе со мной спускается в Ташкент для отчётов в материальных ценностях.

Моя зимовка закончилась. Я о ней пишу меньше, чем о первой. Тут две причины: во-первых, первая всегда оставляет больше впечатлений, всё впервые, во-вторых, на первой был более интересный коллектив, более заинтересованный в результатах работы. Это не в укор ребятам, с которыми зимовал второй раз. Просто другие интересы руководили ими при отправлении на зимовку.

Ввожу в курс дела Бабушкина, знакомлю его с ребятами. Вещи уложены, отчёт составлен. Материалы всех зимних работ и наблюдений во вьючном ящике.

Последний вечер на Федченко. Пока не стемнело, сходил к ледопадку с ледника № 8. Красивый ледяной каскад высотой 150–200 мет-

ров падает к леднику Федченко. Придётся ли когда-нибудь подойти к нему снова? Нет, не довелось. Любуюсь в последний раз двуглавой вершиной пика Комакадемии, освещённой лучами заходящего солнца, группа «Шпоры» розовеет при заходе солнца. Верхнее течение ледника Федченко, куда мы с Жаном шагали до впадения ледника Витковского...

Вот какое раздвоение чувств. Хочется скорее в Ленинград и жаль оставлять всю эту красоту. Грустно с ней расставаться. Сколько тут останется моей души, моего сердца.

Дикие места, дикая красота. Камень, лёд, снег, величайшие хребты. Всё это покоряет и оставляет память на всю жизнь.

Вот сейчас, когда прошло пятьдесят четыре года с тех пор, как я попал в эти места впервые, воспоминания волнами всплывают, и перед мысленным взором снова и снова встают горные вершины, и я отчётливо вижу всё-всё до последнего камушка на моём пути... и себя, молодого и беззаботного.

Ледниковые озёра и реки, лежащие и бегущие по поверхности ледника при бурном таянии, и высоко в небе стоящее солнце... как это далеко и во времени, и в пространстве. Эх, время, время, неумолимое время!

Рано утром обхожу всё здание. Ребята провожают меня и Петра Ивановича. Нам не дают ничего нести. Весь багаж погружён на лист фанеры, и ребята впряглись в него. Идём без лыж. Ехать под гору с нашего ригеля на фанерке хорошо. Тащить по твёрдому снегу надо от подножья нашего ригеля до большого камня, где нас уже ждут. Издали видно переминающихся на льду центральной морены лошадей и кучкой сидящих на корточках вьючников. Последние рукопожатия, пожелания, и вот верхом вниз по леднику. Решили не заходить в «Чёртов гроб», а спускаться с ледника и, может быть, без отдыха добраться до Алтын-Мазара. Последний взгляд вверх по леднику Бивачному, на громаду пика Сталина, стоящего бело-снежной сахарной головой. Увижу ли снова?

В Сельдаре воды порядочно, вчера было меньше. Паводок заметно нарастает. Позднее воды будет больше. Таяние льда и снега ещё не взяло полную силу, и даже снег на поверхности ледника сошёл

только чуть выше «Чёртова гроба». Правда, снег уплотнившийся и не проваливающийся под ногой человека. Едем по знакомым местам, где нет больших трещин. Спуск по леднику прошёл благополучно.

Вот на острове моя «кибитка», где я провёл трое суток. Всё также торчит сухая ветка, на которой вывешивал свой белый флаг. Султан толкает меня локтем в бок и, показывая на моё сооружение, говорит: «Якши (Хорошо)» – и смеётся. Я тоже смеюсь и отвечаю: «Джюда якши (Очень хорошо)». Здесь прошла моя «робинзонада». На остров никто не заезжал. Если лет десять простоит моя кибитка и её не снесёт водой, перейдёт в легенду.

Длинные тени от Музджилги легли на дно долины. Быстро темнеет. До Алтын-Мазара засветло не добраться. Впереди Каинды и Сауксой. Султан предлагает ночевать на берегу Каинды в зарослях кустарника – тугаях. Так и решили. В темноте переходить реки никому не хочется.

Ночь тёмная. Из сухого кустарника загорается костёр, закипел чай, варится шурпа. Лошадям в торбы засыпан овёс. Ночёвка у костра. Шумит река. Лошади стоят голова к голове – кругом. Султан говорит, что тут иногда летом рыскают волчьи стаи. Мы с Петром Ивановичем спим спокойно. Один из вьючников всю ночь поддерживает огонь в костре.

Ещё не поднялось солнышко, только-только начало светать, без завтрака садимся в сёдла и переходим реки. Час пути по каменистой тропе – и мы в Алтын-Мазаре. Здесь тепло, хотя высота около двух тысяч метров. Для нас – настоящее лето.

День отдыхаем, скорее не мы с Петром Ивановичем, а вьючники и лошади после похода на ледник Федченко и ночёвки в «Чёртовом гробу». Греемся на солнышке. Любуемся Мазарскими Альпами. Такое название этой группе пиков – Музджилга, Шильбе, Сандал – дали бывавшие здесь географы ещё в дореволюционные времена. Горы достойны этого названия.

Утром подъём на Терсагар. Переваливаем через Заалайский хребет. Крутые серпантинные тропы выются по почти отвесному склону. Часто идём пешком, держась за хвост лошади. Из-под копыт лошадей вниз скатываются камни. Но вот и зелёные лужайки перевала. Снег на перевале весь сошёл, и только на обрамляющих седловину перевала вершинах и склонах лежат массы снега и льда.

Взгляд назад на вершины Мазарских Альп. Снова кажется, что они рядом. Снова хочется дотронуться до них рукой. До этих громад, сверкающих льдом и снегом.

«Прощай Памир, прощайте горы, прощай, быть может, навсегда...» – вспоминаются слова песни, которую мы импровизировали года два назад, также спускаясь с ледника и с перевала Терсагар. Тогда нас было четверо, сейчас нас двое.

Опять, чем ниже спускаемся с перевала, чем ближе Алайская долина, тем всё ниже и ниже становятся вершины хребта Петра Первого. Как будто они уходят в землю и, наконец, пропадают за перевальной линией. Со склонов окружающих перевал вершин Заалайского хребта сбегает ручейки, сливаются в распадке в один поток, и вот уже в сторону Алайской долины бежит речка: сначала ручей, а затем всё больше и больше. Скоро она вольётся в Кызылсу и потекут её воды к Аральскому морю, до которого отсюда не одна тысяча километров пути. Постепенно открывается панорама Алайского хребта, простор Алайской долины. В двадцати пяти километрах виднеется Дараут-Курган. Переходим речку-ручей и направляемся к мосту через Кызылсу. Река сейчас грозная и думается: хорошо, что есть шайтан-куприк, а если бы вброд... Не предполагал я в тот момент, что мне её придётся переходить, да ещё пешком. Но об этом позже.

Теперь много изменений. Оказывается, что на Дараут-Курган стала ходить из Оша машина. Приходит она сюда раз в пять-семь дней. Только сегодня она ушла в Ош. Надо сидеть и ждать следующего рейса. Наш караван, переночевав, уходит обратно. У вьючников много дел на дровозаготовках и по переброске дров. Нам надо обязательно в Ош. Денег у нас нет. В Оше наша база, оттуда нас отправят в Ташкент. Продуктов у нас тоже нет. Выручает нас Сулейман-джан – узбек, проживающий в Дараут-Кургане, у которого останавливается на ночлег наш караван, кормит. Потом с ним рассчитаются. Здесь уже известно, что в честь двадцатипятилетия установления Советской власти будет несколько восхождений альпинистов на памирские вершины. Киргизы говорят, что Н. В. Крыленко пойдёт на пик Сталина, что он уже в Сары-Таше. Оказалось, что не так. Не доехал он до Памира. На пик Сталина идёт группа Аристова, группа Готье готовится штурмовать пик Евгении Корженевской. Ещё несколько групп идут на пик Ленина.

Над долиной летают самолёты, обслуживающие альпинистские группы.

Мы с Петром Ивановичем устроились в кибитке-развалюхе. Раскинули свои спальные мешки на глинобитном полу. Целые дни бродим по окрестностям Дараут-Кургана. Я поднимаюсь на мягкие склоны одной из горок метров на восемьсот, чтобы посмотреть на Алайскую долину сверху и бросить взгляд вниз по долине, где я не бывал, путь мой лежит в другую сторону, вверх по долине.

Телефонный звонок из Оша – машина поломалась, и, кажется, не выйдет из ремонта раньше, чем через две недели. Что делать? Советуемся с Петром Ивановичем и приходим к выводу, что надо идти в Алтын-Мазар, забрать кобылицу, что недели две тому назад родила жеребёнка. Он уже бегают и окреп. Потом, погрузив на неё наш багаж, потихоньку двигаться в сторону Кызыл-Кия. Оттуда можно добратсья до Ташкента или пешком дойти до Оша.

И вот вечером, пригласив себе в спутники молодого киргиза, я отправляюсь пешком в Алтын-Мазар. Туда пятьдесят семь километров. Решил идти ночью, днём подниматься на Терсагар, на высоту три тысячи шестьсот тринадцать метров, жарко. Дневное июльское солнце на двухтысячных высотах греет очень сильно. Режим движения: пятьдесят минут идём, десять минут лежим, задрав ноги кверху, положив их на подходящий камушек. Темно, но поперёк Алайской долины от шайтан-куприка в сторону перевала нахожена тропа. Здесь много раз прошёл караван, возя несколько лет грузы на стройку обсерватории.

Сбиться с той тропы невозможно. Да и ручей, который стекает с Терсагара и который мы перешли вброд разувшись, не позволит заплутать в пути. Около полуночи из-за гор появилась луна. В её жёлтом свете легко просматривается путь. Начинается подъём на перевал. И хотя он довольно пологий, шагать становится труднее. Мой спутник заметно устаёт. Киргизы, живущие здесь в горах, не очень сильны и выносливы. Это результат плохого питания. Прямо скажем, скудного. Подпитываю его сахаром. На рассвете мы достигли перевальной точки и быстро скатываемся в долину Муксу. В Алтын-Мазаре нас, конечно, не ждали. Думали, что мы с Петром Ивановичем уже в Ташкенте.

Восемь часов утра. Я ложусь поспать и прошу меня разбудить через час, в девять часов. Сегодня вечером хочу быть в Дараут-Кургане. Разбудили вовремя. Кормят обедом, пьём чай. Пора в обратный путь. Лошадка в хорошей форме. Жеребёнок – весёлое существо, надо думать, выдержит предстоящий путь и переходы

через реки и перевалы. Седлаем лошадь вьючным седлом без стремян, приспособленным для перевозки грузов, набираю запас продуктов и в путь.

Солнце уже припекает, подъём на Терсагар утомителен для нас, пеших. Жеребёнок весело бежит за матерью, иногда отходя с тропы и беря в лоб довольно рискованные кручи. Но он удивительно цепок. На своих ещё не совсем окрепших ножках он цепляется за выступы скал как кошка.

Идём не очень быстро. Мы устали от ночного перехода. Два-три часа отдыха в Алтын-Мазаре, конечно, срок недостаточный, чтобы быть в хорошей спортивной форме.

Жеребёнок, резвясь, уходит в стороны, и приходится ждать, когда он прибежит на призывное ржание матери. Но дорога ведёт вниз, и поэтому отдыхаем реже, чем ночью на пути к Алтын-Мазару.

Спустились с перевала и вошли в Алайскую долину около четырёх часов дня. Впереди двадцать пять километров. Скоро начнёт темнеть. Надо перебраться через речку, что бежит с перевала Терсагар в Кызылсу. Речка-ручей неглубокая, примерно по колено. Ночью, разувшись, мы её перешли вброд. Из воды торчат камни. Ширина метров двадцать пять. Вдвоём на спине у лошади переходим через воду. Но жеребёнок остался на другом берегу. Бегаёт вдоль уреза воды и жалобно ржёт. Кобыла смотрит на него и тоже призывно ржёт. Мой спутник-киргиз хочет поехать за ним и взять его на недоуздок, но его надо поймать, это тоже задача. Кобыла ржёт, мы раздумываем. Но вот жеребёнок, сжавшись в комок, совершает прыжок с берега на ближайший плоский камень, поверхность которого выше уровня воды. Стоит на камне, все четыре ноги вместе, рядом на маленьком пяточке поверхности камня. Снова прыжок, снова, и вот, не ступая в воду, он на нашем берегу, подбегает к матери и жадно сосёт её вымя.

Тем временем становится темно. Наш путь на мост через Кызылсу. Жеребёнок, резвясь, отбегает в сторону, и мы теряем его из виду. Мать всё время призывно ржёт. Переходим мост. Жеребёнка за нами нет. Кобыла тоже встревожена, останавливается и непрерывно зовёт его. И вот по крутому склону берега он, мокрый, выбирается к нам на дорогу. Он переплыл Кызылсу! В темноте, ориентируясь только на призывы матери. Река здесь сжата крутыми берегами и представляет собой грозное препятствие. Он совершил ребячий подвиг. Двух- или трёхнедельный жеребёнок, отвечая на призывы матери,

переплыл эту грозную в этом месте реку, зажатую в крутых берегах, и выбрался по кручам на тропу. Всё это в темноте...

Двадцать один час. Прошли сутки, как мы вышли в поход, и вот снова в Дараут-Кургане. За сутки прошли сто четырнадцать километров и дважды поднялись на перевал Терсагар. Можно считать это своего рода рекордом при походах в горах.

Лошадкам задаём корм – и спать.

Совершенно неожиданно утром пришла машина из Оша. С ней приехал начальник снабжения высокогорных станций Жуков. Неприятный тип. Я с ним уже поругался, когда встречал в Алтын-Мазаре Бабушкина. Тогда я высказал ему всё, что мы, зимовщики, о нём думали в недели долгих буранов. Снабжены мы были не лучшим образом, одеты были в старьё. Теперь я думаю, что он подстроил нам с Петром Ивановичем ещё одну пакость. В те давние времена, в юношеские годы я был ещё несколько наивен и верил в людей. Нас с нашим грузом машина не берёт. Шофёр говорит, что у него перегруз. Действительно, видим, что, когда машина отправилась в обратный путь, её кузов забит пассажирами. Откуда столько набежали?

Жуков перед нами объявился после ухода машины и сразу нам заявил, что относительно нас он договорился с авиаторами, которые сопровождают альпинистов.

Я уже писал, что готовятся подъёмы на высочайшие пики нашей Родины. Уже когда мы были в Ташкенте, радио принесло известие, что, попав под лавину, погиб на склонах пика Сталина (Коммунизма) один из лучших альпинистов того времени Аристов¹. Ну а пока Жуков осуществляет свою очередную пакость. Уверяет, что за нами залетит самолёт, для чего надо выехать на ровную площадку в середине Алайской долины, выложить знак «Т» и ждать самолёта. Когда говорит такие вещи на полном серьёзе взрослый человек, ответственное лицо, бывший лётчик, ну как не поверить. На лошадке, которую я привёл из Алтын-Мазара, вывозим свой груз километров на двенадцать от Дараут-Кургана. Разгружаем лошадь. Жуков с полным знанием дела выкладывает знак «Т» из имеющихся у нас простынь и на нашей

¹ Олег Дмитриевич Аристов (род. в 1911 г.) 13 сентября 1937 г. во время восхождения на пик Сталина сорвался с крутого фирнового склона и упал в сторону Памирского фирнового плато. Тело выдающегося альпиниста так и не было найдено.

лошади отправляется в Алтын-Мазар, пожелав нам счастливого полёта. Мы с Петром Ивановичем ждём, когда же к нам сядет самолёт. За день над нами на очень большой высоте пролетели два самолёта Р-5 в сторону узла Гармо. Затем обратно – в сторону Ферганской долины через Алайский хребет. На нас никакого внимания не обращают.

Два дня сидим на своих вещах, смотрим в небо и видим, что над нами этот тип зло подшутил. Потом я узнал, что по его распоряжению караван, все выючники и все лошади ушли из Алтын-Мазара и работают на леднике по переброске дров от «Чёртова гроба» к обсерватории. Дрова к «Чёртову гробу» были завезены раньше. Пищи у нас нет, за водой надо ходить полтора километра к речке, сбегаящей с Терсагара. Выход один, надо добираться до Дараут-Кургана и ждать там машину. На себе весь груз не унести.

На наше счастье, утром третьего дня нашего сидения из Кенеш-колхоза в сторону Дараут-Кургана движется киргиз с кутасом, на спине которого его скarb: сложенная юрта, жена и двое ребят. Кутаса он ведёт за верёвку, привязанную к кольцу в ноздрях животного. Увидев что-то необычное посередине долины, он подходит к нам.

После долгих, по-восточному красочных разговоров, в которых каждый из нас половины не понял, оказалось плохое знание языков друг друга, договорились, что он довезёт наш груз до Дараут-Кургана. И вот представьте себе этот рогатый, волосатый, коротконогий «самолёт». Груз на спине кутаса вдвое выше его роста и занимает всю его широкую спину от холки до основания хвоста. Семья киргиза – на самом верху груза. Мы с Петром Ивановичем замыкаем шествие, погоняя кутаса какой-то хворостиной. Хозяин-киргиз за верёвку ведёт его вперёд. Ведёт прямо к реке. Наши уговоры двигаться к мосту через Кызылсу не дают результатов.

Переправа была забавной. Киргиз забрался на самый верх груза, Пётр Иванович устроился почти на хвосте кутаса, а мне места нет. Яки тибетские, кутасы, ходят через воду хорошо. Животные они сильные. Низкие ножки дают хороший упор, и животное идёт как пароход, вздымая перед грудью мощный вал воды. Только идёт медленно, медленнее лошади.

Что делать мне? На спине у кутаса места нет. Шагать к мосту по берегу вниз по течению Кызылсу километра три, да обратно по другому берегу два с половиной километра к Дараут-Кургану, нет охоты. Хочется скорее попасть в Дараут-Курган – он вот, в полуки-

лометре на другом берегу реки. Киргиз ещё два раза переходить её отказывается, боится, что кутас будет пить, а потом обезножит.

Делать нечего, решаюсь и, вцепившись изо всех сил в хвост, вступаю за ним в воду.

Кызылсу мчит свои воды с большой скоростью. Ветра нет, но на поверхности волны, возникающие от неровностей каменистого дна реки. Мне по грудь – довольно глубоко. Держусь за хвост кутаса, где плыву, где шагаю по дну. Метров пятьдесят таким образом.

Кутас, задрав голову и положив свои рога на шею, похрюкивает и медленно идёт через реку наперерез течению.

Перешли. Я мокрый насквозь. Который раз мой фланелевый лыжный костюм купается в горных реках, не сосчитать. Вот сейчас подумалось: вторую зимовку на леднике Федченко я начал с купания в Сельдаре, а закончил купанием в Кызылсу.

Удивительное дело. Сколько раз я вымокал в горных реках, температура воды в которых мало чем отличалась от нуля градусов, а хотя бы раз почувствовал простуду, хотя бы кашлянул. Высушишься на камушках, и хорошо. И все мы, зимовавшие на леднике Федченко, ни разу не кашлянули. Воздух больших высот был идеально чистым. Никаких вирусов в нём не носилось. Инфицироваться было нечем.

Снова томительное ожидание автомашины. Наконец она пришла. Кончилось наше «дараутское» сидение, продолжавшееся две недели. Ехать по просторам долины на автомашине – это совсем не то, что трястись в седле много часов и суток. Мелькают распадки Алайского хребта, из которых выбегают говорливые речки. Машина их проскакивает с ходу, почти не снижая скорости. За это лето уже накатана колея, по которой шофёр уверенно ведёт машину. Тот путь между Сары-Ташем и Дараут-Курганом, который три года назад мы проделали за полтора суток, сейчас проскакиваем за четыре часа. Так же бежит параллельно нашему пути Кызылсу, только теперь бежит навстречу нам. Так же, как и прежде, сияют в лучах солнца громады Заалайского хребта. Вершина пика Ленина остаётся позади и издали уже не выделяется из ровной череды семитысячников.

Вот и Сары-Таш. Вправо уходит дорога на Бордобу и перевал Кызыл-Арт, влево – на перевал Талдык, скрываясь в ущелье. Без

остановки вперёд и вверх по прямой, как стрела, дороге. Большой Памирский тракт. Цивилизованные места.

Дорога идёт сначала по сравнительно узкому ущелью, постепенно расширяющемуся и выводящему на перевалочную точку. Последний раз на четырёхтысячной высоте. Доведётся ли когда-нибудь снова подниматься на эти высоты и любоваться вершинами, которые кажутся вечными? Весь этот хаос мироздания пьянит и не даёт возможности спокойно смотреть на окружающий мир. Чувство безбрежности окружающего переполняет сердце.

Шофёр немного отдохнул на лужайке, проверил и подтянул тормоза. Впереди спуск с Талдыка. Тридцать шесть поворотов, восемнадцать полных серпантин по почти отвесному склону.

Спуск с перевала проходит благополучно. На перевале, где мы в 1934 году ехали по узкой дороге между снежных стенок высотой около двух метров, зеленеет трава, на дороге нет снежных заструг и полос льда. Сцепление колёс с дорогой хорошее, и машина быстро скатывается вниз. Шофёр ловко вписывается в повороты, и мы вниз. Спуск с перевала произошёл очень быстро.

Суфи-Курган. Без остановки дальше. Шофёр хочет без ночёвки добраться до Оша. Мелькнула в стороне Гульча, взят перевал Чигирчик высотой 2 400 метров, и вот мы скатываемся к городу Ош. Уже темно, но дорога для шофёра простая, встречных машин нет, в ночь никто в горы не едет, тревоги и опасения остались позади.

Шофёр довёз всех до своей автобазы и не желает с нами ехать на нашу Базу высокогорных исследований. Нам платить нечем. Долгий спор разрешает какой-то «чин» районного масштаба, всю дорогу молча просидевший в кабине шофёра. Нас довезли до нашего пристанища.

На Базе никого, кроме жены Жукова. Она нас не знает и не хочет пускать. После долгих переговоров всё улаживается, и она уплачивает шофёру за наш проезд от Дараут-Кургана до Оша. Завтра будем решать, что делать дальше. Уехать в Ташкент для нас тоже непрос-то. Денег нет, надо звонить в Ташкент по телефону, просить, чтобы выслали. Ташкент поступает проще. Оказывается, что жена Жукова в штате Базы. Ей дано указание, выдать нам на дорогу деньги и без промедления отправить нас через Джалал-Абад поездом в Ташкент. Сутки сидим в Оше. Вагон до Ташкента будет только завтра, он бывает раз в три дня.

Утром на телеге жуковская жена везёт нас в Джалал-Абад. Билеты куплены, хлеб и фрукты тоже. Поезд Джалал-Абад – Фрунзе довезёт

нас до Ферганы, где наш вагон прицепят к другому поезду. Ещё двое суток от Оша до Ташкента.

Осталась позади Ферганская долина, благодатный край. Его напоили водой, прорыв Большой Ферганский канал. Это была действительно всенародная стройка. Всё вокруг зелено. Масса фруктов на станциях, всё дёшево. Но, как говорится, видит око, да зуб неймёт. Денег у нас в обрез. Только-только на транспорт в Ташкент.

Вспоминается одна встреча в Дараут-Кургане. Пока мы там сидели, мимо вниз по долине прошла изыскательная партия. Рядом с нами они ночевали. Познакомились, поговорили. В состав партии входил молодой узбек, гидролог по образованию, недавно окончивший высшее учебное заведение, Фахредин Шамсудинов. Гидрологи вели изыскания на предмет переброски части стока Кызылсу в Ферганскую долину. Проект не был осуществлён.

Я вспомнил о нём сейчас потому, что в 1964 году зимой мы встретились с Фахредином Шамсудиновичем Шамсудиновым в Сочи за одним столом в санатории имени Ленина. Разговорились, узнали друг друга. Он уже был первым секретарём Обкома партии в Фергане. Герой Социалистического Труда¹. Впоследствии, когда к власти в Узбекистане пришёл Рашидов, он его «скушал». Хороший был дядька Фахредин Шамсудинов, не пожелал поддакивать Рашидову и его окружению.

Ташкент встречает жарой. Живём с Петром Ивановичем в саду у Аркадия Васильевича. Спим на раскинутых кошмах на земле. В помещении душно. В саду протекает арык, от которого веет прохладой.

Вот тут и выяснилось, почему Аркадий Васильевич придерживает и мне рекомендует придержать около себя Петра Ивановича. У него

¹ Фахредин Шамсудинович Шамсудинов (род. в 1907 г.) в 1935 г. окончил Институт ирригации и механизации сельского хозяйства Средней Азии (ныне (с 24 мая 2017 г.) Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, адрес: Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кори Ниязи, 39). В 1965–1978 гг. – первый секретарь Ферганского областного комитета КП Узбекистана, Герой Социалистического Труда (с 1972 г.). Скончался во вторник 15 ноября 1983 г.

есть квартира в Ташкенте, где он живёт вместе с братом. Последний сильно пьёт, и если Пётр Иванович отправится домой, то пиши пропало. У него мягкий характер, и все деньги, которые он заработал, моментально пойдут на «веселье». Он не устоит перед братом. Вся отчётность остановится на неопределённое время. Пётр Иванович от этой напасти спрячется на зимовке. Сам он не имеет такой непреодолимой тяги к водке, но под влиянием брата всё закрутится.

На Федченко у нас был сухой закон. Да и едва ли кто сможет пить, живя на высоте 4 220 метров над уровнем моря, где и без того нагрузка на сердце достаточно большая. Вот Пётр Иванович и скрывается от греха на этой высоте.

Всё время пребывания в Ташкенте я шаг за шагом иду вместе с Петром Ивановичем по всем хозяйственным делам и бухгалтерии, пока он отчитывается в материальных ценностях и иногда распутывает отчётность всем памятного Вани Старухина. Пётр Иванович едет на следующую зимовку снова. Он об этом уже договорился с начальством. У него золотые руки, хорошая голова и большая ответственность за порученное дело. Освоил метеорологические наблюдения и относится к ним, как к важному, доверенному ему делу. Зимовать с ним одно удовольствие. За время двух совместных зимовок я ни разу не слышал, что он хочет выпить. Здесь внизу, когда у него в руках годовая зарплата, его дружки и братец вытягивают из него всё и увлекают в беспробудное пьянство. Вот что значит мягкий характер в сочетании с безволием. Ему самому хочется скорее уехать снова на Федченко. Вот об этом он и сказал мне при прощании, когда я отправлялся на аэродром, чтобы улететь в Москву.

В 1937 году уже совершает регулярные рейсы между Ташкентом и Москвой четырёхмоторный самолёт Г-2 (Грибовский-2). На таких самолётах высаживали на полюс папанинцев. Я стремлюсь скорее попасть в Ленинград, и у меня нет охоты ехать неделю на поездах. Три дня хожу по утрам в очередь за билетом на самолёт. Как всё было примитивно. Касса Аэрофлота помещалась на каких-то задворках в простой деревянной будке. Очередь за билетами выстраивалась во дворе около этого деревянного сооружения. В последний день во дворе Управления Гидрометеорологической службы читаю доклад о зимов-

ке, о проделанной работе и о результатах наших трудов для всех сотрудников Управления, потому что в помещениях очень жарко.

В Ташкенте в это время года все учреждения работали с большим перерывом в середине дня. Рабочий день начинался в семь часов, работали до одиннадцати, затем перерыв до вечера, часов до семнадцати, после чего начиналась вторая половина рабочего дня. Вот во время такого перерыва в тени чинара я и читал свой доклад. Было много вопросов. Ледник Федченко для многих – это белое пятно на карте. Работа одобрена.

В Ташкенте пришлось прожить десять дней. Все эти дни бегал от корреспондентов. Может быть, это была ошибка. Два из них всё же меня поймали. Корреспондент «Комсомольской правды» и корреспондент «Правды Востока». В последней статья о зимовке появилась, пока я ещё не уехал из Ташкента. В «Комсомольской правде» – только в конце октября – начале ноября 1937 года и называлась «Зимовка за облаками». Номера газеты я не помню, дату тоже. Статья у меня не сохранилась, пропала во время блокады Ленинграда. Статью из «Правды Востока» мне прислал Фахредин Шамсутдинов, дав команду перепечатать её из подшивки газет на машинке.

Ташкентские базары тех времён богатые, шумные, красочные... На Алайском базаре у старика-узбека торгую ишака. Он просит за него пятьдесят рублей. Даю пять. Долго торгуемся и, наконец, сходимся на пятнадцати рублях. Благодарю старика и говорю ему, что меня не пустят с ишаком в самолёт, что я улетаю в Ленинград. Старик расплывается в улыбке и тоже благодарит меня за то, что... «хорошо торговался». Ему не хочется продавать ишака, он его очень любит, и он ему нужен в хозяйстве. Но «Большой рахмат» (Большое спасибо), хорошо торговался. Довольные друг другом мы расстаёмся.

На короточках сидит старик, перед которым на коврике две или три пустые бутылки. Однако купить бутылку трудно, надо торговаться. Начальная цена «беш сум» – пять рублей. Под конец – нет, не продам, завтра торговать будет нечем. Приходит на базар провести время, пообщаться со сверстниками, встретиться с друзьями, а продать бутылки не самоцель. Бутылка нужна, чтобы занять место в ряду торгующих, таких же старцев, как он. Это не восточный анекдот, это наблюдал я сам.

После доклада обхожу всё Управление, во всех отделах прощаюсь с хорошими людьми. Обедаю перед отъездом на аэродром у Аркадия Васильевича. Его милая супруга, Ксения Ильинична, грустна и, видимо, чем-то озабочена. Пытаюсь шутить, но вывести её из этого состояния не могу. Чувствую, что ей всё в тягость. Обед проходит не-весело. Уже провожая меня на автобус, идущий в аэропорт, Аркадий Васильевич рассказал мне, что беспокоит Ксению Ильиничну. Его, Аркадия Васильевича, повесткой вызвали назавтра в Ташкентский «Большой дом». Чем это кончится, гадать трудно.

Ночую в гостинице аэропорта. Вылет завтра в шесть часов утра. Транспорта в это время нет, и легко можно опоздать к вылету.

Что по стране катиться волна репрессий, мы на зимовке не знали, и это сообщение Аркадия Васильевича было для меня первым известием об этом. Мне казалось, что после принятия «Сталинской конституции» в стране воцарился мир и покой. Ан нет. В Ленинграде тоже пришлось услышать о репрессиях по отношению к людям, с которыми приходилось встречаться или о которых слышал раньше. Оказались арестованными профессора университета, чьи лекции я слушал или кого знал как ведущих учёных.

Больше я никогда не встречал Аркадия Васильевича. На мои вопросы о его судьбе никто ничего не сказал. При расставании Аркадий Васильевич мне рассказал, что недавно из Харбина приехали его родственники, работавшие на КВЖД, а ранее эмигрировавшие из ДВР (Дальне-Восточной республики, существовавшей в начале двадцатых годов и вошедшей в состав СССР как Приморский край) в Китай. КВЖД мы продали японцам, и многие, работавшие на этой дороге, вернулись в СССР. В том числе его родственники. Может, это сыграло роль в его судьбе. Ксения Ильинична на мои письма не отвечала. Наверное, выслали из Ташкента. Хорошие были люди, хорошая была семья.

Даже сейчас, когда пытаюсь через старых знакомых, работников Ташкентского Управления Гидрометеослужбы узнать что-либо о судьбе Аркадия Васильевича, никто ничего сказать не может, а многие даже не помнят его или делают вид, что не помнят. У меня осталась только любительская фотография, сделанная мной на лед-

нике Федченко, с надписью рукой Аркадия Васильевича, на которую я иногда смотрю и думаю: что-то с Вами произошло, милый моему сердцу человек. Как приятно было общаться с ним. Какова его судьба?

Многих сейчас вспоминаю, с кем пришлось встретиться в жизни, пройти рядом какую-то её часть. Не всем нашлось место в этих записках, но все они оставили глубокий след в памяти и сердце мальчишки (мне в те годы было 22–25 лет), многому я от людей научился, многое вместе с ними пережил. Память о них согревает мою душу в старости.

Наконец в тяжёлом самолёте через пески летим по направлению к Москве. Первая посадка в Джусалы. Песчаный аэродром. Пыль длинной полосой тянется за самолётом при посадке, и пока нас заправляют горючим, она висит в воздухе серо-жёлтой стеной.

Оренбург. Снова заправка. В отличие от нынешних времён, пассажиров из самолёта не выпускают. Аэровокзалов нет, гулять по лётному полю не разрешают. Идёт учение курсантов лётного училища. Всё время взлёты и посадки самолётиков У-2 (По-2).

По плану следующая посадка в Куйбышеве (Самаре). Но из кабины выходит пилот и говорит, что если совершим посадку в Куйбышеве, то в ночь нас в Москву не выпустят. Придётся ночевать. Запаса горючего до Москвы хватит, пассажиров до Куйбышева нет, и если мы не возражаем, то полетим до Москвы без посадки.

Конечно, все согласны и даже рады этому. Минуя Куйбышев, пересекаем Волгу и летим дальше.

Уже смеркалось, когда наш самолёт совершил посадку в Быково. До Москвы на электричке. Нас, ленинградцев, пять человек. С Казанского вокзала перебираемся на Ленинградский и берём билеты на «Красную стрелу». В те годы это был самый быстрый поезд на Октябрьской магистрали. Он уходил из Москвы в 23.55 и приходил в Ленинград в 10.00. Остановок по дороге было четыре или

пять. Не так, как теперь, только в Бологом. Комфорт полный. Даже сейчас в «Стреле» и других фирменных поездах нет комфорта и обслуживания пассажиров, которые были в довоенные, да и в послевоенные годы до середины шестидесятых годов. Тогда интуристов не было. В «Красной стреле» ездили простые советские люди, но их обслуживали лучше, чем сейчас интуристов. И билет стоил в несколько раз дешевле, чем сейчас. В каждом вагоне любого поезда были два проводника-мужчины. Женщин проводников я не помню. Они появились только после войны. Чай можно было получить в любое время. Теперь не во всяком поезде его дадут два раза в сутки. В ташкентских поездах из Москвы по дороге полагалось два комплекта постельного белья, без дополнительной оплаты. В стране были дисциплина и трудолюбие, которые сейчас потеряны. Русский человек гордился своей работой и стыдился, если плохо исполнял свои обязанности. Всё утрачено.

Спокойно мчится «Красная стрела» из Москвы в Ленинград. Утром в Любани покупаю много цветов. Меня встретит моя дорогая. Действительно, по залитому солнцем перрону четвёртой платформы Московского вокзала идёт мне навстречу в ярко-жёлтом, солнечном платье моя радость, моя супруга, моя судьба. Моя Зоя – моя жизнь.

Ленинград, 1991 год

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Всю жизнь я был неисправимым романтиком» // Народная газета. – 1991. – 11 окт. (№ 60). – С. 5.
2. Мавленкова, Т. Необыкновенные приключения геофизика Андреева / Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1996. – 6 июля (№ 87). – С. 7.
3. Андреев, И. С кулаками и палками против «белой гвардии» (Из рассказа бывшего «марксёнка») / И. Д. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1996. – 12 сент. (№ 125). – С. 3.
4. Андреев, И. Дети улицы / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1996. – 5 нояб. (№ 156). – С. 6.
5. Андреев, И. Его идеи летают на подводных крыльях / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1996. – 26 дек. (№ 185). – С. 6.
6. Андреев, И. От русского шага – к коронной дистанции : Про то, как сошлись воедино лыжня и линия жизни / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова. – Симбирский курьер. – 1997. – 9 янв. (№ 2). – С. 5.
7. Андреев, И. Чёрная вода, или Ночной заплыв через Волгу / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1997. – 20 февр. (№ 20). – С. 5.
8. Андреев, И. Волжский романтик : В 14 лет перед парнишкой из яхт-клуба отступали водные преграды / И. Андреев // Симбирский курьер. – 1997. – 22 мая. (№ 57). – С. 5.
9. Велигжанина, А. Снежный человек / А. Велигжанина // Народная газета. – 1997. – 9 сент. (№ 183). – С. 4.
10. Мавленкова, Т. Исследователь с улицы Хлебной может ответить на любой вопрос, в том числе и на этот: «Возможно ли северное сияние над Ульяновском?» / Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1997. – 11 сент. (№ 116). – С. 5.
11. Андреев, И. Как в Ульяновск гидросамолёт прилетал / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1997. – 16 сент. (№ 119). – С. 6.
12. Андреев, И. Восемнадцать минут ужаса / И. Андреев // Симбирский курьер. – 1997. – 25 сент. (№ 24). – С. 8.
13. Андреев, И. Брови светились, а на кончике носа «горел» огонёк / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1998. – 3 февр. (№ 6). – С. 5.
14. Андреев, И. Медвежья погоня, или Автор следов остался загадкой / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1998. – 12 марта. (№ 37). – С. 6.
15. Андреев, И. Ребячьи забавы на Гофманской горке / И. Андреев // Симбирский курьер. – 1998. – 24 марта (№ 44). – С. 5.
16. Андреев, И. Как баржу с церковными ценностями искали / И. Андреев // Симбирский курьер. – 1998. – 2 июня (№ 82). – С. 7.

17. Андреев, И. Вечерний променад по Гончаровской : (Вспоминает выпускник школы им. К. Маркса 1930 года Иван Андреев) / И. Андреев // Симбирский курьер. – 1998. – 11 июня (№ 88). – С. 10.
18. Андреев, И. Случайная встреча : На краткий промежуток времени пересеклись пути Павла Флоренского и нашего земляка Ивана Андреева / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1998. – 4 июля (№ 100). – С. 13.
19. Андреев, И. «Есть на Волге городок, С ума можно сойти» / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1998. – 24 дек. (№ 196). – С. 5.
20. Андреев, И. Как червонцы появились / И. Андреев // Симбирский курьер. – 1998. – 26 дек. (№ 198). – С. 14.
21. Андреев, И. Сын полка со Стрелецкой улицы / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1999. – 4 февр. (№ 16). – С. 6.
22. Андреев, И. Вверх и вниз по Волжской горе / И. Андреев ; подгот. Т. Мавленкова // Симбирский курьер. – 1999. – 8 мая (№ 67). – Прил. с. 4/10. – (Город и власти).
23. Андреев, И. Д. Город моего детства : воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске / И. Д. Андреев ; сост. В. В. Ястребов ; ред. Н. В. Бороденкова. – Ульяновск : Мастер-Студия, 2020. – 272 с. – (В зеркале времени).
24. Петрова, С. С грустью о прошлом / С. Петрова // Симбирский курьер. – 2020. – 13 нояб. (№ 46). – С. 10.
25. Червонцы вместо миллионов // Деловое обозрение. – 2020. – № 11. – С. 42–43.

**Книга выпущена
в рамках книгоиздательской программы
Ульяновского областного отделения
Русского географического общества**

**ВЫРАЖАЕМ ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ КНИГИ:**

Игорю Игоревичу Егорову,
председателю Общественного координационного совета
УОО ВОО «Русское географическое общество»,
председателю Счётной палаты Ульяновской области,

Дмитрию Викторовичу Травкину,
председателю УОО ВОО «Русское географическое общество»,
президенту Ульяновского общественного фонда «Региональная аналитика.
Профессиональные исследования. Рейтинги» (Фонд «РАПИР»),

Наталии Васильевне Бороденковой,
главному библиотекарю отдела краеведческой литературы и библиографии
ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека
им. В. И. Ленина»,

Наталье Валентиновне Мироновой,
кандидату филологических наук, доценту кафедры журналистики,
филологии, документоведения и библиотековедения
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,

Татьяне Владимировне Мавленковой,
главному библиотекарю научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,

Светлане Валентиновне Нагаткиной,
директору
ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека
им. В. И. Ленина»,

Гузалин Самятовне Айзатовой,
заведующей отделом краеведческой литературы и библиографии
ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека
им. В. И. Ленина»,

Ольге Ивановне Денисовой,
директору ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области»,

Галине Валентиновне Романовой,
заместителю директора – начальнику отдела использования и публикации
документов ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области»,

Андрею Геннадьевичу Пашкину,
директору ОГБУ «Государственный архив новейшей истории
Ульяновской области»,

Людмиле Михайловне Сергуненковой,
заведующей читальным залом
ОГБУ «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области»,

Дмитрию Николаевичу Облезину,
директору типографии «Мастер-Студия»,

Дмитрию Петровичу Ежову,
создателю и главному редактору информационного портала «Улпресса»,

Сергею Александровичу Давыдову,
политическому консультанту,

Владиславу Михайловичу Советкину,
генеральному директору ООО «Телекомпания СТВ»,

Николаю Петровичу Глинкину,

Евгению Фёдоровичу Прожогину,
предпринимателю,

Александру Николаевичу Попову,
IT-консультанту,

Евгению Николаевичу Воронцову,
IT-консультанту,

Александру Владимировичу Колмакову,
адвокату,

Геннадию Алексеевичу Боброву,

Андрею Васильевичу Арефьеву,

Ольге Борисовне Турицыной,
предпринимателю и

Алисе Владиславовне Ястребовой.

УЛЬЯНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

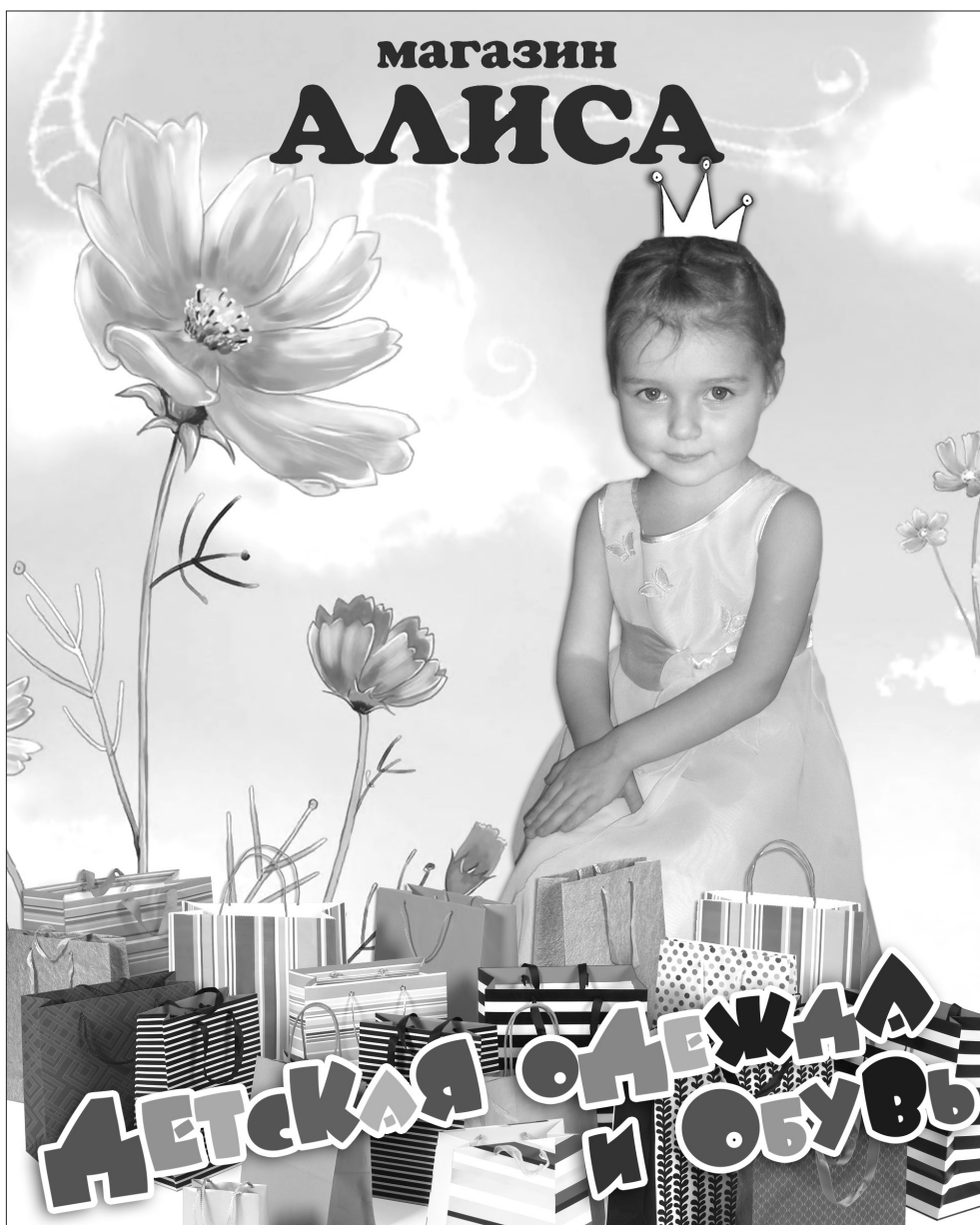
Иван Дмитриевич Андреев

РЯДОМ С ОБЛАКАМИ

ЗИМОВКИ НА ЛЕДНИКЕ ФЕДЧЕНКО

Подписано в печать 20.10.2021. Формат 70х100 /16
Тираж 200 экз. Заказ № О-159.

Отпечатано ИП Облезин Д. Н.
432071, г. Ульяновск, ул. Урицкого, 94, тел.: +7 (8422) 44 56 08.

г. Ульяновск, ул. Карла Маркса, 17

Тел.: +7 908 479 77 99

<http://vk.com/alisa073>

**В 2021–2022 гг.
в серии «В зеркале времени»
планируется выпуск следующих книг:**

СИМБИРИКА

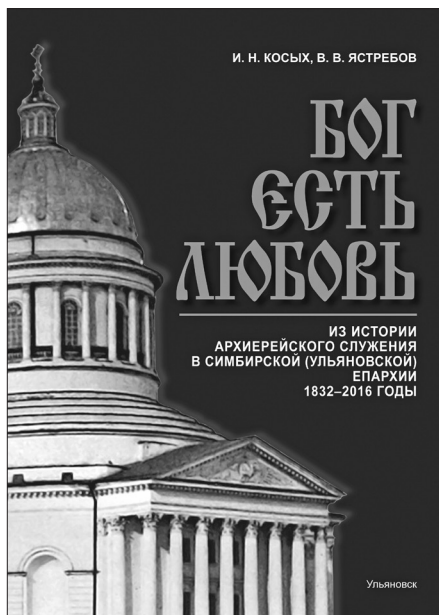
Опыт критического прочтения некоторых краеведческих текстов.
1767–1947 гг. (сост., подгот. текста и коммент. В. В. Ястребова).

Ястребов В. В. ХРАМЫ СИМБИРСКА

Ястребов В. В. ЗОДЧИЕ СИМБИРСКА

Юрлов В. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СИМБИРСКОГО СТАРОЖИЛА

* * *

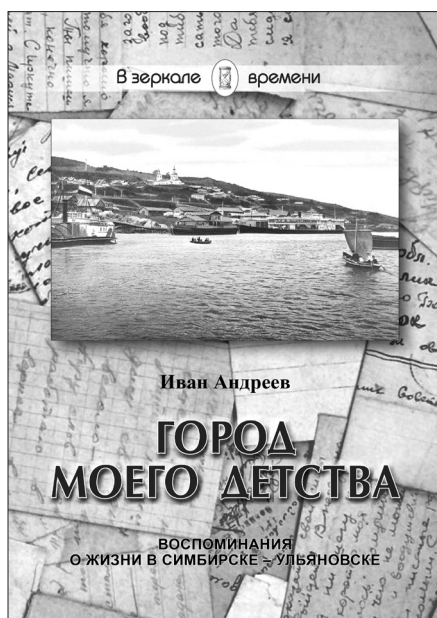
Косых И. Н., Ястребов В. В.
Бог есть Любовь. –
Ульяновск, 2016.

Иван Иноземцев.
Жаль, что время уходит... –
Ульяновск, 2019.

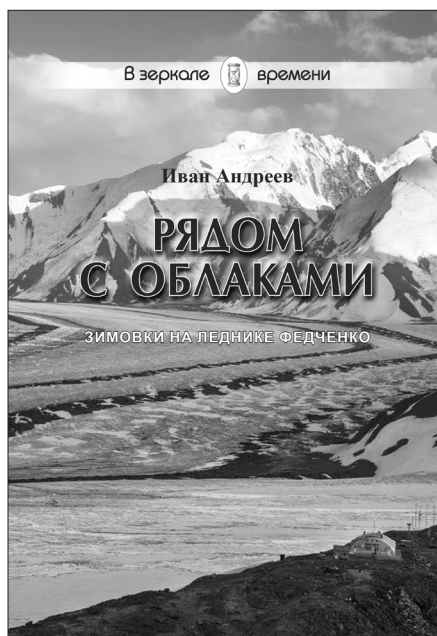
Алексей Ястребов.
Силуэты прошлого. –
Ульяновск, 2020.

Иван Андреев.
Город моего детства. –
Ульяновск, 2020.

Владислав Ястребов.
Рок в кепке Ильича. –
Ульяновск, 2021.

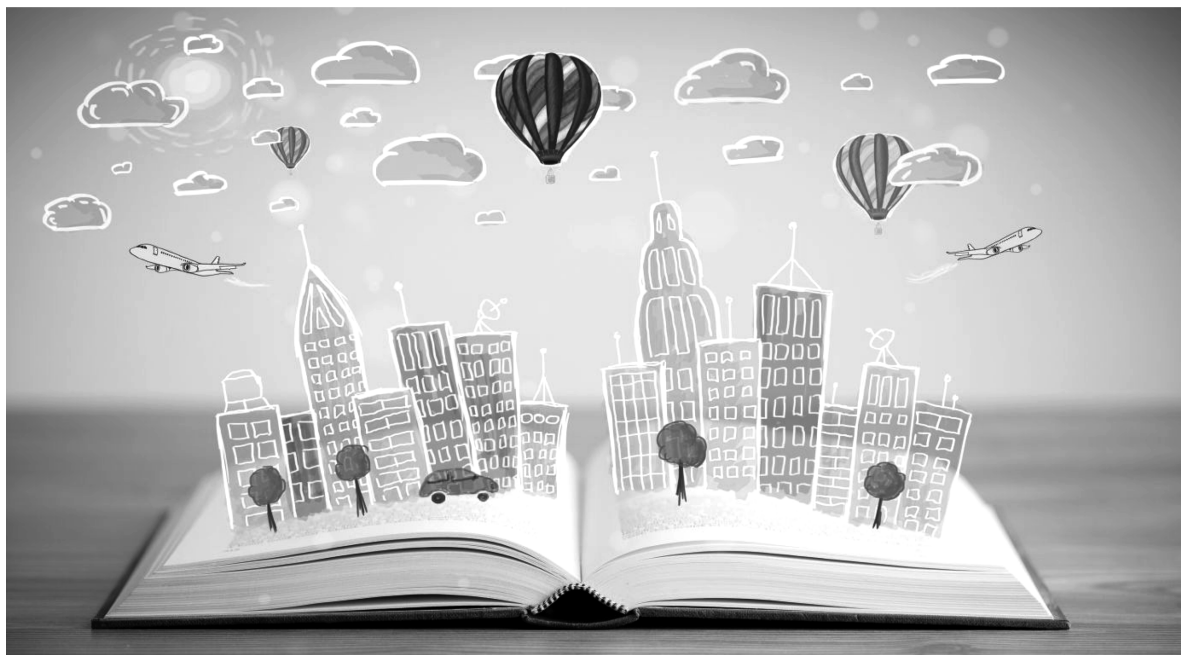

Иван Андреев.
Рядом с облаками. –
Ульяновск, 2021.

Заказы на книги принимаются по:
тел.: +7 908 479 33 55;
e-mail: yastrebov73@gmail.com и yastrebov73@yandex.ru

Напишите свою **ИСТОРИЮ**,
и мы превратим её **В КНИГУ**

КНИГУ

сверстаем | напечатаем | присвоим ISBN | доставим

г. Ульяновск, ул. Урицкого, д. 94
+7 (8422) 44 55 33, 44 56 08

masterstudio.ru

Печатаем **сочно!** Печатаем **срочно!**

6+

Реклама. Подробную информацию уточняйте у менеджеров типографии «Мастер-Студия»